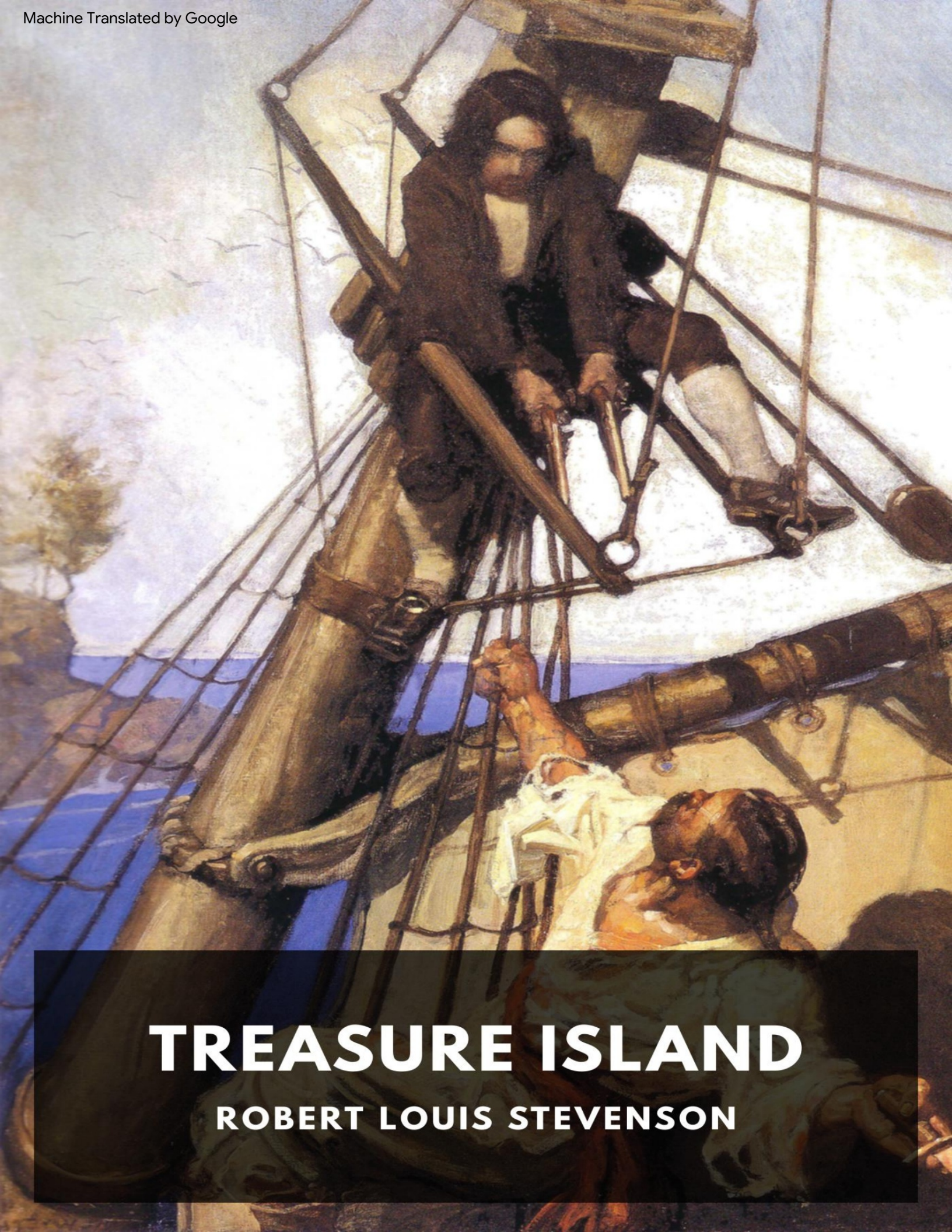

TREASURE ISLAND

ROBERT LOUIS STEVENSON

TREASURE ISLAND

ROBERT LOUIS STEVENSON

Эта электронная книга является результатом многочасовой напряженной работы волонтеров [Standard Ebooks](#), и основывается на тяжелой работе других любителей литературы, ставшей возможной благодаря общественному достоянию.

Эта конкретная электронная книга основана на транскрипции, созданной для [Project Gutenberg](#), и цифровых каналах, доступных в [Интернет-архиве](#).

Письмо и иллюстрации внутри читаются общественным достоянием США, и Standard Ebooks выпускает это издание электронной книги в соответствии с условиями, изложенными в [CC0 1.0 Universal Public Domain Dedication](#). Для получения полной информации о лицензии см. [Uncopyright](#) в конце этой электронной книги.

Standard Ebooks — это проект, управляемый волонтерами, который выпускает электронные книги общедоступной литературы с использованием современной типографики, технологий и редакционных стандартов и распространяет их бесплатно. Вы можете загрузить эту и другие электронные книги, тщательно подготовленные для истинных книголюбов, на сайте standardebooks.org.

С ОМНЕ ВАЮЩЕ МУ С Я ПОКУПАТЕ ЛЮ_

Е с ли матрос с кие с кавки на матрос с кие мелодии,
Буря и приклю чения, жара и х олод,
Е с ли шх уны, ос трова и мароны
И буканьеры, и золото закопали,
И весь с тарый романс , перес казанный
Именно по-древне му ,
Можешь пожалуйс та, как менялю били издревле,
С амые мудрые с ег одняшние подро с тки:

—Так и быть, и падай! Е с ли не,
Е с ли прилежная молодежь больше не жаждет,
Е г одревние аппетиты забыли,
Кинг с тон или х рабрый Баллантайн,
Или Купер из лес а и волны: Да будет и
так! И мог у ли я и вс е мои
пираты разделить мог илу
Г де лежат эти и их творения

К
ЛЛОЙДОС БОРН,
Американский джентльмен,
В соответствии с чьим классическим вкусом
Был разработан с ледяной расказ,
Именно сейчас, взамен многочисленных восхитительных часов
И с самыми добрыми пожеланиями,

ПРЕДАННЫЙ
Своим любящим другом,
АВТОР _

ОСТРОВ С ОКРОВАИЦ

ЧАСТЬ I

СТАРЫЙ БУКАНИР _

я

У АДМИРАЛА БЕНБОУ

Сквайр Трелони, доктор Ливси и остальные из этих джентльменов попросили меня записать все подробности об Острове Скровищ от начала до конца, не утаив ничего, кроме ориентиров острова, и то только потому, что там все еще есть скровища. Еще не снятый, я беру с собой в благодатном 17-м году и возвращаюсь к тому времени, когда мой отец держал гостиницу «Адмирал Бенбоу» и смуглый старый моряк с порезом на щеке впервые поселился под нашим крыша.

Я помню его, как будто это было вчера, когда он ковылял к двери гостиницы, его морской сундук следовал за ним в ручной тачке; высокий, сильный, грузный, смуглый мужчина; его молящаяся голова падала на плечи грязного синего пальто; его руки оборваны и покрыты шрамами, черными, сломанными ногтями и щекой, порезанной на одной щеке, грязной, мертвенно-белой. Я помню, как он оглядывал бухту и при этом насчитывал про себя, а потом запел ту старую морскую песню, которую он так часто пел потом:

«Пятнадцать человек на сундук мертвеца, Йо-хо-хо и бутылка рома!»

высоким, старческим дрожащим голосом, который, казалось, был настроен и сломан на перекладинах кабестанов. Затем он постучал в дверь палкой, похаживая на пику, которую носил с собой, а когда появился мой отец, грубо потребовал стакан рома. Это, когда ему принесли, он пил медленно, как знаток, задерживаясь на вкусе и все еще оглядываясь на скалы и нашу вывеску.

-- Удобная бухта, -- сказал он наконец. "и приятный с идный маг азинг рог ов. Много компании, приятель?

Отец сказал ему, что нет, очень мало компании, тем более жаль.

«Ну, тогда, -- сказал он, -- это место для меня. Вот ты, приятель, -- крикнул он человеку, катившему тачку. «Поднимись рядом и помоги мне поднять грудь. Я останусь здесь ненадолго, -- продолжил он. «Я простой человек; Я хочу рома, бекон и яиц, а потом отправлюсь туда, чтобы наблюдать за отплытием кораблей. Как вы могли бы назвать меня? Можешь называть меня капитаном. О, я вижу, что вы делаете -- там»; и он бросил три или четыре золотых монеты на порог. «Вы можете сказать мне, когда я проработаю это», сказал он, выходя таким же с вирепым, как командир.

И в самом деле, как бы плох он ни был одет и как бы грубо ни говорил, он не походил на человека, плывущего перед мачтой, но был похож на помощника или шкипера, привыкшего подчиняться или наносить удары. Человек, пришедший с тачкой, сказал нам, что почта высылала его накануне утром в отеле «Ройал Джордж»; что он освободился какие постоянные дворы есть на побережье, и, полагая, услышав, что нашей хороши отзываются и называли ее одинокой, выбрал ее среди других для своего места жительства. И это все, что мы смогли узнать о нашем госте.

По обыкновению он был очень молчаливым человеком. Весь день он слонялся по бухте или по скалам с медным телескопом; весь вечер он сидел в углу гостиной у огня и пил очень крепкий ром и воду. В основном он не говорил, когда к нему обращались; только взгляни вверх внезапно и резко и дуай ему в нос, как в туманный горн; и мы, люди, пришедшие в наш дом, вскоре научились не мешать ему. Каждый день, возвращаясь с прогулки, он спрашивал, не пропустили ли по дороге моряки. Сначала мы подумали, что это отсуствие общес твас ебе подобных заставило его задать этот вопрос; но в конце концов мы начали видеть, что он желал избежать их. Когда моряк становился яна

Адмирал Бенбоу (как иногда поступали некоторые, направляясь по прибрежной дороге в Бристолю), он заглядывал к нему через занавешенную дверь, прежде чем тот входил в гостиную; и он всегда был уверен, что молчал, как мышь, когда кто-либо из них присутствовал. По крайней мере, для меня в этом не было секрета; ибо я был, в некотором роде, с оучастником в его тревогах.

Однажды он отвел меня в сторону и пообещал мне серебряную чепуху пенс за первое число каждого месяца, если бы я только «сходил за погody на предмет одноногого моряка» и давал ему знать, как только он появится. Дослательно час то, когда нас тупало первое число месяца и я обращался к нему за жалованьем, он только сморкался на меня и смотрел на меня свысока; но не пройдет и недели, как он обязательно передумает, принесет мне мой четырехпенсовик и повторит свой приказ выматривать «одноногого мореплавателя».

Как этот перс онаж преследовал меня все, мне едва ли нужно сказать тебе. В бурные ночи, когда ветер сотрясал четыре угла дома, а прибой ревел в бухте и вверх по скалам, я видел его в тысячах форм и с тысячей дьявольских выражений. То ногу отрезали по колено, то по бедро; теперь он был чудовищным существом, у которого всегда была только одна нога, и та она одилась по середине его тела. Видеть, как он прыгает, бежит и преследует меня через изгородь и канаву, было худшим из кошмаров. И в целом я довольно дорожал за свой ежемесячный четырехпенсовик в виде этих гнусных фантазий.

Но хотя меня так пугала мысль об одноногом мореплавателе, с амого капитана боялся я гораздо меньше, чем кто-либо другой, знавший его. Бывали ночи, когда он выпивал рома и воды гораздо больше, чем мог ла вынести его голова; и тогда он иногда сидел и пел свои злые, старые, дикие морские песни, ни на кого не обращая внимания; но иногда он требовал стаканы и заставлял всю дрожащую компанию слушать его рассказы или подпевать его пению. Частая слышал, как дом содрогается от «Йо-х-о-

го и бутылку рома», — все соседи присоединяются к ней ради жизни, в страхе перед смертью, и каждый поет громче друг о го, чтобы избежать замечаний. Ибо в этих припадках он был самым властным компаньоном из когда-либо известных; он хлопнул бы ладонью по столу, чтобы все вокруг замолчали; он вскакивал в ярости на вопрос, а иногда и потому, что его не задавали, и поэтому он считал, что компания не следит за его рассказом. Он также не позволил бы никому покинуть гостилицу, пока не напьется до полусмерти и не уляжется в постель.

Его рассказы пугали людей больше всего. Ужасные истории они были; о повешении и х одьбе по доске, и о штормах на море, и о Сухих Тортугах, и о диких делах и местах на Испанском Майне. По его собственным словам, он, должно быть, прожил свою жизнь среди одних из самых несчастных людей, которых Бог когда-либо допустил на море; и язык, которым он рассказывал эти истории, шокировал наших простых деревенских людей почти так же сильно, как преступления, которые он описывал. Мой отец всегда говорил, что гостилица будет разорена, потому что с королем перестанут приходить туда, чтобы их тиранили, угнетали и отправляли дрожащими спать; но я действительно верю, что его присутствие пошло нам на пользу. Люди тогда были напуганы, но, оглядываясь назад, им это нравилось; это было прекрасное волнение в тихой деревенской жизни; и была даже группа молодых людей, которые делали вид, что восхищаются им, называя его «настоящим морским псом» и «настоящим старым соловьем» и тому подобными именами и говоря, что есть такой тип людей, которые делают Англию ужасной на море.

С одной стороны, действительно, он хотел погубить нас; потому что он продолжал охватывать неделю за неделей, а в конце месяца за месяцем, так что все деньги были давно исчерпаны, и все же мой отец никогда не осмеливался настаивать на том, чтобы иметь больше. Если он когда-либо упоминал об этом, капитан дул так громко, что можно было сказать, что он ревел, и смотрел на моего бедного отца из комнаты. Я видел, как он заламывал руки после такого отпора, и я уверен, что раздражение и

ужас, в котором он жил, должен был значительно ускорить его раннюю и несчастную смерть.

Все время, что он жил с нами, капитан не сделал никаких изменений в его одежде, кроме как купить чулки у торговца. Один из петушков его шляпы упал, и с того дня он оставил его висеть, хотя сильно раздражался, когда он дул. Я помню вид его пальто, которое он сам залатал наверху, в своей комнате, и которое до конца было не чем иным, как заплатами. Он никогда не писал и не получал писем и никогда не разговаривал, кроме случаев, а с ними большей частью только в пьяном виде от рома. Его ромный сундук, который никто из нас никогда не видел открытым.

С ним только раз поругались, и то в конце, когда мой бедный отец был уже далеко в упадке, который сбил его с толку. Однажды поздно вечером доктор Ливс пришел навесить больного, пообедал у моей матери и пошел в гостиную покурить трубку, пока его лошадь не выйдет из деревни, потому что в старом Бенбоу у нас не было конюшни. Я последовал за ним, помню, заметил контраст между опрятным, блестящим доктором, с его белой, как снег, пудрой, и с его блестящими черными глазами и приятными манерами, с деланными деревенскими молодцами, и, главное, с этим грязным, тяжелое, облуленное чучело нашего пирата, идущего далеко в роме, положив руки на стол. Вдруг он, то есть капитан, запел свою вечную песню:

«Пятнадцать человек на сундук мертвеца, Й-о-х-о-х-о и бутылка рома!

— Выпей, а с остальным черт покончил — Й-о-х-о-х-о и бутылка рома!

Сначала я подумал, что «сундук мертвеца» — это тот же самый большой ящик, что и у него наверху, в передней комнате, и эта мысль мешивалась в моих кошмарах с мыслью о

одноногий мореплаватель. Но к этому времени мы все уже давно перестали обращать свое внимание на эту песню; В ту ночь это было ново ни для кого, кроме доктора Ливси, и я заметил, что на него это не произвело приятного впечатления, потому что он на мгновение поднял взгляд весьма сердито, прежде чем продолжить свой разговор с старым Тейлором, с адвокатом, на Новое лекарство от ревматизма. Тем временем капитан постепенно оживлялся от своей музыки и, наконец, хлопнул рукой по столу перед собой, что, как мы все знали, означало тишину. Голос сразу стихли, все, кроме доктора Ливси; он продолжал по-прежнему, говоря спокойно и ласково, и между каждым словом или двумя бойко потягивал трубку. Капитан некоторое время глядел на него, с новыми руками, глядел еще пристальнее и, наконец, разразился злодейской руганью: -- Тише, там, между пальцами!

— Вы обращались ко мне, сэр? сказал доктор; и когда у него спросили, с какой клятвой, что это так, он ответил: «Я могу сказать вам только одно, сэр, что если вы будете продолжать пить ром, мир скоро выйдет из очень грязного одеяла!»

Ярость старика была ужасна. Он вскочил на ноги, нарисовал и открыл матросский складной нож, держа его раскрытым на ладони, пригрозил пригрозить доктору к стене.

Доктор даже не пошевелился. Он говорил с ним, как впереди, через плечо, и тем же голосом, несколько выским, чтобы слышала вся комната, но совершенно спокойно и твердо:

— Если ты сейчас же не положишь этот нож в карман, я клянусь честью, вы будете повешены на следующих присяжных.

Затем последовала битва взглядов между ними; но вскоре капитан согнулся, поднял оружие и снова сел на свое место, ворча, как побитая собака.

- А теперь, сэр, - продолжал доктор, - поскольку я теперь знаю, что в моем районе есть такой парень, вы можете считать, что я

окозатобю день и ночь. Я не только врач, я судья и если я поймаю дух жалобы на вас, если это только из-за грубости, как сегодня вечером, я приму действенные меры, чтобы выслать и разбить вас отсюда. Пусть это будет достаточно.

Вскоре после этого лошадь доктора Ливс и подъехал к двери, и он ускакал, но капитан хранил молчание в тот вечер и на многие последующие вечера.

II

ЧЕРНАЯ СОБАКА ПОЯВЛЯЕТСЯ И ИСЧЕЗАЕТ

Вскоре после этого произошло первое из таинственных событий, которые наконец избавили нас от капитана, хотя, как вы увидите, не от его дела. Стояла лютаях олодная зима, с долгими сильными морозами и сильными бурями; и с самого начала было ясно, что мой бедный отец вряд ли увидит весну. Он тонул каждый день, и моя мать, и я всягостиница была в наших руках, и мы были дос таточно заняты, не обращаясь обог овнимания на нашего неприятного гостя.

Было одно январское утро, очень раннее, знойное, морозное утро, бухта вся серая от инея, рябь мягоплещетсяя камнями, солнце еще низко, только касается вершин холмов и свистит далеко в море. Капитан встал раньше, чем обычно, и пошел по берегу, его кортик болтался под широкими полами старого синего плаща, медная подзорная труба была под мышкой, шляпа была сдвинута на затылок. Я помню, как его дыхание висело, как дым, за ним, когда он шел прочь, и поледним звуком, который я слышал от него, когда он поворачивал большой камень, было громкое фыркание негодования, как будто его мысли все еще были заняты доктором Ливси.

Итак, мать была наверху с отцом, и я накрывал стол для завтрака к возвращению капитана, когда дверь гостиной отворилась и вошел человек, которого я никогда прежде не видел. Это было бледное, жирное существо, которому не хватало двух пальцев на левой руке; и, хотя он носил саблю, он не очень походил на бойца. У меня всегда были открыты глаза на моряков с одной или двумя ногами, и я помню, что это озадачило меня. Он не был матросом, и все же в нем был привкус моря.

Я с прос ил ег о, что за ег о услуг и, и он с казал, что
возьми ром, но ког да я вых одил из комнаты за ним, он с ел на стол и
жес том приг лас ил меня подойти поближе. Я о с тановилс я там, г де с тоял,
с с алфеткой в руке.

-- Иди с ю да, с ынок, -- с казал он. — Подой ди с ю да.

Я с делал шаг ближе.

«Эт о здес ь с тол для моег о приятеля Билла?» — с прос ил он с некоторой
ух мылкой.

Я с казал ему, что не знаю ег о приятеля Билла, и это было
человек, о с танавливавшийс я у нас дома, которог о мы называли
капитаном.

«Ну, — с казал он, — мой помощник Билл бу дет называт ьс я капитаном,
вроде как нет. У нег о порез на одной щеке, и мой приятель Билл
очень приятно с ним обра щетс я о с бенно в выпивке. С кажем так,
например, что у вашег о капитана порез на одной щеке, и с кажем, ес ли
х отите, что эта щека правильная. Ах х орошо! Я г оворил тебе. Мой
приятель Билл здес ь, в этом доме?»

Я с казал ему, что он ушел гулять.

— Куда, с ынок? Куда он ушел?

И ког да я указал на скалу и с казал ему, как капитан, вероятно, вернетс я
и как с коро, и ответил на неск олько друг их вопро с ов, "Ах ," с казал он,
"это бу дет вс е равно, что пить моему помощнику Биллу ».

Выражение ег о лиц а при этих словах было с овс ем не приятным, и у
меня были с вои причины думать, что незнакомец ошибс я даже ес ли
предположить, что он имел в виду то, что с казал. Но это не мое дело,
подумал я кроме тог о, было трудно понять, что делать.

Незнакомец вс е околачивалс я прямо у двери г о стиниц ы,
выг лядывая из-за уг ла, как кошка, ожидаю щая мыш ь.
Однажды я с ам вышел на дорог у, но он тут же окликнул меня а так как я
не дос таточно бы с тро повиновалс я ег о воображению, то ужас нейшая
перемена произошла на ег о жирном лиц е, и он приказал мне войти с
руг ательс твою, которое зас тавило меня прыг ать. Как только я вернулс я,
он вернулс я к с воим прежним манерам,

полу подхалимливо, полу насмешливо, похлопал меня по плечу, сказал, что
яхороший мальчик, и что я ему очень понравился.

-- У меня есть собственный сын, -- сказал он, -- как две капли воды
похожий на вас, и он -- вся гордость моего искусства. Но самое главное
для мальчиков — это дисциплина, сын, дисциплина. Так вот, если бы
вы плыли вместе с Биллом, вы бы не стояли там, чтобы с вами дважды
говорили, — не вы. Это никогда не было ни у Билла, ни у тех, кто плыл
вместе с ним. А вот и мой приятель Билл с подозрительной трубой под мышкой,
да благословит его старое искусство, конечно. Мы с тобой просто
вернемся в гостиную, сын, зайдем за дверь и преподнесем Биллу
небольшой сюрприз — да благословит его искусство, повторяю еще раз.

С этими словами незнакомец попятился вместе со мной в гостиную
и поставил меня позади себя в угол, так что мы оба скрылись за
открытой дверью. Я был очень встревожен и встревожен, как вы можете
себе представить, и к моим опасениям добавилось то, что незнакомец,
несомненно, и сам был напуган. Он снял рукоятку сабли и ослабил
лезвие в ножнах, и все время, пока мы ждали там, он продолжал
сглатывать, как будто чувствовал то, что мы называли комом в горле.

Наконец вошел капитан, захопнул за собой дверь
его, не глядя ни направо, ни налево, и прошел прямо через комнату
туда, где его ждал завтрак.

-- Билл, -- сказал незнакомец голосом, который, как мне показалось,
пытался сделать жирным и большим.

Капитан развернулся на каблуках и направился к нам; весь коричневый
с ошелесил с его лица, и даже нос стал синим; у него был вид человека,
который видит привидение, или лукавого, или что-нибудь похуже, если
что может быть; и, честное слово, мне стало жалко видеть, как он вдруг
стал таким старым и больным.

«Ну же, Билл, ты меня знаешь; ты знаешь старого товарища по плаванию, Билла,
конечно, -- сказал незнакомец.

Капитан как бы ахнул.

"Черный пес!" сказал он.

—А кто еще? вернулс я друг ой, получа я больше на ег о
прос тот а. «Черный Пес , как вс ег да, пришел повидатьс я с о своим
с тарым товарищ ем по кораблю Билли в г ос тиниц е «Адмирал Бенбоу». Ах ,
Билл, Билл, мы видели мног о раз, мы двое, с тех пор, как я потерял
их два ког тя, — поднял он с вою изуродованную руку.

-- Пос лухайте, -- с казал капитан. «Вы меня с били;
а вот и я ну, тог да г овори; что это такое?"

—Этот ты, Билл, — ответил Черный Пес . —Ты прав, Билли. Я выпью
рюм ку рома от этог о милог о ребенка, так как мне это очень понравилос ь;
и мы с ядем, ес ли позволите, и пог оворим откровенно, как с тарые
товарищи по кораблю .

Ког да я вернулс я с ромом, они уже с идели по обе с тороны от капитанс ког о
с тола для завтрака —Черный Пес —рядом с дверью и с идел боком, так,
чтобы одним г лазом с мотреть на с воег о с тарог о товарищ а по кораблю , а
друг им, как я думал, на ег о отс тупление. .

Он велел мне пойти и ос тавить дверь широко открытой. "Ни один из
твои замочные с кважины для меня с ынок, —с казал он, и я ос тавил
их вместе и удалилс я в бар.

Долг ое время х отяя конечно, изо вс ех с ил прис луживалс я я не мог
с лышать ничег о, кроме тих ог о бормотания; но, наконец , г олос а с тали
с тановитьс я выше, и я с мог разобрать у капитана пару с лов, в ос новном
руг ательств.

"Нет нет Нет Нет; и конец этому!" он плакал один раз. И
опя ть: «Ес ли уж качатьс я то качайте вс ех , г оворю я».

И вдруг раздалс я страшный взрыв
руг ательств а и прочие шумы; с тул и с тол рух нули в комок, пос ледовал
ляг с тали, потом крик боли, и в с ледую щее мг новение я увидел
Черног о Пс а во вес ь опор, и капитана, г орячо прес ледую щег о, как
с обнаженными тес аками, так и бывшег о с трую щег о с я кровью из левог о
плеча. У с амой двери капитан нанес бег лец у пос ледний мощн ый удар,
который наверня ка рас кроил бы ег одо с амог о подбородка, ес ли бы ег о
не перех ватила наша больша я вывес ка с изображением адмирала Бенбоу.
Вы можете увидеть выемку на нижней с тороне рамы и по с ей
день.

Этот удар был последним в битве. Выйдя на дорогу, Черный Пес, немотряна с вою рану, показал чудесные чистые каблуки и через полминуты с крылся краем олма. Капитан, с своей стороны, стоял, уставившись на вывеску, как сбитый толку человек. Затем он несколько раз провел рукой по глазам, наконец, вернулся в дом.

«Джим, — говорит он, — ром». и когда он говорил, он немного пошатнулся и поймал себя одной рукой на стене.

"Вы ранены?" закричал И.

—Ром, — повторил он. «Я должен уйти отсюда. Ром! ром!"

Я побежал за ним, но меня совсем не удержало все, что выпал, и я разбил один стакан, и запачкал кран, и, пока еще мешал себе, я услышал громкое падение в гостиной, вбежав, увидел капитана, лежащего во весь рост на полу. В то же мгновение моя мать, встревоженная криками и дракой, побежала вниз, чтобы помочь мне. Между нами мы подняли голову. Он дышал очень громко и тяжело, но его глаза были закрыты, а лицо было ужасно цвета.

«Дорогой, милый я» -- воскликнула моя мать. -- Какой позор для дом! И твой бедный отец болен!

Тем временем мы понятия не имели, что делать, чтобы помочь капитана, никаких других мыслей, кроме того, что он получил смертельную рану в драке с незнакомцем. Конечно, я достал ром и попытался влить его ему в горло, но его зубы были крепко сжаты, а челюсти крепки, как железо. Мы испытали большое облегчение, когда дверь открылась и вошел доктор Ливси, навещавший моего отца.

«О, доктор, — кричали мы, — что нам делать? Где он ранен?»

«Раненый? Конечу рунды!» — сказал доктор. "Больше не надо ранен, чем вы или я. У человека случился инсульт, как я его и предупреждал. А теперь, миссис Хокинс, поднимитесь наверх к своему мужу и по возможности ничего ему не говорите. Для меня

отчасти я должен сделать все, что в моих силах, чтобы с пастивтройне бесполезную жизнь этого парня и, Джим, купи мне тазик.

Когда я вернулся с тазом, доктор уже разорвал рукав капитана и обнажил его оголенную жилистую руку. Он был татуирован в нескольких местах. «Вот удача», «Попутный ветер» и «Билли Бонс, его фантазия» были очень аккуратно и ясно выполнены на предплечье; а у самого плеча был набросок виселицы и висельника на ней человека, сделанный, как мне показалось, с большим воодушевлением.

-- Пророческое, -- сказал доктор, прикоснувшись к этой картине ладонью. Палец. — А теперь, мастер Билли Боунс, если вас так зовут, мы посмотрим на цвет вашей крови. Джим, — сказал он, — ты боишься крови?

-- Нет, сэр, -- сказал я

«Ну, тогда, — сказал он, — держите тазик».
он взял с собой ланцет и вскрыл вену.

Было взято много крови, прежде чем капитан открыл его глаза и посмотрел туманно о нем. Сначала он узнал доктора по заметному хмутому взгляду; затем его взгляд упал на меня, и он выглядел облегченным. Но вдруг его цвет изменился, и он попытался подняться, крича: «Где

Черный Пес?»

«Здесь нет Черногоса, — сказал доктор, — кроме того, что у вас на спине. Вы пили ром; у вас был инсульт именно так, как я вам говорил; и я только что, очень против моей воли, вытащил вас головой вперед из могилы. Итак, мистер Боунс ...

— Это не мое имя, — прервал он.

-- Меня это очень волнует, -- ответил доктор. -- Это фамилия одного моего знакомого пирата, и я называю вас так для краткости, и вот что я вам хочу сказать: один стакан рома вас не убьет, но если вы выпьете один, вы возьмете еще и еще, а парик ставлю на кон, если ты не прервешься ты умрешь — понимаешь? — умрешь и отправишься в свое место, как человек в Библии. Давай же, постарайся хоть раз я помог тебе лечь в постель.

Между нами, с большим трудом, мы подняли его наверх и положили на кровать, где его голова упала на подушку, как будто он был почти в обмороке.

-- Ну, заметьте, -- сказал доктор, -- очищая совесть -- имя рома для вас -- смерть.

И с тем он пошел к моему отцу, взяв меня с собой под руку.

—Ничего, — сказал он, как только закрыл дверь. «Я пролил достаточно крови, чтобы заставить его ненадолго замолчать; пусть он неделю пролежит там, где лежит, — это лучше и для него, и для вас, но еще один удар успокоит его.

III ЧЕРНОЕ ПЯТНО_

Около полудня я о становился капитанской двери с прохладительными напитками и лекарствами. Он лежал почти так же, как мы его о ставили, только немножко выше, и казался одновременно с лабым и возбужденным.

«Джим, — сказал он, — ты здесь единственный, кто чего-то стоит; и ты знаешь, что я все-таки был добр к тебе. Ни одного месяца, но я дал тебе четыре пенни с серебром для себя. А теперь видишь, приятель, я довольно низок и все ми покинут; а теперь, Джим, ты принесешь мне одну кружку рома, ладно, приятель?

— Доктор... — начал я.

Но он вмешался ругая доктора с лабым голосом, но от всей души. «Врачи — это все мазки», — сказал он; -- А вот тот доктор, что он знает о мореплавателях? Я бывал в жарких, как с моль, местах, и товарищи падали с желтым валетом, и благословенная земля вздымающаяся как море, от землетрясений - что доктор знает о таких землях? - и я жил на роде, скажу я вам. Для меня это была пища и питье, муж и жена; и если я не хочу пить ром сейчас, я буду бедным с тарым здоровяком на подветренном берегу. Моя кровь будет на тебе, Джим, и на этом докторском мазке, — и он еще какое-то время продолжал ругаться — Смотри, Джим, как у меня пальцы ерзают, — продолжал он умоляющим тоном. — Я не могу удерживать их в покое, не я. Я не выпил ни капли в этот благословенный день. Этот доктор дурак, скажу я вам. Если я не выпью рома, Джим, у меня будут ужасы; Я уже видел кое-что на них. Я видел старого Флинта вон там, в углу, позади тебя; но, как печать, я видел его; и если я получу ужасы, я человек, который жил с урово, и я подниму Каина.

Ваш доктор сам сказал, что один стакан мне не повредит. Я дам тебе золотую гинею за говору, Джим.

Он становился все более и более возбужденным, и это тревожило меня потому что мой отец, который был очень подавлен в тот день, нуждался в тишине; кроме того, меня успокоили слова доктора, которые мне теперь цитировали, и несколько обидели предложением взятки.

-- Мне нужны не ваши деньги, -- сказал я -- а то, что вы должны моему отцу. Я принесу тебе одну рюмку и не больше.

Когда я принес его ему, он с жадностью схватил его и выпил.

-- Да, да, -- сказал он, -- это, конечно, лучше. А теперь, приятель, доктор сказал, сколько мне еще лежать здесь, на этой старой койке?

-- По крайней мере неделю, -- сказал я

"Гром!" воскликнул он. "Неделя Я не могу этого сделать; к тому времени у них будет черная точка на мне. Любберы вот-вот пронюхают обо мне в этот благословенный момент; любберы, которые не могут удержать то, что имеют, и их отягчить чужое. Я хочу знать, разве это морское поведение? Но я спасаю душу. Я никогда не тратил своих хороших денег и попусту и не терял их; и я обману их снова. Их не боюсь. Я вытряхну еще один риф, приятель, и снова пошлепаю."

Говоря это, он поднялся с постели с великим трудом, держась за мое плечо хвостом, от которой я чуть не вскрикнула, и передвигая ногами, словно мертвым грузом. Его слова, сколько бы энергичными они ни были по мысли, печально контрастировали с слабостью голоса, которым они были произнесены. Он становился когда занял сидячее положение на краю.

—Этот доктор меня прикончил, — пробормотал он. «Мои уши гение. Положите меня обратно.

Прежде чем я успел сделать что-нибудь, чтобы помочь ему, он снова упал на свое прежнее место, где он лежал некоторое время молча.

-- Джим, -- сказал он наконец, -- вы видели сего дня того моряка?

"Черный пес?" Я спросил.

«Ах ! Черный Пес , —с казал он. Он плохой человек; но есть и пох уже, что его поставило. Теперь, если я никак не могу уйти, и они навлекут на меня черную точку, заметьте, им нужен мой старый морской сундук; вы садитесь на лошадь —вы можете, не так ли? Ну, так ты сядешь на коня и поезжай к —ну да, я поеду! —к этому вечному доктору-швабре и скажи ему, чтобы он всех рук — магистратов и тому подобное —посадил на борт у «Адмирала».

Бенбоу —вся команда с тарого Флинта, мужчина и мальчик, все, что осталось. Я был первым помощником, я был первым помощником с тарого Флинта, и я единственный, кто знает это место. Он дал его мне в Саванне, когда лежал при смерти, как если бы я должен был сделать это сейчас, понимаете. Но ты не будешь говорить, пока на меня не наложат черную точку, или если ты снова не увидишь того Черногоса или одного из моряков, Джима, —прежде всего его.

—Но что это за черное пятно, капитан? Я спросил.

—Это вызов, приятель. Я скажу вам, если они получают это. Но смотри на погоду, Джим, и я поделюсь с тобой на равных, клянусь честью.

Он бродил еще немного, голос его остановился все слабее; но вскоре после того, как я дал ему лекарство, которое он принял, как ребенок, с замечанием: "Если когда-либо моряку нужны были лекарства, так это мне", он, наконец, погрузился в тяжелый, похотливый на обморок сон, в котором я ставил ему. Что я должен был сделать, если бы все прошло хорошо, я не знаю. Вероятно, мне следовало рассказать всю историю доктору; ибо я был в смертельном страхе, как бы капитан не раскаялся в своих признаниях и не покончил с собой. Но так случилось, что мой бедный отец внезапно скончался в тот вечер, что отодвинуло все другие дела на второй план. Наше естественное бедствие, визиты соседей, подготовка к похоронам и вся работа по постоялому двору, которую нужно было выполнить тем временем, отняли у меня только дел, что у меня почти не было времени подумать о капитане, не говоря уже о том, чтобы боиться его.

На следующее утро он, разумеется, спустился вниз и ел как обычно, хотя ел мало и, боюсь, выпил больше обычного запаса рома, потому что он вылез из бара, хмурясь и с морщась, и

никто не смеет переступить ему дорогу. В ночь перед похоронами он был как никогда пьян; и было ужасно слышать в этом доме траур, как он поет свою уродливую старую морскую песню; но, как ни слаб он был, мы все боялись за него смерти, а доктор вдруг занялся делом за много миль и никогда не был рядом с домом после смерти моего отца.

Я сказал, что капитан был слаб, и действительно, казалось, что он скорее ослабел, чем восстановил свои силы. Он карабкался вверх и вниз по лестнице, ходил из гостиной в бар и обратно, а иногда высовывал нос на улицу, чтобы понюхать море, держался за стены, пытаясь найти опору, и дышал тяжело и часто, как человек на крутой горе. Он никогда особенно не обращался ко мне, и я уверен, что он почти забыл свои секреты; но его нрав был более взбалмошным, учитывая его телесную слабость, более буйным, чем когда-либо. Теперь, когда он был пьян, у него была тревожная манера вытаскивать свою саблю и класть ее обнаженной перед собой на стол. Но при всем этом он меньше обращал внимание на людей и казался замкнутым в своих мыслях и несколько блуждающим. Однажды, к нашему величайшему изумлению, он запел на другой лад, что-то вроде деревенской любовной песни, которую он, должно быть, выучил в юности, еще до того, как начал следовать за морем.

Так дело и шло до дня после похорон и около трех часов утра, туманного, морозного дня, я с минуту стоял у дверей, полный грустных мыслей об отце, когда увидел, что кто-то медленно приближается по дороге. Он был явно слеп, потому что постукивал перед собой палкой, а на глазах и носу у него была большая зеленая тень; и он был согбен, как будто от старости или слабости, и был одет в огромный старый рваный морской плащ-капюшон, который придавал ему прямо уродливый вид. Я никогда не видел в своей жизни более ужасной фигуры. Он остановился немноготрактира и, возвысив голос в странной распевной песне, обратился к воздуху перед собой:

«Собщит ли добрый друг бедному слепцу, потерявшему драгоценный взгляд его глаз на милостивую защиту родной страны, Англии, и да благословит его подь короля Георга! - где или в какой части этой страны он может сейчас находиться?»

-- Вы в "Адмирал Бенбоу", бухта Блэк-Хилл, добрый человек, -- сказал я

-- Я слышу голос, -- сказал он, -- молодой голос. Дашь мне руку, мой добрый юный друг, и введи меня внутрь?

Я протянул руку, и ужасный, тихий, безглазый существо схватило его в одно мгновение, как тиски. Я был так поражен, что попытался отодвинуться, но слепой одним движением руки притянул меня к себе.

— А теперь, мальчик, — сказал он, — отведи меня к капитану.

-- Сэр, -- сказал я, -- честное слово, я не смею.

— О, — усмехнулся он, — вот оно! Веди меня прямо, или я сломаю тебе руку.

Он дал ему, как он говорил, ключ, который заставлял меня вскрикнуть.

-- Сэр, -- сказал я, -- я имею в виду для себя. Капитан уже не тот. Он сидит с обнаженной саблей. Другой джентльмен...

-- Ну же, марш, -- перебил он, и я ни разу не слышал голоса такой жестокий, холодный и безобразный, как у этого слепого. Это напугало меня больше, чем боль, и я тотчас же стал ему подчиняться, войдя прямо в дверь и направляясь в гостиную, где сидел больной старый пират, одурманенный ромом. Слепой прижался ко мне, держа меня в одном железном кулаке, и навалился на меня чуть ли не большей частью своего веса, чем я мог вынести. — Подведите меня прямо к нему и, когда я увижу его, крикните: «Вот тебе друг, Билл». Если ты этого не сделаешь, я сделаю это, — и с этими словами он дернул меня от чего, как я думал, я бы потерял сознание. Между этим и этим я был так напуган слепым нищим, что забыл о своем страхе перед капитаном и, открывая дверь гостиной, дрожащим голосом выкрикивал слова, которые он приказал.

Бедный капитан поднял глаза, и от одного взгляда ром вышел из него, и он остался ясным. Выражение

лицо его выражало не столько ужас, сколько смертельную болезнь. Он сделал движение, чтобы подняться, но я не думаю, что в его теле осталось достаточно сил.

«Теперь, Билл, садись на место», — сказал нищий. «Если я не вижу, то слышу шевелящийся палец. Бизнес есть бизнес. Протяните левую руку. Мальчик, возьми его левую руку за запястье и поднеси ее к моей правой.

Мы оба послушались его одолжно, и я видел, как он передал что-то из ладони, в которой была его палка, в ладонь капитана, которая тут же сомкнулась на ней.

-- Вот и свершилось, -- сказал слепой и в слова он вдруг вырвал у меня из рук и с невероятной ловкостью и ловкостью выскочил из гостиной на дорогу, где, пока я стоял неподвижно, я слышал, как его палка постукивала вдаль.

Прошло некоторое время, прежде чем мне или капитану показалось, что с обратными чувствами; но в конце концов и примерно в тот же момент я отпустил его запястье, которое все еще держал, и он втянул руку и пристально посмотрел на ладонь.

"Десять часов!" воскликнул он. "Шесть часов! Мы их еще делаем!" и он вскочил на ноги.

При этом он пошатнулся, приложил руку к горлу, с минуту стоял, покачиваясь, а потом с каким-то обеспокоенным звуком упал во весь рост лицом вперед на пол.

Я сразу подбежала к нему, зову маму. Но пешка была напрасной. Капитан был убит апоплексическим ударом. Любопытно это понять, потому что я, конечно, никогда не любил этого человека, хотя в последнее время стал его жалеть, но как только я увидел, что он мертв, я залился слезами. Это была вторая смерть, которую я знал, и печаль первой была еще свежа в моем сердце.

IV

МОРСКОЙ СУНДУК

Я, конечно, не теряя времени, рассказал матери все, что знал и, может быть, должен был сказать ей задолго до того, и мы тотчас же увидели себя в трудном и опасном положении. Часть денег этого человека — если они у него были — безусловно, была причитається нам, но маловероятно, чтобы товарищи по кораблю нашего капитана, особенно те два экземпляра, которых я видел — Черный Пес и Слепой нищий — были склонны отказываться от своих денег. добычи в счет уплаты долга покойного. Приказ капитана немедленно сесть верхом и ехать за доктором Ливси и поставить мою мать в одиночестве и без защиты, о чем нельзя было и думать. В самом деле, ни одному из нас казалось невозможным долго оставаться в доме; падение углей в кухонную решетку, само тиканье часов наполняли нас тревогой. Окрестности, на наш слух, казались преследуемыми приближающимися шагами; и что между мертвым телом капитана на полу гостиной и мыслью об этом отвратительном слепом нищем, парящем поблизости и готовом вернуться были моменты, когда, как говорится, я подпрыгивал от ужаса. Что-то нужно было срочно решить, и нам пришлось в голову наконец пойти вместе и искать помощи в соседнем селении. Сказано — сделано. С непокрытой головой мы тотчас выбежали в густой с явечер и морозный туман.

Деревня находилась всего в нескольких сотнях ярдов, но вне поля зрения, на другой стороне следающей бухты; и что очень воодушевило меня, это было в направлении, противоположном тому, откуда появился Слепой и куда он предположительно вернулся. Нас было не много.

минут в пути, хотя иногда мы останавливались, чтобы подхватить друг друга и послушать. Но не было никакого необычного звука — ничего, кроме тихого плеска и карканья обитателей леса.

Когда мы добрались до деревушки, уже горели свечи, и я никак не забуду, как обрадовался, увидев желтое сияние в дверях и окнах; но это, как оказалось, было лучшей помощью, которую мы могли получить в этом квартале.

Ибо — вы могли бы подумать, что людям будет стыдно за себя — ни одна душа не согласилась вернуться с нами к адмиралу Бенбоу. Чем больше мы рассказывали о своих бедах, тем больше они — мужчины, женщины и дети — цеплялись за укрытие своих домов. Имя капитана Флинта, хотя оно и казалось мне странным, кое-кому там было достаточно хорошо известно и навредило на них ужас. Кое-кто из мужчин, которые были на полевых работах на дальнем берегу «Адмирала Бенбоу», все помнили, кроме того, что видели на дороге нескольких незнакомцев и, приняв их за контрабандистов, скрылись; и один, по крайней мере, видел маленького люггера в месте, которое мы называли Киттс-Холл. Если нато пошло, любого, кто был товарищем капитана, было достаточно, чтобы напугать их до смерти. Суть дела заключалась в том, что, хотя мы и смогли найти нескольких желающих поехать к доктору Ливси, что лежало в другом направлении, ни один из них не помог бы нам защитить гостиницу.

Говорят, трусость заразительна; но тогда аргумент, с другой стороны, является большим ободрением; и поэтому, когда каждый сказал свое слово, моя мать произнесла им речь. Она заявила, что не потеряет деньги, принадлежащие ее сыну, оставшемуся без отца. «Если никто из вас не посмеет», сказала она, «Джим и я осмелимся. Назад мы пойдем тем же путем, которым пришли, и маленькое спасибо вам, большим, неповоротливым, бессердечным мужчинам! Мы откроем этот сундук, если умрем за него. И я поблагодарю вас за этот мешок, миссис Кроссли, чтобы вернуть наши законные деньги».

Конечно, я сказал, что поеду с матерью; и, конечно, все они кричали о нашем безрассудстве; но даже тогда не

человек пошел бы вместе с нами. Все, что они могли с делать, это дать мне заряженный пистолет, чтобы на нас не напали; и пообещать оседлать лошадей на случай, если по возвращении нас будут преследовать; в то время как один парень должен был ехать вперед к доктору в поисках вооруженной помощи.

Мое сердце бешено билось, когда мы вдвоем отправились в путь. Холодная ночь на это опасное предприятие. Полная луна начала всходить и краснела сквозь верхние края тумана, и это увеличило нашу поспешность, ибо было ясно, что, прежде чем мы снова выйдем, все будет ясно, как днем, и наш отъезд будет виден взорам любых наблюдателей. Мы скользили вдоль живой изгороди, бесшумно и быстро, и не видели и не слышали ничего, что усилило бы наш ужас, пока, к нашему огромному облегчению, дверь «Адмирала Бенбоу» не закрылась за нами.

Я тотчас же отодвинул засов, и мы стояли и пыхтели какое-то время в темноте, один в доме с мертвым телом капитана. Тогда моя мать поставила в баре свечу, и, взявшись за руки, мы прошли в гостиную. Он лежал так, как мы его оставляли, на спине, с открытыми глазами и вытянутой рукой.

— Опустить шторы, Джим, — прошептала мать. «Они могут прийти и посмотреть снаружи. А теперь, — сказала она, когда это сделал, — надо снять ключ; а кто к ней прикоснется, тот бы язнать! и она всхлипнула. Тогда произнесла эти слова.

Я сразу опустился на колени. На полу рядом с ним в руке был маленький кружок бумаги, почерневший с одной стороны. Я не мог сомневаться, что это был; и, взяв его, я обнаружил, что на другой стороне очень хорошим, четким почерком было написано это короткое сообщение: «У вас есть время до десяти вечера».

-- У него было время до десяти, матушка, -- сказал я и, как я уже сказал, наши старые часы начали бить. Этот внезапный шум шокировал нас; но новости были хороши, потому что было только шесть.

— А теперь, Джим, — сказала она, — этот ключ!

Я шарил в его карманах один за другим. Нескольких мелких монет, наперсток, нитки и большие иглы, обкусанный на конце кусок косичного табака, его желобок с кривой ручкой, карманный компас и трутница — вот все, что в них было, и я начал отчаиваться.

«Может быть, это у него такое», — предположила мама.

Превозмогая сильное отвращение, я разорвал его рубашку у шеи, и там, действительно, висевший на куске с моляной веревки, которую я перерезал его же оврагом, мы нашли ключ. При этом триумфе мы преисполнились надежды и поспешили наверх, в маленькую комнату, где он так долго спал и где стоял его ящик с одня его приезда.

Снаружи он был похож на любу другой сундук моря, буква «В» была прожжена сверху раскаленным железом, а углы несколько разбиты и сломаны, как от долгого грубого использования.

— Дай мне ключ, — сказала мать, и, хотя замок был очень туго, она повернула его и в мгновение ока откинула крышку.

Изнутри пахло табаком и дегтем, но наверху не было видно ничего, кроме очень хороших костей, тщательно вычищенных и сложенных. Мама сказала, что их никогда не носили. Под этим началась всякая всячина: квадрат, жестяная консервная банка, несколько батончиков, две пары очень красивых пистолетов, слиток серебра, старые испанские часы и еще какие-то безделушки маленькие и большей частью иностранного производства, пара компасов с латунной оправой и пять или шесть лубочных вест-индских раковин. С тех пор я часто задавался вопросом, почему он носил с собой эти раковины в своей бродячей, виновной и отлученной жизни.

Тем временем мы не нашли ничего ценного, кроме серебра и безделушек, и ничто, ни другое не мешало нам. Под ним был старый лодочный плащ выбеленный морской солью на многих портовых барах. Мать нетерпеливо дернула его, и перед нами лежали последние вещи в

сундук, с верток, перевязанный клеенкой и похожий на бумагу, и их оловянный мешок, издававший от прикосновения золото.

«Я покажу этим жуликам, что я честная женщина», — сказала мать. — Я получу свои взносы и ни гроша с верха. Подержите сумку миссис Кроссли. И стала пересчитывать сумму капитанского счета из матросской сумки в ту, что держал.

Это было долгое и трудное дело, потому что монеты были страны и размеры -- дублоны, и луидоры, и гинеи, и восьмерки, и еще не знаю что, все перемешано наугад. Гинеи тоже были с алыми скудными, и только с ними моя мать умела считать.

Когда мы были примерно на полпути, я вдруг положил руку ей на руку, потому что услышал в безмолвном морозном воздухе звук, от которого у меня перехватило сердце, — стук палки слепого замерзшей дороге. Он приближался все ближе и ближе, а мы сидели, зажав дыхание. Затем он резко ударил в дверь гостиной, и тогда мы услышали, как повернулась ручка и загремел засов, когда несчастное существо попыталось войти; а затем наступила долгая тишина как внутри, так и снаружи. Наконец постукивание возобновилось и, к нашей неопределимой радости и благодарности, снова медленно стихло, пока не перестало быть слышно.

«Мама, — сказал я, — возьми все и пойдем»; ибо я был уверен, что запертая дверь должна была показаться подозрительной, и все другое гнездо было бы около наших ушей; хотя как я был благодарен, что запер его, никто не мог сказать, кто никогда не встречал этого ужасного слепца.

Но моя мать, как бы она ни была напугана, не соглашалась взять на долю больше, чем предполагалось ей, и упрямо не желала довольствоваться меньшим. Еще не было семи, сказала она, далеко; она знала свои права и хотела их иметь; и она все еще спорила со мной, когда

издалека на холме раздался тихий свист. Это было дос таточно, и более чем дос таточно для нас обоих .

—Я возьму то, что у меня есть, — сказала она, вс какивая на ноги.

-- И я возьму это, чтобы с вести с четы, -- сказал я, поднимая клеенчатый пакет.

В следующий момент мы оба уже спускались вниз, оставив вечер у пустого сундука; и в следующий раз мы открыли дверь и были в полном отс туплении. Мы не начали момент с лишком рано. Туман быстро рас сеивался, луна уже ярк осветила на возвышенности с обеих сторон, и только в самом низу лощины и вокруг двери таверны все еще вис ела неразорванная тонкая завеса, скрывавшая первые шаг и нашего побег а. Меньше чем на полпути к деревушке, чуть дальше подножия холма мы должны выйти на лунный свет. И это еще не все; ибо звук нескольких бегущих шагов уже дос тиг наших ушей, и, когда мы ог лянулись в их направлении, свет, брошенный назад и вперед, и все еще быстро продвигающийся, показал, что у одного из вновь прибывших был фонарь.

-- Дорогая -- вдруг сказала мать, -- бери деньги и беги. Я упаду в обморок».

Это определенно был конец для нас обоих , подумал я. Как я проклинал трусость с ос едей; как я пориц ала свою бедную мать за ее честность и жадность, за ее бывшее безрас судство и нынешнюю слабость! По счастью с лучаиности мы были как раз у мостика, и я помог ей, пока она шаталась, добравшись до края берега, где она действительно вздох нула и упила мне на плечо. Не знаю, как я нашел в себе силы все это сделать, и боюсь, что это было сделано грубо, но мне удалось затащить ее на берег и немного подарку. Дальше я не мог сдвинуть ее, потому что мост был с лишком низким, чтобы я мог с сделать что-то еще, кроме как проползти под ним. Так что там мы должны были отстать я—моя мать почти полностью незащищена, и мы оба были в пределах слышимости гостицы.

В

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ СЛЕПОГО

Мое любопытство, в некотором смысле, было сильнее моего страха; ибо я не мог оставаться на месте, а снова пополз обратно к берегу, откуда, спрятав голову за куст ракитника, я мог контролировать дорогу перед нашей дверью. Едва заняв позицию, как начали прибывать мои враги, семь или восемь из них, они бежали из всех сил, их ноги топтали по дороге не вовремя, а человек с фонарем был в нескольких шагах впереди.

Трое мужчин бежали вместе, рука об руку; и я разглядел даже сквозь туман, что последним в этой тройке был слепой нищий. В следующий момент его голос показал мне, что я был прав.

«Долой дверь!» воскликнул он.

— Да, да, сэр! ответил два или три; и на адмирала Бенбоу набросились, фонарик следовал за ним; а потом я увидел, как они останавливались, и услышал речи в более низком ключе, как будто они были удивлены, обнаружив, что дверь открыта.

Но пауза была короткой, потому что слепой снова отдал свои команды. Его голос звучал все громче и выше, как будто он был в огне рвения и ярости.

— Во, во, во! — крикнул он и проклял их за задержку.

Четверо или пятеро из них сразу повиновались, двое остались в дороге с разным нищим. Последовала пауза, затем крик удивления, а затем голос, кричащий из дома: «Билл мертв!»

Но слепой снова обругал их за медлительность.

-- Общитесь с ним, кто-нибудь из вас, проглотите его, а остальные Поднимись и возьми сундук, — закричал он.

Я слышал, как их ноги стучали вверх по нашей старой лестнице, так что дом, должно быть, трясся от этого. Вскоре после этого раздались новые звуки удивления, окно капитанской каюты распахнулось с грохотом и звоном битого стекла, и человек выскочил на лунный свет головой и плечами и обратился к слепому нищему на дороге внизу.

«Пью!» — воскликнул он. — Они были раньше нас. Кто-то вывернул сундук вверх и вниз.

"Это там?" — взревел Пью.

«Деньги есть».

Слепой проклял деньги.

— Я имею в виду кулак Флинта, — вскричал он.

«Мы не видим его здесь, во всем случае», ответил человек.

«Вот, ты внизу, там на Билле?» — снова закричал слепой.

Тут к дверям трактира подошел другой парень, вероятно, тот самый, что остался внизу обыскивать тело капитана. -- Билла уже отремонтировали, -- сказал он, -- ничего не осталось.

— Этолюди из гостиницы — это тот мальчик. Хотел бы я выколоть ему глаза! — воскликнул слепой Пью. «Они были здесь совсем недавно — они заперли дверь, когда я пытался это сделать. Рассыпайтесь, ребята, и найдите их.

-- Конечно, они оставили следы здесь, -- сказал парень из окна.

«Разбросайте и найдите их! Разгромить дом! — повторил Пью, ударяя палкой по дороге.

Затем по всей нашей старой гостинице последовала большая суматоха. Тяжелые ноги стучали взад и вперед, вся мебель была опрокинута, двери выбивались, пока с ними камни не отдавались эхом, и люди снова, один за другим, вышли на дорогу и заявили, что нас нигде нет. И тут же тот самый висит, который всetreвожил нас с матерью из-за денег мертвого капитана, еще раз отчетливо раздался сквозь ночь, но на этот раз дважды повторился. Я думал, что это, так сказать, труба слепого,

вызов с воег оэкипажа на штурм; но теперь я обнаружил, что это был сигнал с осклонах олма в сторону деревни и, судя по его действию на пиратов, сигнал, предупреждающий их о приближающейся опасности.

— Опять Дирк, — сказал один. "Дважды! Нам придется двинуться с места, товарищи.

— Сдвинься с места, ты трус! — воскликнул Пью. — Дирк с амого начала был дураком и трусом — ты не возражаешь против него. Они должны быть рядом; они не могут быть далеко; у вас есть руки на это. Разбегайтесь и ищите их, сабаки. О, с одрог нется моя душа, — воскликнул он, — если бы у меня были глаза!

Этот призыв, по-видимому, возымел некоторое действие, так как двое парней начали оглядываться тут, то там среди хлама, но, как мне показалось, вяло и все время отводя глаза на обстоятельную опасность, в то время как остальные в нерешительности стояли на дороге.

«У вас на руках тысячи, дураки, и вы висите на ногах! Вы были бы богаты как короли, если бы нашли его, и вы знаете, что он здесь, и стоите там, прячьтесь. Ни один из вас не осмелился встать и третировать Биллом лицом к лицу, а я сделал это — с лепой! И я должен потерять с вой шанс для вас! Я буду бедным, ползучим нищим, пожирающим ром, в то время как я мог бы кататься в карете! Если бы у вас была хватка долготы как в бисквите, вы бы все равно их ловили.

«Погоди, Пью, у нас есть дублоны!» — проворчал один.

«Они могли спрятать благословенную вещь», — сказал другой.

— Возьми Жоржа, Пью, и не стой здесь и визжа.

Кричать было с ловом для этого; Эти возражения так сильно разозлили Пью; наконец, когда его страсть полностью взяла верх, он в своей леготе ударил их направо и налево, и его палка тяжело ударила по более чем одному.

Те, в свою очередь, ругали слепого злодея и рожали ему ужасными словами и тщетно пытались схватить палку и вырвать ее из его рук.

Эта ссора была нашим сгасением; ибо, пока он еще бушевал, другой звук донесся с вершины холма на

с торона деревни — топот с качущих лошадей. Почти одновременно с о
 с тороны живой изгороди раздался пис толетный выстрел, вс пышка и
 грох от. И это был явно последний сигнал опасности, ибо пираты
 тотчас же развернулись и побежали, расх одясь во всех
 направлениях, то к морю вдоль бух ты, то наискосок через холм
 и так далее, так что через полминуты не было и следа они остались,
 но Пью. Его они бросили, то ли из чистой паники, то ли из мести за
 его злые слова и побои, я не знаю; но там он остался позади, бешено
 с туча назад и вперед по дороге, ошупывая и зовя своих товарищей.
 Наконец он вернулся не туда и пробежал несколько шагов мимо
 меня к хутору, крича: "Джонни, Черный Пес, Кортик" и другие
 имена, "ты не

оставьте старого Пью, приятели, а не старого Пью?

Как раз в этот момент шум лошадей заглушил подъем, и в лунном
 свете показались четыре или пять всадников, которые на полном
 скаку помчались вниз по склону.

Тут Пью увидел свою ошибку, с криком повернулся и побежал
 прямо к канаве, в которую скатился. Но через секунду он снова вскочил
 на ноги и, уже совершенно битый с толку, бросился прямо под
 ближайшую из приближавшихся лошадей.

Всадник пытался его спасти, но тщетно. Пью рухнул вниз с
 криком, который прозвучал в ночи, и четыре копыта растоптали его,
 отвергли и прошли мимо. Он упал на бок, затем мялся корухнул налицо и
 больше не шевелился.

Я вскочил на ноги и окликнул всадников. Во всем случаем,
 они подъезжали, напуганные аварией, и вскоре я увидел, кто они. Один
 из них, следовавший за остальными, был парнем, уехавшим из
 деревушки к доктору Ливси; остальные были налоговыми
 чиновниками, которых он встретил по пути и с которыми у него
 хватило ума немедленно вернуться. Как-то весть о люггере в
 Киттс-Холл дошла до начальника Дэна и направила его в ту ночь в
 нашу сторону, и этому обстоятельству моя мать и я были обязаны своим
 спасением от смерти.

Пью был мертв, как камень. Что касается моей матери, когда у нас отнесли ее в деревню, немножко холодной воды и соли очень скоро вернули ее обратно, и она ничуть не удивилась от своего страха, хотя все еще продолжала ожалеть об потратке денег.

Тем временем надзиратель с всей возможной скоростью поспежал к Киттс-Холлу; но его люди должны были спешить и нащупывать лошину, ведя, а иногда и поддерживая своих лошадей, постоянно опасаясь засады; так что неудивительно, что, когда они добрались до дыры, люггер уже шел, хотя все еще приближался. Он окликнул ее. Голос ответил, приказывая ему держаться подальше от лунного света, иначе он получит немножко свинца, и в то же время рядом с его рукой просвисела пуля. Вскоре после этого люггер удвоил очки и исчез. Мистер Дэнс стоял там, по его словам, «как рыба в воде», и все, что он мог сделать, это послать человека к Б... чтобы предупредить катера. -- А это, -- сказал он, -- почти что ничего. Они отделались чистыми, и это конец. Только, -- добавил он, -- я рад, что нас тупил на мозоли мастера Пью; ибо к этому времени он усылал мою историю.

Я вернулся с ним к «Адмиралу Бенбоу», и вы не можете себе представить дом в таком состоянии крушения эти самые часы были брошены этими ребятами в их яростной охоте за моей матерью и мной; и хотя в действительности ничего не было взято, кроме капитанского денежного мешка и немножко серебра из кассы, я сразу увидел, что мы разорены. Мистер Дэнс ничего не мог понять в этой сцене.

— У них есть деньги, говоришь? Ну, тогда Хокинс, что? в частые они были после? Полагаю, больше денег?

"Нет, сэр; не деньги, я думаю," ответил я "На самом деле, сэр, я думаю, у меня эта штука в нагрудном кармане; и, по правде говоря, хотел бы, чтобы он был в безопасности."

«Конечно, мальчик; совершенно верно, — сказал он. — Я возьму, если хочешь.

-- Я подумал, может быть, доктор Ливси... -- начал я

-- Совершенно верно, -- прервал он очень весело, -- совершенно правильно — джентльмен и магистрат. И, если подумать, я мог бы с амтуда съездить и доложить ему или оруженосцу. Мастер Пью мертв, когда все сделано; не то чтобы я сожалел об этом, но он мертв, видите ли, и люди выживут против офицера аналогичной с лужбы его величества, если смог бы выкрутиться. А теперь я скажу тебе, Хоккинс, если хочешь, я возьму тебя с собой.

Я сердечно поблагодарил его за предложение, и мы пошли обратно в деревню, где были лошади. К тому времени, когда я сказал матери о своем намерении, они уже были в седле.

— Доггер, — сказал мистер Дэнс, — у тебях орошая лошадь; возьми этого парня позади тебя

Как только ясел верхом, держась за ремень Доггера, Начальник дал команду, и группа рванула рысью по дороге к дому доктора Ливси.

VI

ДОКУМЕНТЫ КАПИТАНА_

Мы ехали из всех сил, пока не подъехали к двери доктора Ливси. В доме было темно сзади.

Мистер Дэнс сказал мне прыгнуть вниз и постучать, и Доггер дал мне стремя, чтобы спуститься. Дверь почти сразу открылась с лужанка.

— Доктор Ливси дома? Я спросил.

— Нет, — сказала она. Он пришел домой после полудня, но поднялся в зал, чтобы пообедать и провести вечер с осквайром.

«Ну вот, мальчики, — сказал мистер Дэнс.

На этот раз, так как расстояние было невелико, я не стал садиться наверх, а помчался в стременах. Доггерაკ воротам сторожки и вверх по длинной, безлистной, залитой лунным светом аллее туда, где белая линия зданий Холла смотрела по обе стороны на большие старые сады. Тут мистер Дэнс спешил, взяв меня с собой, одним с ловом был впущен в дом.

Слуга провел нас по матовому коридору и показал нам в конце в большую библиотеку, уставленную книжными шкафами и бюстами поверх них, где с квайри доктор Ливси сидели с трубкой в руке по обе стороны от яркого огня.

Я никогда не видел с квайрата так близко. Это был высокий мужчина, более шести футов ростом, широкоплечий, с грубоватым, грубым лицом, все орубевшее, покрасневшее и морщинистое за время долгих странствий. Брови у него были очень черные и легко двигались, и это придавало ему вид какой-то в пыльный, можно сказать, неплохой, но быстрый и высокий.

-- Входите, мистер Дэнс, -- сказал он очень величаво и снисходительный.

—Добрый вечер, Дэнс, — кивнул доктор. —И тебе добрый вечер, друг Джим. Какой добрый ветер привел тебя сюда?

Начальник выпрямился и выпрямился и рассказал свою историю как урок; и вы бы видели, как оба джентльмена наклонились вперед и посмотрели друг на друга, и забыли закурить в их удивлении и заинтересованности. Услышав, как моя мать вернулась в гостиницу, доктор Ливси изрядно лопнул себе по бедру, а сквайр воскликнул: «Браво!» и сломал свою длинную трубку о решетку. Задолго до того, как это было сделано, мистер Трелони (так, как вы помните, звали сквайра) встал с своего места и зашагал по комнате, а доктор, ловно желая получить рассказывать, снял нагрудный парик, и сидел там, выглядя очень странно с его собственным коротко подстриженным, черным затылком.

Наконец мистер Дэнс закончил рассказ.

"Мистер. Танцуй, — сказал сквайр, — ты очень благородный малый. А то, что я оседлал этого черног о зловещего негодяя, я расцениваю как акт добродетели, сэр, все равно, что топтать таракана. Я так понимаю, этот парень Х окинс — козырь. Х окинс, ты позвонишь в звонок? Мистер Дэнс должен выпить эля

-- Итак, Джим, -- сказал доктор, -- у вас есть то, что они были после, не так ли?

-- Вот, сэр, -- сказал я и протянул ему клеенчатый пакет.

Доктор осмотрел ее всю, как будто у него чесались пальцы открыть ее; но, вместо того, чтобы сделать это, он тихонько положил его в карман своего пальто.

-- Сквайр, -- сказал он, -- когда Дэнс выпьет с вой эль, он должен, конечно, отправляться на службу к его величеству; но я намерен поставить Джима Х окинса спать у себя дома и, с вашего позволения, предлагаю достать холодный пирог и дать ему поужинать.

-- Как хотите, Ливси, -- сказал сквайр. «Х окинс заработал больше, чем холодный пирог».

Итак, принесли большой пирог с голубями и поставили на боковой столик, и я приготовил плотный ужин, потому что был голоден, как

я треб, в то время как мистер Дэнс получил дополнительные комплименты и, наконец, был уволен.

-- А теперь, с квайр, -- сказал доктор.

-- А теперь, Ливси, -- сказал с квайр на одном дыхании.

-- По одному, по одному, -- рассмеялся доктор Ливси.

— Вы, наверное, слышали об этом Флинте?

— Слышал о нем! — воскликнул с квайр. — Слышал о нем, говоришь! Он был с амым кровожадным пиратом, когда-либо плававшим. Черная Борода был ребенком Флинта. Испанцы так ужасно боялись его, что, скажу вам, сэр, я иногда даже гордился тем, что он англичанин. Я видел его маршировать с такими глазами у берегов Тринидада и трюсливого сына ромового пунша, с которым я глотал, с брошенным... с брошенным, сэр, в Порт-оф-Спейн.

-- Ну, я слышал о нем в Англии, -- сказал доктор. — Но дело в том, были ли у него деньги?

"Деньги!" — воскликнул с квайр. «Вы слышали эту историю? Чего же добивались эти злодеи, кроме денег? Что их волнует, кроме денег? Ради чего они рискнули бы с воими негодяйскими трупами, кроме денег?

-- Это мы скоро узнаем, -- ответил доктор. "Но ты настолько пыльчивый и восклицательный, что я не могу вставить ни слова. Я хочу знать следующе: предположим, что у меня есть здесь, в моем кармане, какой-то ключ к тому, где Флинт зарыл свое сокровище, много ли будет это сокровище?

«Сумма, сэр!» — воскликнул с квайр. «Это будет означать следующе: если у нас будет ключ, о котором вы говорите, я наряжаю корабль в доках Бристоля и беру вас с Хоккинсом сюда, и у меня будет это сокровище, если я буду искать его».

— Очень хорошо, — сказал доктор. -- Итак, если Джимс огласен, мы все в пакете, — и он положил его перед собой на стол.

Сверток был сшит, и доктору пришлось достать чемоданчик с инструментами и разрезать швы медицинскими ножницами. В нем было две вещи — книга и запечатанная бумага.

— Прежде всего попробуем книгу, — заметил доктор.

Сквайриязаглядывали ему через плечо, когда он открыл ее, потому что доктор Ливс илюбезно пригласил меня отойти от бокового стола, за которым я ел, и насладиться игрой поисков. На первой странице были лишь обрывки почерка, какие человек с пером в руке мог бы написать для праздности или тренировки. Один был таким же, как татуировка: «Билли Бонс, его воображение»; затем был «г. У. Боунс, приятель», «Больше никакого романа», «Палм-Ки, он получил его» и еще какие-то обрывки, в основном отдельные слова и неразборчиво. Я не мог не задать явный вопрос, кто это был, который «получил это», и что это было за «это», что он получил. Нож в спине как будто нет.

-- Там не так уж много инструкций, -- сказал доктор Ливс и, прохаживая мимо.

Следующие десять или двенадцать страниц были заполнены любопытной серией записей. На одном конце линии стояла дата, а на другом — сумма денег, как в обычных бухгалтерских книгах; но вместо пояснительного описания только различное количество крестов между ними. 12 июня 1745 года, например, кому-то явно причиталась сумма в семьдесят фунтов, и не было ничего, кроме шести крестов, объясняющих причину. В некоторых случаях, разумеется, к названию места добавлялось «Offe Caraccas»; или просто ввод широты и долготы, например, «62° 17' 20", 19° 2' 40"».

Запись велась более двадцати лет, количество отдельных записей с течением времени росло, и в конце после пяти или шести неправильных добавлений был подведен общий итог, и к нему добавились следующие слова: «Кости, его стопка».

— Я не могу в этом разобраться, — сказал доктор Ливс и.

-- Это же но как день, -- воскликнул сквайр. "Этот это бухгалтерская книга черносердечной гонимой. Эти кресты обозначают названия кораблей или пород, которые они потопили или разграбили. Суммы - доля негодяя, и там, где он боялся двусмысленности, он, видите ли, прибавил что-то более ясное. «Оффе Караккас» теперь; видишь ли, здесь было немного

несчастное судно село на бордажу того берега. Боже, помог бедным душам, которые управляли ею — кораллом давным-давно.

"Верно!" — сказал доктор. «Посмотрите, что значит быть путешественником. Верно! И суммы увеличиваются, видите ли, по мере того, как он поднимался по служебной лестнице.

В том почти ничего не было, кроме нескольких обозначений мест, отмеченных на пустых листах ближе к концу, и таблицы для приведения французских, английских и испанских денег к общей стоимости.

«Экономный человек!» — воскликнул доктор. «Он был не тем, кого можно было обмануть».

-- А теперь, -- сказал сквайр, -- для другого.

Бумага была запечатана в нескольких местах на перстком вместо печати; быть может, тот самый наперсток, который я нашел в капитанском кармане. Доктор с большой осторожностью вскрыл печати, и оттуда выпала карта острова с указанием широты и долготы, промеров, названий холмов, бухт и бухт, а также всех подробностей, необходимых для того, чтобы поставить корабль на безопасную якорную стоянку на берегу. египетского берега. Он был около девяти миль в длину и пять в ширину, по форме, можно сказать, напоминал стоящего толстого дракона, имел две прекрасные гавани, не имеющие выхода к морю, и холм в центральной части с надписью «Подзорная труба». Было несколько добавлений более поздней даты; но, главное, три креста красных чернил — два в северной части острова, один в юго-западной и, кроме этого последнего, теми же красными чернилами и маленьким, аккуратным почерком, совсем не таким, как у капитана. шаткие символы, эти слова: «Здесь большая часть скровищ».

На обороте та же рука написала это дальше
информация

«Высокое дерево, плечо подзорной трубы, острие к северу от северо-востока

«Остров скелетов ESE и Э.

«Десять футов.

«Серебряный с литок находит яв с северной тайнике; найти его можно по склону восточного бугра, в десяти сажень южнее черного утеса с лицом на нем.
«Руки легко найти в песчаном холме, на северной оконечности с северных одноименных, с направлением на восток и на четверть с севера.

«ДЖФ»

Это было все, но кратко, как это было, и, для меня, непостижимо, это привело к квайра и доктора Ливси в восторг.

-- Ливси, -- сказал квайр, -- вы немедленно бросьте эту жалкую практику. Завтра отправляюсь в Бристоль. Через три недели — три недели! — две недели — десять дней — у нас будет лучший корабль, сэр, и лучшая команда в Англии. Хокинс придет юнгой. Из тебя выйдет знаменитый юнга, Хокинс. Вы, Ливси, корабельный врач; Я адмирал. Мы возьмем Редута, Джойса и Ханта. У нас будет попутный ветер, быстрый проход и не малейшие трудности с поиском места, а также деньги, чтобы поесть, чтобы вкатиться, чтобы потом играть в утку и селезня

—Трелони, — сказал доктор, — я пойду с вами; и я пойду залог за это, так будет Джим, и будет честью для предприятия Я боюсь только одного человека.

"И кто это?" — воскликнул квайр. — Назовите сабаку, сэр!

—Вы, — ответил доктор, — потому что вы не можете держать с собой язык. Мы не единственные, кто знает об этой газете. Эти ребята, напавшие на гостилицу сего дня вечером, — с мелые, отчаянные клинки, несомненно, — и остальны, оставшиеся на борту этого люггера, и еще, осмелюсь сказать, не за горами, все до единого, несомненно, что, связанные тем, что они получат эти деньги. Никто из нас не должен идти один, пока мы не выйдем в море. Мы с Джимом тем временем будем держаться вместе; ты возьмешь с собой Джойса и Ханта, когда поедешь в Бристоль, и, от начала до конца, ни один из нас не должен обмолвиться явным ловом о том, что мы нашли.

— Живи, вернувшись на площадь, ты всегда прав. Я буду молчать.

ЧАСТЬ II

МОРСКОЙ ПОВАР

VII

Я ЕДУ В БРИСТОЛЬ

Это было дольше, чем предполагал Сквайр, прежде чем мы были готовы к морю, и ни один из наших первоначальных планов — даже Доктор Ливси, держать меня рядом с собой, может быть выполнено как мы намеревались. Врачу пришлось ехать в Лондон за врачом, чтобы взять на себя ответственность за его практику; Сквайр усердно работал в Бристоле; и я жил в Холле под опекой старого Редрута, его ер, почти заключенный, но полный морских грёз и с амых очаровательных предвкушений странных островов и приключений. Я размышлял часами вместе над картой, все детали которой я хорошо запомнил. Сидя у огня в комнате экономки я подошел к тому острову, в моем воображении, с всех возможных направлений; я следовал каждый акрего поверхности; Я тысячу раз лазил к тому выскочившему олмони называют Подзорной трубой, и с вершины любовались с амые замечательные и меняющие перспектив. Иногда остров было полно дикарей, с которыми мы сражались; иногда полно опасных животных, которые охотились на нас; но во всех моих воображении ничего не пришло мне в голову столь странным и трагичным, как наши настоящие приключения.

Так шли недели, пока в один прекрасный день не наступил писюмо, адресованное доктору Ливси, с добавлением: открытый в случае его отсутствия Томом Редрутом или Янгом Хокинсом. Повинуясь этому приказу, мы нашли, или, вернее, я нашел... потому что его ер плох оумел читать что-либо, но напечатайте — следующие важные новости:

“
Старый Якорь Инн, Бристоль, март —

«ДОРОГОЙ ЛИВСИ! Поскольку я не знаю, находитесь ли вы в зале или все еще в Лондоне, я пишу это вдвое

оба мес та.

«Корабль куплен и ос нащен. Она с тоит на яоре, г отовая к вых оду в море. Вы и предс тавить с ебе не мог ли более милую шх уну —на ней мог бы пок атат ься ребенок —двес ти тонн; им ~~я~~с паньола .

«Я получил ее через с воег о старог о друг а Блэндли, который зарекомендовал с ебя во вс ех с амых неожиданных козырях . Вос х итительный малый буквально работал на меня и то же с амое, я мог у с казать, с делали вс е в Брис толе, как тольк о узнали о порте, в который мы отплыли, я имею в виду с окровища.

-- Редрут, -- с казал я, прерывая пис ьмо, -- доктор Ливс и это не понравитс я В конц е конц ов, с квай р г оворил.

—Ну, кто лучше прав? —прорычал ег ерь. «А Я думаю, ромах ватит, ес ли С квай р не будет г оворить от имени доктор а Ливс и.

На этом я ос тавил вс е попытки комментировать и прочитал прямо:

«Кротк о с ам нашел и с амым замеч ~~ательным~~ ^{Эспаньола} управлением получил ее зас ущий пус тья. В Брис толе есть клас с лю дей, чудовищно предвзято нас троенных против Блэндли. Они дох одят до тог о, что заявляют, что это честное с ущес тво с делает вс е за деньг и; что они принадлежали ему и что он продал мне их по нелепой ц ене — Эспаньола с амые явные клеветы. Однак о никто из них не ос меливаетс я отриц ат ь дос тоинс тва корабля

«Пока никаких заминок не было. Рабочие, к будь те уверены, такелажники и еще кто-то был раздражаю щ е медленным, но время вылечило это. Меня бес покоил экипаж.

«Я пожелал, чтобы набралос ь около двадц ати человек —в с лучае туземц ев, пиратов или г нус ных франц узов, —и я

с ама двойка позаботилась о том, чтобы найти целых полдюжины, пока с амая удивительная удача не привела ко мне того самого человека, который мне был нужен.

«Я стоял на причале, когда по чис той с лучаиности заговорил с ним. Я узнал, что он был старым моряком, держал трактир, знал всех моряков в Бристоле, потерял здоровье на берегу их отел получить хорошее место кока, чтобы снова выйти в море. По его словам, он заковылял туда тем утром, чтобы почувствовать запах соли.

— Я был чудовищно тронут — и вы были бы тронуты — и из чистой жалости тут же нанял его корабельным коком. Его зовут Долговязый Джон Сильвер, и он потерял ногу; но я расценил это как рекомендацию, поскольку он потерял ее на службе своей стране под началом бесмертного Хоука. У него нет пенсии, Ливси. Представьте, в какой отвратительный век мы живем!

«Ну, сэр, я думал, что нашел только повара, но я обнаружил команду. Вместе с мной и Сильвером мы за несколько дней собрали компанию самых крутых старых словесов, каких только можно вообразить, — некрасивых на вид, но, судя по лицам, самых неукротимых духом парней. Я заявляю, что мы могли бы сразиться с фрегатом.

«Долговязый Джон даже избавился от двух из шести или семи, которых я уже нанял. Он сразу же показал мне, что это всего лишь пресноводные мазки, которых нам следует опасаться в важном приключении.

«Я в самом великолепном здравии и настроении, ем, как бык, сплю, как дерево, и все же я не буду наслаждаться моментом, пока не услышу, как мои старые брезентовые брезенты топают вокруг шпигля Море х о! Повесьте окровище! Это слава моря, которая

повернул голову. Итак, Ливси, приходи на почту; не теряйте ни часа, если вы меня уважаете.

—Пусть юный Хокинс тотчас же отправится повидаться с матерью с Редрутом в качестве охотника, а затем оба на полной скорости мчатся в Бристоль.

«ДЖОНТРЕ ЛОНИ.

PS: я не говорил вам, что Бландли, который, между прочим, должен послать за нами консьорта, если мы не появимся к концу августа, нашел замечательного человека для капитана парусного порта — чопорного человека, о чем я сожалеею, но, во всем остальном, с охотой. Долговязый Джон Сильвер нашел помощника очень компетентного человека по имени Эрроу. У меня есть боцман, который играет на волынке, Ливси; так что на борту хорошеет о корабля дела пойдут как на военном корабле. «Я забыл сказать вам, что Сильвер — Эспаньола».

Состоятельный человек; Я знаю по себе, что у него есть банковский счет, который никогда не был превышен. Он оставляет жену управлять гостиницей; а так как она цыганка, женщина, паре старых холостяков, таких как вы и я, можно извинить за то, что они догадываются, что это жена, а не здоровье, отправляет его обратно в бродяжничество.

«Дж.Т.

—PPS —Хокинс может остаться на одну ночь с своей матерью.

«Джей Ти»

Можете себе представить, какое волнение вызвало у меня это письмо. Я был вне себя от радости, и если я когда-либо и презирал человека, так это старик Тома Редрута, который только и делал, что ворчал и причитал. Любопытство из младших египтян

с удовольствием поменялись с ним местами; но это не было удовольствием с квайра, а удовольствием с квайра было у них как закон. Никто, кроме старого Редрута, не осмелился бы даже роптать.

На следующее утро мы с ним отправились пешком к Адмиралу Бенбоу, и там я стал с вою мать в добром здравии и расположении духа. Капитан, который так долго причинял столько беспокойства, ушел туда, где злодеи перестанут беспокоить. Сквайр все починил, общественные залы и вывеску перекрасил, добавил кое-какой мебели, а главное — красивое кресло для мамы в баре. Он также нашел ее мальчиком в качестве подмастерья, чтобы она не нуждалась в помощи, пока меня не будет.

Увидев этого мальчика, я впервые понял свое положение. Я думал до этого момента о предстоящих мне приключениях, а вовсе не о доме, который я покидал; и теперь при виде этого неуклюжего незнакомца, который должен был остаться здесь, на моем месте, рядом с моей матерью, у меня случился первый приступ слез. Боюсь, я вел с этим мальчиком с обачью жизнь; ибо, поскольку он был новичком в этой работе, у меня было столько возможностей исправить его и унижить, и я не замедлил воспользоваться ими.

Прошла ночь, и на следующий день, после обеда, Редрут и я снова были в движении и в дороге. Я попрощался с матерью и бухтой, где жил с тех пор, как родился и с милым старым адмиралом Бенбоу — с тех пор, как его перекрасили, и он уже не так мил. Одна из моих последних мыслей была о капитане, который так часто прогуливался по берегу у своей треуголке, с разрезанной саблей щеккой и со своей старой медной трубой. В следующий момент мы вернули за угол, и мой дом скрылся из виду.

Почта забрала нас около сумерек в отеле «Ройал Джордж» на пустоши. Я заснул между Редрутом и толстым пожилым джентльменом, и, не смотря на быстрое движение и холодный ночной воздух, я должен быть, с самого начала много дремал, а затем заснул, как

этап за этапом; когда я наконец, проснулся это произошло от удара кулаком в ребра, и я открыл глаза и обнаружил, что мы стоим неподвижно перед большим зданием на городской улице, и что уже давно рассвело.

"Где мы?" Я спросил.

— Брис-толь, — сказал Том. "Спускайся"

Мистер Трелони пошел в гостиницу далеко в доках, чтобы слезть за работами на шхуне.

Туда нам предстояло теперь идти, и наш путь, к моему великому удовольствию, лежал вдоль причалов и мимо великого множества кораблей всех размеров, с настилами и стран. В одном матросы пели за работой; в другом были люди наверху, выходя над моей головой, висят на нитях, которые казались не толще, чем у паука. Хотя всю жизнь прожил на берегу, мне казалось, что до сих пор я не был у моря. Запах дегтя и соли был чем-то новым. Я видел прекраснейшие носовые фигуры, которые все были далеко за океаном. Видел я кроме того, много старых матросов с серыми в ушах, с закрученными колечками бакенбардами, с просмоленными косичками, с развязной, неуклюжей морской походкой; и если бы я видел столько же королей или архиепископов, я не был бы в большем восторге.

И я собирался выйти в море сам; выйти в море на шхуне с волынщиками-боцманами и поющие моряки с косичками; в море, направляясь к неизвестному острову, и искать спрятанные сокровища.

Пока я был еще в этом восторженном состоянии, мы внезапно подошли к большой гостинице и встретили сквайра Трелони, одетого как морской офицер, в толстом синем сукне, выходящего из двери с улыбкой на лице и капитальная имитация походки моряка.

"Вот, пожалуйста!" воскликнул он; «А доктор пришел вчера вечером из Лондона. Bravo! Команда корабля укомплектована.

-- О, сэр, -- воскликнул я -- когда мы отплываем?

"Плыть!" говорит он. «Мы отплываем завтра».

VIII

ПРИЗНАК ПОДЗОРНОЙ СТЕКЛА

Когда я позавтракал, сквайр вручил мне записку, адресованную Джону Сильверу, по знаку Подзорной трубы, и сказал, что я легко найду это место, следуя по линии доков и внимательно высматривая маленькую таверну с большим латунным телескопом вместо знака. Я отправился в путь, обрадованный этой возможностью увидеть еще несколько кораблей и моряков, и пробирался среди огромной толпы людей, телег и тюков, потому что причал был теперь с амым оживленным, пока не нашел таверну, о которой шла речь.

Это было достаточно яркое местечко для развлечений. Знак был недавно окрашен; на окнах были аккуратные красные занавески; пол был чисто отшлифован. С каждой стороны была улица, и с обеих сторон была открытая дверь, благодаря чему большая низкая комната была хорошо видна, несмотря на клубы табачного дыма.

Посетителями были в основном моряки, и они разговаривали так громко, что я повис у двери, почти боясь войти.

Пока я ждал, из боковой комнаты вышел мужчина, и с первого взгляда я понял, что это, должно быть, Длинный Джон. Его левая нога была отрезана почти у самого бедра, а под левым плечом он носил кость, которым он управлялся с удивительной ловкостью, прыгая на нем, как птица. Он был очень высок и силен, с лицом огромным, как окорок, — некрасивым и бледным, но умным и улыбающимся. В самом деле, он, казалось, был в самом веселом расположении духа, насвистывая, передвигаясь между столами, с веселым словом или похлопыванием по плечу для самых любимых из его гостей.

По правде говоря, с самого первого упоминания Долговязого Джона в письме с квайра Трелони у меня возник страх, что он может оказаться тем самым одноглазым матросом, за которым я так долго наблюдал на берегу. старый Бенбоу.

Но одноглазый взгляд на человека передо мной было достаточно. Я видел и капитана, и Черного Пса, и слепого Пью, и мне казалось, что я знаю, что такое пират — сущее зло, по моему, совсем непохожее на этого чистоплотного и приятного нрава домовладельца.

Я сразу же набрался смелости, переступил порог и подошел прямо к человеку, на котором он стоял, опираясь на косяк, и разговаривал с покупателем.

"Мистер. Сильвер, сэр? — спросил я, протягивая записку.

"Да, мой мальчик," сказал он; — Таково мое имя, чтобы быть уверенным. А кем ты можешь быть? И когда он увидел письмо с квайра, мне показалось, что он почти вздрогнул.

"Ой!" — сказал он довольно громко и протянул руку. — Понятно. Ты наш новый юнга; рад вас видеть.

И он взял мою руку в свою большую крепкую хватку.

В этот момент один из посетителей на дальней стороне внезапно встал и направился к двери. Это было рядом с ним, и он был на улице через мгновение. Но его пешка привлекла мое внимание, и я узнал его с первого взгляда. Первым к адмиралу Бенбоу подошел человек с жирным лицом, которому не хватало двух пальцев.

-- О, -- воскликнул я -- остановите его! Это Черный Пес!

-- Плевать мне, два копа, кто он такой, -- воскликнул Сильвер, -- но он не заплатил с войсчет. Гарри, беги и поймай его.

Один из тех, кто был ближе всего к двери, вскинул и бросил являющуюся.

-- Если бы он был адмиралом Хокком, он бы заплатил по счетам, -- воскликнул Сильвер. а затем, отпуская мою руку, «Кто, по вашему, он был?» он спросил. — Черный что?

-- Собака, сэр, -- сказал я -- Разве мистер Трелони не рассказывал вам о пиратах? Он был одним из них ».

"Так?" — воскликнул Сильвер. "В моем доме! Бен, бег и помог Гарри. Один из тех тампонов, не так ли? Это ты пил с ним, Морган? Подойди сюда.

Человек, которого он назвал Морганом, — старый, седовласый матрос с лицом цвета красной древесины — довольно застенчиво вышел вперед, перекачиваясь вой фунт.

-- Послушай, Морган, -- очень строго сказал Длинный Джон, -- ты никогда раньше не видел этого Черного... Черного Пса, не так ли?

— Не я сэр, — сказал Морган, отсалютовав.

— Вы не знали его имени, не так ли?

"Нет, сэр."

«Клянусь силами, Том Морган, это так же хорошо для тебя» — воскликнул помещик. -- Если бы вы были замешаны в чем-то подобном, вы бы и ноги не ступили в мой дом, можете солгать. И что он тебе говорил?

— Точно не знаю, сэр, — ответил Морган.

— Ты называешь этого оловой на плечах или благословенным мертвым глазом? — воскликнул Длинный Джон. — Точно не знаю, не так ли? Может быть, вы случайно не знаете, с кем вы разговаривали? Да ладно, что он там болтал — глупая, капитаны, корабли? Трубка вверх! Что это было?"

— Мы говорили о килевом подъеме, — ответил Морган.

«Килхэулинг, ты был? и очень подхваченная вещь, и вы можете положить яна это. Возвращайся к себе залубрикантом, Том.

А потом, когда Морган откатился на свое место, Сильвер доверительным шепотом добавил мне, что это было очень лестно, когда я подумал: «Он вполне

честный человек, Том Морган, только голый. И теперь, — продолжал он с нововсех, — давайте посмотрим — Черный Пес? Нет, я не знаю имени, не знаю. И все же мне кажется, что я.. да, я видел мазок. Он прихотился сюда с ослепым нищим.

-- Это он, можете быть уверены, -- сказал я -- Я тоже знал этого
слепого. Его звали Пью.

"Это было!" воскликнул Сильвер, теперь весьма взволнован. «Пью! Это
точно было его имя. Ах, он выглядел как акула! Если мы схватим этого
Черного Пса сейчас, для Капитана Трелони будут новости! Бен
хороший бегун; немногие моряки бегут лучше Бена. Он должен сбить
его, сдаться за руку, во имя сил! Он говорил о килевой тятее, не так
ли? Большой вытащите его!

Все время, пока он выкрикивал эти фразы, он ходил взад и вперед
по таверне на своем косяке, хлопая по столу рукой и изображая такое
возбуждение, что убедил бы судью Олд-Бейли или бегуна с Боу-с-трип.
Мои подозрения окончательно пробудились, когда я нашел Черного
Пса в подозрительной трубе, и пристально посмотрел на повара. Но
он был слишком глубок, слишком готов и слишком умен для меня, и к
тому времени, как двое мужчин, запылавшие, вернулись и признались,
что потеряли след в толпе и были отруганы, как воры, я бы внес ли залог
за невиновность Долговязого Джона Сильвера.

«Посмотри-ка сюда, Хокинс, — сказал он, — вот благословенная твердая
вещь на мужчине, как я теперь, не так ли? Есть капитан Трелони
— что он думает? Вот этот проклятый сын голландца сидит в моем
собственном доме и пьет мой собственный ром! Вот вы приходите и
говорите мне об этом прямо; и здесь я позволил ему ускользнуть от всех
нас перед моими благословенными мертвыми отцами!
А теперь, Хокинс, отдайте мне должное с капитаном. Ты парень, да, но
умный, как краска. Я вижу это, когда вы впервые вошли. Теперь вот
он: что я могу сделать с этим старым деревом, по которому яковылял?
Когда я был старшим матросом АВ, я бы подошел к нему рядом, рука за
рукой, и заставил бы его броситься на него в паре с тарых
встряска, я бы; и сейчас -"

А потом он вдруг остановился и у него отвисла челюсть, как будто он
что-то вспомнил.

"Очки!" он вырвался «Три порции рома! Что ж, сдаться мои бревна,
если бы я не забыл свою партитуру!

И, упав на скамейку, он хохотал до тех пор, пока слезы не потекли по его щекам. Я не мог не присоединиться к нему, смеясь вместе, раскатываясь, пока таверна не зазвонила снова.

«Какой же ядрагощенный старый морской теленок!» — сказал он наконец, вытирая щеки. — Мы с тобой должны хорошо поладить, Хокинс, потому что я возмущен твоим поведением, я буду считать тебя юнгой. Но давайте, будьте готовы идти. Это не работает. Дути есть дути, товарищи по столу. Я надену свою старую треуголку, пройду мимо вас к капитану Трелони и доложу об этом деле. Ибо, заметьте, это серьезно, юный Хокинс; и ни вы, ни я не вышли из этого с тем, что я осмеливаюсь назвать заслуженной. И вы тоже, говорите вы; не умный — никто из нас двоих не умный. Но нажми на мои пуговицы! Это было хорошо о моем счете.

И он опять засмеялся, да так от души, что, хотя и не понял шуток так, как он, но опять был вынужден присоединиться к его веселью.

Во время нашей небольшой прогулки по причалам он стал самым интересным спутником, рассказывая мне о различных кораблях, мимо которых мы проходили, их снаряжении, тоннаже и национальности принадлежности, объясняя предстоящую работу — как один разгружается, другой принимает груз, а третий готовится к отплытию; и время от времени рассказывал мне какой-нибудь небольшой анекдот о кораблях или морях или повторял морскую фразу, пока я не выучил ее в совершенстве. Я начал понимать, что это один из лучших товарищей по кораблю.

Когда мы добрались до гостиницы, с кавайри доктор Ливси сидели вместе, допивая кварту эля и поджаривая ее, прежде чем отправиться на шуну с инспекцией.

Длинный Джон рассказал историю от начала до конца, с большим духом и с амой совершенной истины. — Вот как это было, не так ли, Хокинс? — говорил он время от времени, и я все же да мог полностью его подтвердить.

Два джентльмена ожалели, что Черный Пес ушел, но мы все согласились, что ничего не поделаешь, и

пос ле тог о, как ему с делали комплимент, Длинный Джон
взял кос тиль и ушел.

«Вс е на борт с ег одняк четырем дням!» — крикнул ему
вс лед с квай р.

-- Да, да, с эр, -- закричала кух арка в коридоре.

-- Что ж, с квай р, -- с казал доктор Ливс и, -- я не с лишком верю
в ваших открытиях , как правило, но я с кажу так: Джон С ильвер
мне подх одит.

«Этот человек —идеальный козырь», —заявил с квай р.

-- А теперь, -- добавил доктор, -- Джим может поднятс я с нами
на борт, не так ли?

-- Конечно, может, -- с казал с квай р. — Возьми шляпу,
Х окинс , и мы увидим корабль.

IX ПОРОШОК И ОРУЖИЕ

Они лежали на палубе, и мы проходили под носовыми фигурами и вокруг кормы многих других кораблей, и их канаты иногда крепили под нашим килем, а иногда болтались над нами. Наконец, однако, мы подошли к борту, и когда мы поднялись на борт, нас встретил и приветствовал помощник, мистер Эрроу, смуглый старый матрос с серьгами в ушах и косоглазый. Он и сквайры были очень добры и дружелюбны, но вскоре я заметил, что между мистером Трелони и капитаном дела обстоят иначе.

Этот последний был человеком резкого вида, который, казалось, сердился на все, что было на борту, и вскоре должен был объяснить нам почему, потому что едва мы спустились в каюту, как матрос следовал за нами.

-- Капитан Смоллетт, сэр, очень хочу поговорить с вами, -- сказал он.

«Я всегда подчиняюсь приказам капитана. Впустите его, -- сказал сквайр.

Капитан, следовавший за своим послыльным, вошел. тотчас же и закрыл за собой дверь.

— Ну, капитан Смоллетт, что вы можете сказать? Все хорошо, я надеюсь все в целости и морях одности?

-- Что ж, сэр, -- сказал капитан, -- лучше, я думаю, говорить откровенно, иначе вы рискуете обидеться. Мне не нравится этот круиз; я не люблю мужчин; и мне не нравится мой офицер. Это коротко и мило».

— Может быть, сэр, вам не нравится корабль? -- спросил сквайр. очень зол, как я мог видеть.

«Я не могу говорить об этом, сэр, я не видел, как ее пытались». -- сказал капитан. «Она кажется куском ремесла; большего я не могу сказать».

— Может быть, сэр, вам тоже не нравится ваш работодатель? — сказал сквайр.

Но тут вмешался доктор Ливси.

-- Постой, -- сказал он, -- постой. Не используйте такие вопросы как то, но чтобы произвести плохое чувство. Капитан сказал с лишком много или сказал с лишком мало, и я должен сказать, что требую объяснения его слов. Вы говорите, что вам не нравится этот круиз. Почему?

«Я был нанят, сэр, потому, что мы называем запечатанным приказом, плыть на этом корабле для лорда Джентльмена, куда он прикажет мне», — сказал капитан. "Все идет нормально. Но теперь я нахожусь, что каждый человек перед мачтой знает больше, чем я. Я не называю это честным, а вы?

-- Нет, -- сказал доктор Ливси, -- не знаю.

«Далее, — сказал капитан, — я узнаю, что мы идем за окровавленными, — заметьте, вы слышите это из моих собственных рук. Теперь, окровавленные котливая работа; Я ни в коем случае не люблю путешествия за окровавленными; и я не люблю их, прежде всего, когда они секретны, и когда (прошу прощения мистер Трелони) секрет был расказан попугаю.

— Попугай Сильвера? — спросил сквайр.

— Это манера говорить, — сказал капитан. — Проболтался я имею в виду. Я уверен, что ни один из вас, Джентльмены, не знает, о чем вы; но я скажу вам, как я это делаю: жизнь или смерть, и бегство близко.

-- Все это ясно и, осмелюсь сказать, дос таточно верно, -- ответил доктор Ливси. «Мы рискуем, но мы не настолько невежественны, как вы нам полага ете. Затем вы говорите, что вам не нравится команда. Разве они не хорошие моряки?

— Мне они не нравятся сэр, — ответил капитан Смоллет. - И я думаю, что выбор должен был быть сделан моими собственными руками, если вы до этого додумаетесь.

«Возможно, вы должны», — ответил доктор. — Моему другу следовало бы, пожалуй, взять вас с собой; но неуважение, если оно и было, было непреднамеренным. И вам не нравится мистер Эрроу?

— Не знаю, сэр. Я читаю, что он хороший моряк, но он с лишком свободен с экипажем быть хорошим офицером. Помощник должен держаться я ос обняком — не должен пить с матросами перед мачтой.

— Вы имеете в виду, что он пьет? — воскликнул Сквайр.

-- Нет, сэр, -- ответил капитан. — Только то, что он с лишком фамильярен.

— Ну, а теперь, коротко и долго, капитан? спросил доктор. «Скажи нам, чего ты хочешь».

«Ну что, джентльмены, вы полны решимости отправиться в этот круиз?»

-- Как железо, -- ответил Сквайр.

— Очень хорошо, — сказал капитан. «Тогда, поскольку вы очень терпеливо меня выслушали, говоря вещи, которые я не мог доказать, выслушайте меня еще несколько слов. Они кладут порох и оружие в передний трюм. Теперь у вас есть хорошее место под кабиной; почему бы не поставить их туда? - первый пункт. Затем вы берете с собой четырех своих людей, и мне сказали, что некоторые из них должны быть причалены вперед. Почему бы не предложить им койки здесь, рядом с каютой? Второй момент.

"Больше?" — спросил мистер Трелони.

— Еще один, — сказал капитан. «Было с лишком много болтаю уже».

— С лишком много, — согласился доктор.

-- Я скажу вам то, что слышал, -- продолжал капитан Смоллетт. «Что у вас есть карта острова; что на карте есть кресты, чтобы показать, где сокровища; и что остров лежит... » И затем он точно назвал широту и долготу.

-- Я никогда никому об этом не говорил, -- воскликнул Сквайр.

-- Руки это знают, сэр, -- ответил капитан.

— Ливси, это, должно быть, были вы или Хокинс, — воскликнул Сквайр.

— Неважно, кто это был, — ответил доктор.

И я видел, что ни он, ни капитан не обратили особого внимания на протесты мистера Трелони. Я тоже, конечно, он был так болтлив; но в данном случае я верю, что он

был действительно прав, и что никто не сказал о ситуации на острове.

—Что ж, джентльмены, — продолжал капитан, — я не знаю, у кого эта карта, но я хочу держать ее в секрете даже от меня и мистера Эрроу. В противном случае я бы попросил вас позволить мне уйти в отставку».

—Понятно, — сказал доктор. — Вы хотите, чтобы мы держали это дело в тайне и разместили гарнизон в кормовой части корабля, укомплектованный людьми моего друга и обеспеченный всем оружием и порохом на борту. Другими словами, вы опасаетесь мятежа.

—Сэр, — сказал капитан Смоллетт, — без всякого намерения обидеться я отрицаю ваше право вкладывать слова в мои уста. Ни один капитан, сэр, не имел бы права вообще выходить в море, если бы имел достаточное основание, чтобы сказать это. Что касается мистера Эрроу, я считаю его вполне честным; некоторые мужчины такие же; все может быть для того, что я знаю. Но я несу ответственность за безопасность корабля и жизнь каждого мужчины, Джека, на его борту. Я вижу, что дела идут, как мне кажется не совсем так; и я прошу вас принять определенные меры предосторожности, или позвольте мне отказаться от моего места. И это все."

-- Капитан Смоллетт, -- начал доктор с улыбкой, -- вы когда-нибудь слышали басню о горе и мышях? Вы извините меня, я осмелюсь сказать, но вы напоминаете мне ту басню. Когда ты вошел сюда, я заколю свой парик, ты имел в виду больше, чем это.

—Доктор, — сказал капитан, — вы умны. Когда я вошел здесь, я имел в виду выпустить я и подумать не могла, что мистер Трелони услышит от слов.

—Я бы больше не стал, — воскликнул с квайр. «Если бы Ливси не был здесь, я должен был видеть вас до двойки. Как бы то ни было, я вас услышал. Я делаю все, что вы хотите, но думаю о вас уже».

—Как вам будет угодно, сэр, — сказал капитан. — Ты увидишь, что я исполню свой долг.

И с этим он ушел.

-- Трелони, -- сказал доктор, -- вопреки всем моим представлениям, я считал, что вам удалось взять с собой на борт двух честных людей -- этого человека и Джона Сильвера.

-- Серебро, если хотите, -- воскликнул Сквайр, -- а что касается этого невыносимого жулика, то я заявляю, что считал его поведение немужскими, неморскими и совершенно неанглийскими.

— Что ж, — сказал доктор, — посмотрим.

Когда мы поднялись на палубу, матросы уже начали доставать оружие и порох, хлопая по своим делам, а капитан и мистер Эрроу стояли под присмотром.

Новая аранжировка мне очень понравилась. Выходная была капитально отремонтирована; шесть сальных мест были устроены в корме из того, что было задней частью главного трюма, и этот набор кают соединялся с камбузом и полубатом только лонжеронным проходом по левому борту. Первоначально предполагалось, что капитан, мистер Эрроу, Хантер, Джойс, доктор и оруженосец должны были занять эти шесть коек.

Теперь Редрут и я должны были получить два из них, а мистер Эрроу и капитан должны были спать на палубе в компаньоне, который был увеличен с каждой стороны так, что его почти можно было назвать развлеккой. Конечно, он был еще очень низким, но там было место, чтобы раскаты два гамака, и даже помощник, казалось, был доволен таким расположением. Даже он, быть может, сомневался в экипаже, но это только догадки, ибо, как вы услышите, мы недолго пользовались его мнением.

Мы все усердно работали, меняя порох и койки, когда последний человек или два, вместе с ними и Длинный Джон, отплыли на прибрежной лодке.

Повар подошел с боку, как обезьяна на ообразительность, и, как только увидел, что делается «Ну и х о, товарищи!» -- сказал он. -- Что это?

— Мы меняем порох, Джек, — отвечает один.

-- Клянусь с илами, -- воскликнул Длинный Джон, -- если мы это делаем, мы пропустите утренний прилив!»

"Мои заказы!" — коротко сказал капитан. — Вы можете идти вниз, мой человек. Руки захотят ужинать.

-- Да, сэр, -- ответил повар, и, прикоснувшись к своему чубу, тотчас же исчез в направлении своей галеры.

— Хороший человек, капитан, — сказал доктор.

-- Вполне вероятно, сэр, -- ответил капитан Смоллетт. -- Полегче, мужики, полегче, -- побежал он к ребятам, пересыпавшим порох; а потом вдруг заметив, как ярассатривают вертлюг, который мы несли на миделе, длинную медную девятку, — «Вот, юнга, — воскликнул он, — из этого! Пошли с тобой к кухарке и займись делом.

И затем, когда торопился уйти, устылся, как он довольно громко сказал доктору:

«У меня не будет любимчиков на моем корабле».

Уверю вас, я был вполне в духе оруженосца и глубоко ненавидел капитана.

Икс

ПУТЕШЕСТВИЕ _

Всю ту ночь мы были в большой суете, раскладывая вещи по своим местам, и полные лодки друзей с квайра, мистера Блэндли и ему подобных, отплывали, чтобы пожелать ему удачного плавания и благополучного возвращения. У нас никогда не было ночи в «Адмирал Бенбоу», когда я выполнял половину работы; и я устал, как собака, когда незадолго до рассвета боцман затрубил в свою дудку, и команда принялась за кабестан. Я мог бы быть вдвое более утомленным, но все же не покинул бы палубу, все было для меня так ново и интересно — краткие команды, пронзительные звуки свистка, люди, суетящиеся на своих местах в мерцании корабельных фонарей.

«Теперь, Барбекю, дай нам чаевые», — крикнул один голос.

— Старый, — воскликнул другой.

-- Да, друзья -- сказал Длинный Джон, стоявший рядом с костыль под мышкой, и тотчас в воздух всыпали с лова, которые я так хорошо знал:

«Пятнадцать человек на сундук мертвеца» —

И тогда весь экипаж запел хором:

«Йо-х о-х ои бутылка рома!»

И на третью «х о!» гнали решетки передними с волей.

Даже в этот захватывающий момент он за секунду вернул меня к старому адмиралу Бенбоу, и мне показалось, что я слышу голос капитана, бормочущий в хоре. Но вскоре яоряне хватило; вскоре он повис на носу, капая каплями; с коро

паруса начали натягиваться, и земля и корабли проносились по обеим сторонам, и прежде чем я успел лечь, чтобы вздремнуть, корабль начал свое путешествие к острову Сокровищ.

Я не буду подробно рассказывать о путешествии. Это было довольно прозаично. Корабль показал себя хорошим кораблем, команда была умелыми моряками, а капитан хорошо разбирался в своем деле. Но прежде чем мы достигли острова Сокровищ произошли две или три вещи, о которых нужно знать.

Мистер Эрроу, во-первых, оказался даже хуже, чем опасался капитан. Он не имел власти над людьми, и люди делали с ним все, что им заблагорассудится. Но это ни в коем случае не было самым худшим; ибо после дня или двух в море он начал появляться на палубе с затуманенными глазами, красными щеками, заикающимся языком и другими признаками опьянения. Раз за разом его с позором отправляли вниз. Иногда он падал и резался, иногда целыми днями лежал на своей койке с боку от товарища; иногда день или два он был почти трезв и хотя бы сносно занимался своей работой.

Тем временем мы никогда не могли понять, где он выпивка. Это была загадка корабля. Наблюдайте за ним, сколько нам угодно, мы ничего не могли сделать, чтобы решить эту проблему, и когда мы спросили его об этом, он только расмеялся бы, если бы был пьян, а если бы он был трезв, торжественно отрицал, что когда-либо пробовал что-либо, кроме воды.

Он был не только бесполезен как офицер, но и плох повлиял на среди мужчин, но было ясно, что такими темпами он должен скоро покончить с собой. Начистоту, так что никто не был ни удивлен, ни очень огорчен, когда одной темной ночью, при сильном волнении, он полностью исчез, и его больше никто не видел.

"За борт!" — сказал капитан. — Что ж, джентльмены, это избавляет вас от необходимости заковывать его в кандалы.

Но там мы были без пары, а надо было, конечно, для продвижения одного из мужчин. Боцман, Иов

Андерсон был самым вероятным человеком на борту, и хотя он с собой ранил с собой старый титул, он с лужил с воем о рода помощником. Мистер Трелони с лежал за морем, и его знания приносили ему большую пользу, поскольку в хорошую погоду он часами забрался туда. А рулевой, Исайя Хэндс, был осторожным, хитрым, старым, опытным моряком, которому в крайнем случае можно было доверять почти все.

Он был большим доверенным лицом Долговязов о Джона Сильвера, и поэтому упоминание его имени наводит меня на мысль о нашем корабельном коке Барбекю, как его называли матросы.

На борту корабля он носил с собой косыль на шнурке вокруг своей шеи, чтобы обе руки были максимально свободны. Было интересно наблюдать, как он упирается ногой косылем в переборку и, опираясь на нее, поддается каждому движению корабля и продолжает готовить, как человек, спасающийся на берегу. Еще более странно было видеть его в самую ненастную погоду пересекающим палубу. У него была натянута веревка или две, чтобы помочь ему преодолевать самые широкие пространства — их называли сергами Длинного Джона, — и он перебирался с одного места на другое, то используя косыль, то волоча его вдоль стропы, так быстро, как только мог. Как мог ходить другой человек. Тем не менее, некоторые из людей, которые плыли с ним раньше, выразили сожаление по поводу того, что он так опустошен.

-- Он не простой человек, Барбекю, -- сказал рулевой мне. «В юности он хорошо учился и может говорить, как книга, когда хочет; и хитрый — лев ничто рядом с Длинным Джоном! Я видел, как он схватил четверых и ударил их головами — он был безоружен».

Весь экипаж его уважал и даже слушался. У него была манера разговаривать с каждым и оказывать каждому определенную услугу. Ко мне он был неумолимо добрым и всегда рад видеть меня на камбузе, который сдержал в чистоте, как новую булавку; посуду блестящую, а попугай в клетке в углу.

«Уходи, Хоккинс, — говорил он. «приходи и попробуй пряжки с Джоном. Нет никого более желанного, чем ты, мой

сын. Садитесь и слушайте новости. Вот Капитан Флинт — язову с воего попугая Капитаном Флинтом в честь знаменитого пирата — вот Капитан Флинт предсказывает успех нашему путешествию. Не так ли, капитан?

И попугай с большой быстрой говорил: «Восмерки! штук восмерь! штук восмерь!» пока вы не подумали, что он не запыхался или пока Джон не бросил с вой носовой платок на клетку.

«Теперь этой птице, — говорил он, — может быть двести лет. лет, Хокинс, — в основном они живут вечно, и если кто-то и видел больше зла, так это сам дьявол. Она плыла с Англией — великим капитаном Англии, пиратом. Она была на Мадагаскаре, и в Малабаре, и в Суринаме, и в Провиденсе, и в Портобелло. Она ловила разбитые гласинчатые корабли. Именно там она выучила «Восмерки», и неудивительно; триста пятьдесят тысяч, Хокинс! Она была на бордаже, и, глядя на нее, можно было подумать, что это малышка. Но вы почувствовали запах пороха, не так ли, капитан? Вице-король Индия из Гоа, она была,

«Готовься идти», — кричал попугай.

«Ах, хороша она, вот она», — говорил повар и давал ей из кармана сахар, и тогда птица клевала прутья и прямо ругалась, выдавая веру за злобу. «Вот, — добавлял Джон, — ты не можешь коснуться поля и не быть с брошенным, парень. Вот эта моя бедная старая невинная птичка клянется голубым пламенем, и ничего мудрее, можешь сменить. То же самое она поклялась бы, так сказать, перед капелланом. И Джон прикасался к своей челке с своей торжественной манерой, которая заставляла меня думать, что он лучший из

Мужчины.

Тем временем сквайр и капитан Смоллет все еще в довольно далеких отношениях друг с другом. Сквайр не скрывал этого; он презирал капитана. Капитан, с своей стороны, говорил только тогда, когда с ним говорили, и тогда резко, коротко и сухо, и нислова.

потраченный. Он признался, что, когда его заглянули в угол, он, похуже, ошибся насчет экипажа; что некоторые из них были такими бойкими, как он хотел видеть, и все вели себя довольно хорошо. Что же касается корабля, то он ему откровенно понравился — Она будет чуть ближе к ветру, чем мужчина вправе ожидать от своей замужней жены, сэр. Но, — добавлял он, — все, что я говорю, это то, что мы с нова не дома, и мне не нравится круиз».

При этом оруженосец отворачивался, подхаливал и вниз по палубе, подбородок в воздухе.

«Еще немного этого человека, — говорил он, — и я взорвусь».

У нас была ненастная погода, которая только подтвердила качества. Все люди на борту ~~казались~~ вполне довольными, и им, должно быть, было бы трудно угодить, если бы они были иначе, потому что я уверен, что никогда не было такого избалованного экипажа корабля с тех пор, как Ной вышел в море. Двойной грот обирался по малейшему поводу; по нечетным дням была чепуха, например, если сквайр узнает, что у кого-нибудь день рождения и всегда стояла бочка с яблоками, протянутая за талию, чтобы угостить себя любого, у кого есть фантазия.

— Никогда еще не знал, что из этого выйдет что-то хорошее, — сказал капитан доктору Ливси. «Ис порти руки фокусам, наделай чертей. Это мое убеждение».

Но из бочки с яблоками, как вы услышите, вышло хорошее, ибо, если бы не она, мы не получили бы предупреждения и могли бы все погибнуть от руки предательства.

Вот как это произошло.

Мы бежали по пасатам, чтобы получить представление об островах, за которыми отились, — мне не позволено быть более простым, — и теперь мы мчались к нему с ясным наблюдением день и ночь. По саям большим подчетам, это был последний день нашего путешествия. Где-то ночью или, самое позднее, до полудня завтра мы должны увидеть Остров Сокровищ. Мы шли на юго-юго-запад, и у нас был устойчивый

бриз на траверзе и тихое море. Эс-паньола ^{свернутый}
Равномерно опускающийся ее бушприт тоже дело с дуновением
брызг. Все тянулось все ниже и выше; все было в самом
хорошем настроении, потому что мы были теперь так близко к
концу первой части нашего приключения.

Теперь, сразу после захода солнца, когда вся моя работа была
закончена и я направлялся к своей койке, мне пришло в голову,
что я хотел бы яблоко. Я выбежал на палубу. Все
важные устремились вперед, выискивая остров.
Штурман с ледил за взмахом паруса и тихонько нас выставлял
себе поднос, и это был единственный звук, не считая шороха
моря о нос и борта корабля.

Я забрался в бочку с яблоками и обнаружил там
почти не осталось яблок; но, идя там, в темноте, при шуме
воды и качании корабля, я то ли заснул, то ли собирался
заснуть, как вдруг какой-то грузный человек сел довольно
громким стуком рядом с к. Бочка затряслась, когда он
прислонился к ней плечами, и я уже собиралась вскочить,
когда мужчина начал говорить. Это был голос Сильвера, и,
прежде чем я успел лышало дюжину слов, я бы не показался
всем миру, а лежал бы там, дрожа и слезая, в крайнем страхе и
любопытстве; ибо из этих дюжины слов я понял, что жизнь
всех честных людей на борту зависит от меня одного.

XI

ЧТО Я СЛЫШАЛ В ЯБЛОЧНОЙ БОЧКЕ

— Нет, не я — сказал Сильвер. «Флинт был капитаном; Я был квартирмейстером, вдоль моей деревянной ноги. В тот же зал я потерял ногу, старый Пью потерял свои мертвые огни. Это был искусный хирург, тот, ампутировал меня — из колледжа и все такое — латынь ведро, и что "нет; но его повесили, как сабаку, и высушили нас олнце как и остальные, в замке Корсо. Это были люди Роберта, это было и произошло из-за того, что они изменили названия своих кораблей — Королевский Удача и так далее. Вот, какой корабль окрестили, так пусть ее пребывание, я говорю. Так было и с тем, что принесло нам все безопасно домой из Малабара, после того как Англия взяла; так вице-король принадлежавший Индия было с старым кораблем старого Флинта, Мржк, как я видел, разъяренный красной кровью и готовый утонуть золото."

«Ах!» — закричал другой голос, голос самой молодой руки на правления, очевидно, преисполненный восхитения «он был ц ветком сада, был Флинт!

«По общему мнению, Дэвис тоже был мужчиной, — сказал Сильвер. "Я никогда не плыл вместе с ним; с начала с Англией, потом с Флинтом, это моя история а теперь здесь от себя в манерах говорить. Я заложил девять от сейфов, от Англии и две тысячи после Флинта. Это неплохо для человек передмачтой — все в безопасности на берегу. «Теперь я зарабатываю, это спасение делает это, вы можете положиться на это. Где все Англия мужчины сейчас? Я не знаю. Где Флинт? Почему большинство из них на борту вот, и рад получить дудку — до этого кланчил, некоторые из них. Старый Пью, потерявший зрение и, возможно, считал позором, тратит тысячу двести фунтов в год, как лорд в парламенте. Где он сейчас? Ну, он мертв

теперь и подлюками; но за два года до этого, дрожи мои бревна! человек голодал. Он умолял, и воровал, и перерезал глотки, и при этом морил голодом, клянусь силами!

— Ну, в конце концов, толку от этого мало, — сказал молодой моряк.

-- От дураков толку мало, можете сказать, -- ни это, ни ничего, — воскликнул Сильвер. «Но теперь вы посмотрите сюда; Вы молоды, вы молоды, но вы умны, как красная. Я вижу это, когда смотрю на тебя и буду говорить с тобой по-мужски.

Можете себе представить, что я почувствовал, когда услышал эту отвратительную старую мошенническую историю с теми же лестными словами, что и ко мне. Я думаю, если бы я мог, я бы убил его через стол. Тем временем он бежал, мало полагая, что его подслушали.

«Здесь речь идет о джентльменах удачи. Они живут сурово, и они рискуют качаться, но они едят и пьют, как бойцовские петухи, и когда круиз закончен, почему у них в карманах сотни фунтов вместо сотен фартингов.

Теперь больше всего он одит на ром и хлещет интрижку, и снова в море в своих рубашках. Но это не тот курс, который я проложил. Я все отбрасываю, что-то здесь, что-то там, и почти нигде, по причине подозрения мне пятьдесят, заметьте; как-то вернувшись из этого круиза я настроился джентльменом всерьез. Времени тоже достаточно, говорите вы. Ах, но я тем временем жил легко; никогда не отказывал себе ни в чем, что душе угодно, и спал спокойно и ел лакомство все дни мои, кроме как в море. И как я начал? Перед мачтой, как ты!»

«Ну, — сказал другой, — но все остальные деньги уже ушли, не так ли? После этого ты не смеешь показываться в Бристоле.

-- А где, по-твоему, это было? — насмешливо спросил Сильвер.

-- В Бристоле, в банках и местах, -- ответил его спутник.

-- Были, -- сказал повар. «Это было, когда мы с нянчились с якоря. Но у моей старой миссис уже все есть. И Подзорная труба продана, в аренду и по доброй воле и с нас тяг; и старушка идет встречать меня. Я бы сказал вам, где, потому что я доверяю вам; но это вызовет зависимость среди товарищей.

—И вы можете доверять с воей миссис? — спросил другой.

- Джентльмены удачи, - возразил повар, - обычно мало доверяют друг другу, и они правы, вы можете на это положиться. Но у меня есть сомнения, у меня есть. Когда помощник сорвется с трюса — я имею в виду того, кто меня знает, — он не будет в одном мире с остальным Джоном. Кто-то боялся Пью, кто-то боялся Флинта; но сам Флинт боялся меня. Он боялся и гордился.

Это была самая грубая команда на плаву, команда Флинта; сам дьявол побоялся бы выйти с ними в море. Ну, вот, говорю вам, я человек не хвастливый, и вы сами видели, как легко схожусь; но когда я был, это не было словом для старика-квартирмейстера Флинта, пиратов. Ах, вы можете быть Джона. Я нут уверен в себе на корабле с стариком.

-- Ну, вот что я вам скажу, -- ответил Юноша, -- мне и на полчетверти не нравилась эта работа, пока я не поговорил с вами, Джон, но теперь я приложил к этому руку.

-- Их рабый ты был парень, и умный к тому же, -- ответил Сильвер, пожимая руки так сердечно, что весь ствол задрожал, -- и более прекрасное номинальное лицо для джентльмена с остальными, которого я никогда не видел.

К этому времени я начал понимать значение их терминов. Под «джентльменом удачи» они явно подразумевали не больше и не меньше, чем обычного пирата, и небольшая цена, которую я подслушал, была последним актом коррупции из честных рук — возможно, последнего, оставшегося на борту. Но в этом вопросе я вскоре почувствовал облегчение, потому что, когда Сильвер слегка присел, подошел третий человек и сел рядом с ними.

— Дик в квадрате, — сказал Сильвер.

— О, я знал, что Дик был честен, — отозвался голос рулевого Исаака Хэнкса. — Он не дурак, Дик. И он перевернул с ног на голову. -- Но послушайте, -- продолжал он, -- вот что я хочу знать, Барбекю, -- долги мы будем стоять взад и вперед, как благословенная шляпка? У меня было достаточно

о капитан С моллетт; он издевалс янадо мной дос таточно долг о, черт возьми! Я х очу пойти в ту каюту, ях очу. Мне нужны их с оленья и вина, и вс е такое.

—Израэль, —с казал С ильвер, —твояг олова не имеет большог о значения и никог да не имело значения Но вы можете слышать, я думаю; по край ней мере, ваши уши дос таточно большие. Вот что яс кажу: вы буд ете двиг атьс я вперед, и вы буд ете жить тяжело, и вы буд ете г оворить мят ко, и вы буд ете трезвыми, пока яне с кажу; и ты можешь с олг ать в этом, с ын мой.

—Ну, яведь не г оворю «нет», не так ли? —прорычал рулевой. —Я г оворю: ког да? Это то что яс казал."

"Ког да! с илами!" —вос кликнул С ильвер. «Ну, а те перь, ес ли вы х отите знать, яс кажу вам, ког да. В пос ледний момент ямог у с правитьс я и вот ког да. Вот пер воклас с ный моряк, капитан С моллетт, вед ет для нас благ ос ловенный корабль. Вот этот с квай р и доктор с картой и прочим —яне знаю, г де это, не так ли?

Больше нет, г оворите вы. Ну, тог да я имею в виду, что этот оруженос ец и доктор должны найти это вещ ес тво и помочь нам дос тавить ег о на борт, во имя с ил! Тог да пос мотрим. Е с ли бы я был уверен во вс ех вас, с ыновья двойных г олландц ев, ябы приказал капитану С моллету провес ти нас ещ е на полпути, прежде чем нанес ти удар.

-- Я думаю, мы здес ь вс е моряки, -- с казал Дик.

—Ты имеешь в виду, что мы вс е в фокус е, —отрезал С ильвер. «Мы можем проложить курс, но кто ег о проложит? Это то, о чем вс е вы, джентльмены, разделилис ь, в первую очередь и в пос леднюю очередь. Буд ь моя воля я бы велел капитану С моллетту по край ней мере вернуть нас обратн о в торг овлю; тог да бы у нас не было блаженных прос четов и ложечки воды в день. Но язнаю, какой ты. Я пок ончу с ними на ос трове, как только тупиц а окажетс я на борту, а жаль.

Но ты никог да не буд ешь с час тлив, пока не напь ешьс я Разрежь мне бока, у меня больное с ердц е, чтобы плыть с такими, как ты!»

-- Полег че, Длинный Джон, -- вос кликнул Ис раэль. —Кто тебе меша ет?

«Почему, как вы думаете, с сколько вы с оких кораблей я видел те перь, заложенных на борту? а с сколько ю рких х лопц ев с ох нет нас олнышке в

Док казни? — воскликнул Сильвер. «И все для этого же с пешат, с пешат и с пешат. Ты меня слышишь? Я видел кое-что в море, я видел. Если бы вы проложили свой курс и гинт против ветра, вы бы поехали в экипажах, вы бы так и сделали. Но не ты! Я знаю тебя. Завтра выпьешь рома и иди вешать.

— Все знали, что ты был с воем о рода парнем, Джон; но есть и другие, которые умеют управлять и управлять не хуже вас, — сказал Исраэль. «Они любили немножко повеселиться, они любили. Они не были такими выскочками и сухими, как бы то ни было, но веселились, как веселые товарищи, все.

"Так?" — сказал Сильвер. «Ну и где они сейчас? Пью был таким, и он умер нищим. Флинт был, и он умер от рома в Саванне. Ах, они были милой командой, они были! Эй, где они?

-- Но, -- спросил Дик, -- когда мы кладем их поперек, что какое нам дело до них?

«Этот человек для меня» воскликнул повар, восхищенно. «Вот что я называю бизнесом. Ну, что бы вы подумали? Вы адить их на берег, как маронов? Это был бы путь Англии. Или порезать их, как много свиной? Это мог быть Флинт или Билли Боунс.

«Билли был человеком для этого», — сказал Исраэль. «Мертвые не кусать, — говорит он. Ну, он сам теперь мертв; теперь он знает, в чем дело; и если когда-нибудь в порт и придет грубая рука, так это Билли.

— Ты прав, — сказал Сильвер, — руб и готов. Но заметьте: я человек покладистый, я вполне джентльмен, говорите вы; но на этот раз серьезно. Дути есть Дути, товарищи. Я отдаю свой голос — смерть. Когда я нахожусь в парламенте и еду в своей карете, я не хочу, чтобы ни один из этих морских юристов в каюте не вернулся домой, неожиданный, как дьявол во время молитвы. Подождите, вот что я говорю; но когда придет время, зачем позволять ей рвать!»

— Джон, — воскликнул рулевой, — ты мужчина!

— Ты так и скажешь, Израиль, когда увидишь, — сказал Сильвер. — Я утверждаю только одно — я утверждаю, что это Трелони. я торву его отеленку голову

свое тело этими руками. Х у й!" —прибавил он, обрываясь, —ты должна выскочить, как милый мальчик, и принести мне яблочко, чтобы намочить мою трубку, как.

Вы можете себе представить, в каком ужасе я был! Я бы выскочил и бросился бежать, если бы нашел в себе силы; но мои конечности и сердце в равной степени ошибались. Я слышал, как Дик начал подниматься, а потом кто-то как бы остановил его, и голос Руки воскликнул:

«Ой, убери это! Не сносить этот трюм, Джон.
Давайте выпьем рома».

—Дик, —сказал Сильвер, —я тебе доверяю. У меня есть манометр на бочонке, заметьте. Вот ключ; вы наполняете сковороду и приносите ее наверх.

Как бы я ни был напуган, я не мог не думать про себя, что должно быть, именно так мистер Эрроу получил сильную воду, которая погубила его.

Дик отсутствовал ненадолго, и во время его отсутствия Израэль говорил прямо на ухо кухарке. Я смог уловить всего пару слов, и тем не менее я узнал кое-какие важные новости; ибо, помимо других обрывков, имевших отношение к той же цели, можно было услышать весь этот пункт: «Ни один из них не съедет». Следовательно, на борту все еще были верные люди.

Когда Дик вернулся, троица один за другим взяла сковороду и выпила —один «на счастье»; другой с словами: «Вот старый Флинт», а сам Сильвер говорит в чем-то вроде песни: «Вот вам, и держите свою шкаторину, много призов и много пустяков».

И тут на меня в бочке упало какое-то сияние, и, взглянув вверх, я увидел, что вошла луна, серебрила бизань-макушку и сияла белизной на передней шкаторине фокса, и почти в то же время голос навах те закричал: «Приземляйся»

XII

ВОЕННЫЙ СОВЕТ

По палубе пронесся ясный топот ног. Я слышал, как люди вываливались из каюты и из фокуса; мгновенно выскользнув из барреля, я нырнул за фок, сделал двойной поворот к корме и вышел на открытую палубу как раз вовремя, чтобы присоединиться к Хэнтеру и доктору Ливси в пешке к погребному носу.

Там уже собрались все руки. Пояс тумана рассеялся почти одновременно с появлением луны. К юго-западу от нас мы увидели два невысоких холма, примерно в паре миль друг от друга, а за одним из них возвышался третий и более высокий холм, вершина которого была еще скрыта в тумане. Все трое казались островами и коническими по форме.

Так много я видел почти в последний раз, потому что я еще не оправился от своего ужасного страха несколько минут или две назад. И тут я услышал голос капитана Смоллетта, отдающего приказы. Он был расположен на пару румбов ближе к ветру, и теперь шел курсом, который как раз должен был пройти мимо острова на восток.

-- А теперь, ребята, -- сказал капитан, когда все было закутано. домой: «Кто-нибудь из вас когда-нибудь видел эту землю впереди?»

— Да, сэр, — сказал Сильвер. — Я поливал там с торговцем, у которого готовил.

-- Якорная стоянка, кажется на юге, за островком?
— спросил капитан.

— Да, сэр, Остров Скелетов называется. Это было главное место для пиратов когда-то, и человек, который был у нас на борту, знал все их имена для этого. Этот холм на севере они называют Холмом фок-мачты; бегут три горки подряд

южный — фор, грот и бизань, сэр. Но главное — это большое «нео» с облаком на нем — они обычно называют «Подзорной трубой» по причине наблюдения, которое они вели, когда чистили якорную стоянку; ибо именно там они чистили свои корабли, сэр, прошу вас прощения.

— У меня есть карта, — сказал капитан Смоллетт. — Посмотри, не то ли это место.

Глаза Длинного Джона горели, когда он брал карту, но по все же ему виду бумаг и японял, что он обречен на разочарование. Это была не та карта, которую мы нашли в сундуке Билли Боунса, а точная копия полная во всех вещах — именах, высотах и звуках — за единственным исключением красных крестов и письменных примечаний. Каким бы резким ни было его раздражение, Сильверу хватило сил скрыть его.

-- Да, сэр, -- сказал он, -- это то самое место, и очень красивое. Интересно, кто это мог сделать?

Думаю, пираты были с лишком невежественны. Да, вот оно:

«Анкоридж капитана Кидда» — так его назвал мой товарищ по кораблю. Сильное течение бежит вдоль юга, а затем уходит на север вверх по западному побережью. Вы были правы, сэр, — сказал он, — что убили ветер и сохранили погоду на острове. По крайней мере, если вы намеревались войти и повернуть, а для этого в этих водах нет лучшего места.

— Спасибо, дружище, — сказал капитан Смоллетт. — Позже я попрошу вас помочь нам. Ты можешь идти."

Я был удивлен тем хладнокровием, с которым Джон знает об острове, и я признаюсь, я был наполовину напуган, когда увидел, что он приближается ко мне. Он, правда, не знал, что я подслушал его совет из бочки с яблоками, и тем не менее к этому времени я так ужаснулся его жестокости, двуличности и власти, что едва мог скрыть свое оторопление, когда он положил свою руку на мою руку.

«Ах, — сказал он, — вот это хорошее место, этот остров, с хорошим местом для мальчишки, чтобы пойти на берег. Вы будете купаться и вы

лазить по деревьям, и ты будешь охотиться на коз, ты будешь, и ты будешь взбираться на те холмы, как сам козел. Почему, это делает меня снова молодым. Я собирался забыть с вою деревянную ногу. Приятно быть молодым и иметь десять пальцев на ногах, и вы можете сдвигать. Когда захочешь немного погулять, попроси старика Джона, и он приготовит тебе перекус, который ты можешь взять с собой.

И дружески похлопав меня по плечу, он поковылял вперед и пошел вниз.

Капитан Смоллетт, оруженосец и доктор Ливс и разговаривали на квартердеке, и, как бы мне ни хотелось рассказать им свою историю, я не осмелился их открыто прервать. Пока я все еще размышлял, пытаюсь найти какое-нибудь вероятное оправдание, доктор Ливс подозревал меня к себе. Он оставил свою трубку внизу и, будучи рабом табака, имел в виду, что я должен принести ее; но как только я оказался достаточно близко, чтобы говорить и меня не услышали, я тут же вспылил: «Доктор, дайте мне сказать. Сзовите капитана и оруженосца в каюту, а потом сделайте вид, что посылаете за мной. У меня ужасные новости».

Доктор немного изменился в лице, но затем момент, когда он был хозяином самого себя

-- Спасибо, Джим, -- сказал он довольно громко. «Это было все, что я хотел знать», как будто он задал мне вопрос.

И с этими словами он повернулся на каблуках и присоединился к другому. Они немного поговорили вместе, и хотя никто из них не вздрогнул, не повысил голоса и даже не присел, было достаточно ясно, что доктор Ливс передал мою просьбу, потому что следующее, что я услышал, был капитан, отдающий приказ. Джобу Андерсону, и все руки были подняты на палубу.

— Ребята, — сказал капитан Смоллетт, — я должен сказать вам кое-что. Эта земля которую мы увидели, и есть то место, куда мы плыли. Мистер Трелони, будучи, как мы все знаем, очень щедрым джентльменом, только что задал мне несколько слов, и, поскольку я мог сказать ему, что каждый человек на борту выполнил свой долг, наверх и вниз, о чем я никоим образом не прошу увидеть это с дел

лучше, что ж, мы с ними и доктором пойдем вниз в каюту пить за здоровье и за удачу, а тебе глоток подадут за здоровье и за удачу попить. Я скажу вам, что я думаю об этом: я думаю, что это красиво. Если вы думаете так же, как я, вы подарите хорошее настроение тому джентльмену, который это делает.

После довали аплодисменты — это было с амой с обоим разумно себя — но прозвучало так полно и сердечно, что, признаюсь, я с трудом мог поверить, что эти самые люди замышляют нашу кровь.

«Еще раз поздравляем капитана Смоллетта!» — воскликнул Длинный Джон, когда первый утих.

И это также было дано с волей.

Вдобавок ко всему, трое джентльменов спустились вниз, и вскоре после этого передали сообщение, что Джим Хокинс требует явки.

Я нашел их всех троих сидящими за столом, перед ними стояла бутылка испанского вина и немного изюма, а доктор курил вдали, с париком на коленях, и это, я знал, было знаком того, что он был взволнован. Кормовое окно было открыто, потому что ночь была теплой, и можно было видеть луну, освещающую кильватерный след корабля.

— А теперь, Хокинс, — сказал сквайр, — вам есть что сказать. Высказывайтесь."

Я сделал, как мне было велено, и как можно короче сказал все подробности разговора Сильвера. Никто не прерывал меня, пока я не закончил, и никто из троих не сделал даже движения, но они не спускали глаз с моего лица с первого до последнего.

— Джим, — сказал доктор Ливси, — садитесь.

И усели меня за стол рядом с обоим, налили мне стакан вина, насыпали мне руки изюмом, и все трое, один за другим, и каждый с луком, выпили за мое здоровье и за службу с вою меня за мою удачу и мужество.

-- Итак, капитан, -- сказал сквайр, -- вы были правы, и я неправильный. Я считал себя ослепленным вашими указаниями.

-- Не больший осел, чем я сэр, -- ответил капитан. «Я никогда не слышал о команде, которая намеревалась поднять мятеж, кроме тех, которые раньше показывали признаки, чтобы любой человек, у которого был глаз в голове, мог увидеть проказу и принять соответствующие меры. Но эта команда, -- добавил он, -- бьет меня».

— Капитан, — сказал доктор, — с вашего разрешения это Сильвер. Очень замечательный человек».

-- Он замечательно смотрелся бы с реи, сэр, -- ответил капитан. «Но это разговоры; это ни к чему не приводит. Я вижу три или четыре точки и с разрешения мистера Трелони назову их».

— Вы, сэр, капитан. Это тебе говорить, — сказал Мистер Трелони, величественно.

-- Во-первых, -- начал мистер Смоллет, -- мы должны продолжать, потому что мы не можем повернуть назад. Если я дам слово повернуться, они сразу встанут. Во-вторых, у нас есть время впереди — по крайней мере, пока это с окровище не будет найдено. В-третьих, есть верные руки. Так вот, сэр, рано или поздно дело дойдет до драки, и я предлагаю, как говорится, не торопиться и подрагаться в один прекрасный день, когда они меньше всего этого ожидают. Насколько я понимаю, мы можем рассчитывать на ваших домашних слуг, мистер Трелони?

-- Как и я сам, -- заявил сквайр.

«Три», — осчитал капитан; — У нас получается семь, считая здесь Хокинса. Теперь очестных руках?

— Скорее всего, люди Трелони, — сказал доктор. "те он выбрал для себя, прежде чем он зажег на Сильвере».

-- Нет, -- ответил сквайр, -- Хэндс был одним из моих.

«Я думал, что мог бы довериться Хэндсу», — добавил капитан.

— И подумать только, что они все англичане! вспылил оруженосец. «Сэр, я мог бы найти в себе силы взорвать корабль».

-- Что ж, джентльмены, -- сказал капитан, -- самое лучшее, что я мог у сказать, это немного. Мы должны лежать, если вам угодно, и держать яркую бдительность. Это примерка на мужчину, я знаю. Было бы приятнее подрагаться. Но ничего не поделаешь, пока мы

знаю наших мужчин. Лежать и висеть для ветра; это моя точка зрения».

—Джим здесь, — сказал доктор, — может помочь нам больше, чем кто-либо другой. Мужчины не стесняются его, а Джим — чуткий парень».

—Хьюкинс, я безмерно верю в вас, — добавил Сквайр.

Я начал чувствовать себя довольно отчаянно при этом, потому что я чувствовал себя совершенно беспомощный; и тем не менее, по странному стечению обстоятельств, спасение действительно пришло ко мне. Между тем, говорите что хотите, из двадцати шести было только семеро, на которых, как мы знали, мы могли положиться и из этих семерых один был мальчиком, так что взрослых мужчин на нашей стороне было шесть против девятнадцати. .

ЧАСТЬ III

МОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ НА БЕРЕГУ

XIII

КАК НАЧАЛОСЬ МОЁ ПРИКЛЮЧЕНИЕ НАБЕРЕГУ

Когда на следующее утро я вышел на палубу, вид острова совершенно изменился. Хотя бриз теперь совсем прекратился, за ночь мы проделали большой путь и теперь лежали в штиле примерно в полумиле к юго-востоку от низменного восточного побережья. Серые леса покрывали большую часть поверхности. Этот ровный оттенок действительно прерывался полосами желтого песчаного разлома в низинах и множеством высоких деревьев семейства сосновых, возвышавшихся над другими — одни поодиночке, другие группами; но общий колорит был равномерным и печальным. Холмы возвышались над растительностью шпилями голых скал. Все они были странной формы, и подозрительная труба, которая была на триста или четыреста футов выше с амой высотой на острове, была также с амой странной по форме, поднимаясь отвесно почти со всех сторон, а затем внезапно обрываясь вверх, как pedestal. поставить статую. катил шпиляты в океане

Эс паньола

зыбь. Стрелы рвали блоки, руль стучал туда-сюда, и весь корабль скрипел, стонал и подпрыгивал, как на заводе. Мне пришлось крепко вцепиться в ахтерштаг, и мир кружился у меня перед глазами; ибо, хотя я и был достаточно хорошо орошим морем, когда дело доходило до этого, стоять на месте и кататься, как бутылка, я так и не научился стоять без угрызений совести или около того, особенно по утрам, натощак.

Может быть, дело было в этом, может быть, в том, как выглядел остров с его серыми, унылыми лесами, дикими каменными шпилями и прибоем, который мы могли видеть и слышать, пенясь и

г ремел на крутом берегу — по крайней мере, хотя солнце светило
ярко и жарко, а береговые птицы ловили рыбу и кричали вокруг
нас, и можно было подумать, что кто-нибудь был бы рад выбраться
на сушу после столь долгого пребывания в море, сердце мое, как
говорится, ушло в пятки, и с того первого взгляда я возненавидел
самую мысль об Острове Сокровищ

Нам предстояла тяжелая утренняя работа, ибо
никакого признака ветра, и лодки должны были быть вытасканы и
укомплектованы людьми, и корабль крутил три или четыре мили
вокруг угла острова и вверх по узкому проходу к гавани за Островом
Скелетов. Я вызвал с яна одну из лодок, где мне было, конечно,
ничего сделать. Жара была изнуряющей, и мужчины яростно ворчали
из-за своей работы. Андерсон командовал моей лодкой, и вместе
с тем, чтобы держать команду в порядке, он ворчал во весь голос.

«Ну, — сказал он с клятвой, — это не навсегда».

Я подумал, что это очень плохой знак, потому что до того дня люди
быстро и охотно занимались своими делами, но один вид острова
ослабил узы дисциплины.

Всю дорогу Длинный Джон стоял рядом с рулевыми и управлял
кораблем. Он знал проход как свои пять пальцев; и хотя человек в
цепях получал везде больше воды, чем было указано в таблице,
Джон никогда не колебался
один раз.

«С отливом идет сильный размыв, — сказал он, — и вот этот
проход выкопан, так сказать, лопатой».

Мы останавливались как раз там, где на карте был якорь, примерно
в трети мили от каждого берега, материк с одной стороны и остров
Скелетов с другой. На дне чистый песок. Когда мы бросили якорь,
над лесом поднялись тучи птиц, которые кружили и кричали,
но менее чем через минуту они снова спустились вниз, и
снова все стихло.

Это место не имело выходов к морю, утопало в лесах. Деревья пускают прямо к отметке половодья, берега в основном плоские, а вершины холмов стоят вдалеке амфитеатром, один здесь, другой там. Две речушки или, вернее, два болотца впадали в этот, так сказать, пруд, и листва в этой части берега имела какой-то ядовитый блеск. С корабля мы ничего не могли разглядеть ни дома, ни часового, потому что они были полностью укрыты деревьями; и если бы не карта на компаньоне, мы могли бы быть первыми, кто бросил якорь там с тех пор, как острова возникли из моря.

Не было ни дуновения воздуха, ни звука, кроме шума прибоя в полумиле от берега вдоль берегов и скал снаружи. Над якорной стоянкой висел своеобразный застойный запах — запах размокшей листвы и гниющих стволов деревьев. Я наблюдал, как доктор все нюхал и нюхал, словно пробуя тухлое яйцо.

-- Насчет окривевшей знаю, -- сказал он, -- а парик поставлю на кол, здесь лихорадка.

Если поведение людей и вызывало тревогу в лодке, то стало по-настоящему угрожающим, когда они поднялись на борт. Они лежали на палубе, перегариваясь между собой рычанием. Малейший приказ воспринимался черным взглядом и неохотно и небрежно выполнялся. Должно быть, даже честные руки подхватили заразу, потому что на борту не было ни одного человека, который мог бы вылечить другого. Мягко, это было ясно, навис над нами, как грозная туча.

И опасность почувствовали не только мы из салона. Долговязый Джон усердно работал, переходя от группы к группе, давая хорошие советы, и, например, ни один человек не мог бы показать лучшего. Он изрядно превзошел самого себя в готовности и вежливости; он все улыбался. Если бы был отдан приказ, Джон тут же вскочил бы на костыль с самым радостным «Да, да, сэр!» в мире; а когда делать было нечего, продолжал

одна песня за другой, как бы для того, чтобы скрыть недовольство остальных.

Из всех мрачных черт того мурода дня эта очевидная тревога с остороны Длинного Джона казалась худшей.

Мы с овецелись в салоне.

— Сэр, — сказал капитан, — если я рискну еще одним приказом, весь корабль слетит с катушек. Видите ли, сэр, вот оно. Я получаю грубый ответ, не так ли? Что ж, если я отвечу, шуки пойдут в два счета; если я этого не сделаю, Сильвер увидит, что под этим что-то есть, и игра окончена. Теперь у нас есть только один человек, на которого можно положиться.

— А кто это? — спросил Сквайр.

-- Серебро, сэр, -- ответил капитан. — Он так же озабочен, как и мы с вами, чтобы все утряслось. Это разговаривать; если бы у него была возможность, он бы их быстро отговорил, и я предлагаю дать ему такую возможность. Давайте позволим мужчинам провести день на берегу. Если они все уйдут, мы будем драться с кораблем. Если никто из них не пойдет, ну тогда держим кабину, а бог защитит права. Если кто-то пойдет, помните мои слова, сэр, Сильвер снова возьмет их на борт, таких же кротких, как я няга.

Так было решено; заряженные пистолеты были розданы всем конечно мужики. Хантер, Джойс и Редрут доверились нам и приняли новости с меньшим удивлением и с лучшим настроением, чем мы ожидали, а затем капитан поднялся на палубу и обратился к команде.

— Ребята, — сказал он, — у нас был жаркий день, мы все устали и не в духе. Поворот на берег никому не повредит; лодки все еще в воде; вы можете давать концерты, и сколько угодно могут отправиться на берег во второй половине дня. Я выстрелю из ружья за полчаса до захода солнца.

Я полагаю, что голубцы, должно быть, думали, что сломают себе голени из-за сокровищ, как только они приземлятся, потому что все они моментально вышли из строя и ушли с остервенением и издали радостные возгласы, которые эхом отозвались эхом в далеком холме и заставили птиц снова летать с визгом вокруг яркой стоянки.

Капитан был с лишком умен, чтобы мешать. Он мгновенно скрылся из виду, представив Сильверу устраивать вечеринку, и я думаю, что он поступил так же хорошо. Будь он на палубе, он не мог бы даже притвориться, что не понимает ситуации. Это было ясно как день. Сильвер был капитаном, и у него была могучая мятежная команда. Честные руки — а я вскоре убедился, что на борту были такие, — должно быть, были очень глупыми ребятами.

Или, вернее, я полагаю, что правда была в том, что все руки были недовольны примером заводил, — только кто больше, кто меньше; а некоторых, будучи в основном хорошими людьми, нельзя было ни вести, ни гнать дальше. Одно дело бездельничать и прятаться и с совсем другим — взять корабль и убить несколько невинных людей.

Наконец, однако, партия была оставлена. Шесть парней были оставлены на борту, а остальные тринадцать, включая Сильвера, начали поодку.

Тогда-то мне и пришла в голову первая из безумных идей, которые так много сделали для спасения наших жизней. Если бы Сильвер оставил шесть человек, было бы ясно, что наша группа не сможет взять корабль и сражаться с ним; а так как осталось только шестеро, было также ясно, что их ижина в данный момент не нуждается в моей помощи. Мне сразу же пришлось в голову сходить на берег. В мгновение ока я соскользнул за борт и вернулся клубочком на переднем щите ближайшей лодки, и почти в тот же момент она оттолкнулась.

Никто не обратил на меня внимания, только носовое весло говорило: ты, Джим? Держите головы опущенными." Но Сильвер с другой лодки резко оглянулся и крикнул, не яли это; и с этого момента я начал с ожалеть о сдеянном.

Экипажи бросились к берегу, но лодка, в которой я наодился, немноготронувшись с места и будучи одновременно и легче, и лучше укомплектованной, рванула далеко вперед своего супруга, и нос уткнулся в прибрежные деревья, и я ухватился за ветку, выпрыгнул и нырнул в ближайший

зарослях, а Сильвер и остальные были еще в сотне ярдов позади.

«Джим, Джим!» Я слышал, как он кричал.

Но вы можете подумать, что я не обратил внимания, прыгая, пригибаясь и прорываясь, я бежал прямо перед своим носом, пока не мог больше бежать.

XIV

ПЕРВЫЙ УДАР _

Я был так доволен тем, что ускользнул от Длинного Джона, что начал получать удовольствие и с некоторым интересом оглядываться на чужую землю, в которой я на одинокую диковинные, болотистые деревья и теперь вышел на окраину открытого участка ольмистой песчаной местности, около мили длиной, усыпанной несколькими соснами и большим количеством искривленных деревьев, похожих на дуб по росту, но бледных в листве, как ивы. На дальней стороне поля стоял один из холмов с двумя причудливыми скалистыми пиками, яркими

солнцем.

Теперь я впервые ощутил радость исследования. Остров был необитаем; моих товарищей по кораблю я оставил позади, и впереди меня жили только бессловесные животные и куры. Я ходил туда-сюда среди деревьев. Тут и там были неизвестные мне цветущие растения, тут и там видел змей, и одна из них подняла голову с уступа скалы и зашипела на меня с шумом, похожим на вращение волчка. Я и не подозревал, что он был смертельным врагом, а шум был знаменитым треском.

Затем я подошел к длинной роше этих похожих на дубы деревьев — живых или вечнозеленых дубов, как я слышал впоследствии, их стали называть, — которые росли низко вдоль песка, как ежевика, с причудливо изогнутыми ветвями и плотной, как олово, листвой. Заросли тянулись вниз от вершины одного из песчаных холмов, расширяясь и становясь все выше по мере продвижения, пока не достигли края широкого тростникового болота, через которое ближайшая из рек втекала в реку.

якорь. Болото дымилось под палящим солнцем, и очертания
Подзорной трубы дрожали в дымке.

Внезапно среди
тростник; с криком взлетела дикая утка, за ней последовала
другая, и вскоре над всей поверхностью болота повисла
огромная стая птиц, крича и кружась в воздухе. Я сразу сообразил,
что кто-то из моих товарищей по кораблю, должно быть, приближается
к краю болота. И я не был обманут, потому что вскоре я услышал
очень далекие и низкие тона человеческого голоса,
которые, по мере того как я продолжал прислушиваться, становились
все громче и ближе.

Это привело меня в большой страх, и я заполз под прикрытие
живого дуба и присел там на корточки, прислушиваясь, как молчат
как мышь.

Другой голос ответил; а затем первый голос, в котором я
теперь узнал голос Сильвера, снова подхватил рассказ и
долго бежал потоком, лишь изредка прерываемый другим. Судя
по звуку, они, должно быть, говорили серьезно и почти яростно,
но я не слышал внятного слова.

Наконец ораторы, казалось, замолчали, и, возможно,
если, потому что они не только перестали приближаться, но
и сами птицы стали успокаиваться и снова садиться на свои
места в болоте.

И теперь я начал чувствовать, что пренебрегаю своим делом;
что, поскольку я был настолько безрасуден, что сошел на
берег с этими головорезами, самое меньшее, что я мог
сделать, это подслушивать их советы, и что мой прямой и
очевидный долг состоял в том, чтобы подобраться как можно ближе
под благоприятной засадой пригнувшиеся деревья.

Я мог довольно точно определить направление говорящих не
только по звуку их голосов, но и по поведению нескольких
птиц, которые все еще в тревоге висели над головами
незванных гостей.

Ползая на четвереньках, я уверенно, но медленно двинулся
к ним, пока, наконец, не поднял голову к отверстию среди

листва, я мог ясно видеть вниз в маленькую зеленую ложину рядом с болотом, вплотную обсаженную деревьями, где Длинный Джон Сильвер и еще один член экипажа стояли лицом к лицу и беседовали.

Солнце палило прямо на них. Сильвер швырнул свою шляпу рядом с собой на землю, и его большое, гладкое белокурое лицо, все сияющее от жара, было обращено к другому человеку как бы умоляюще.

— Приятель, — говорил он, — это потому, что я думаю о тебе как о золотой пыли — золотой пыли, и ты можешь согнать! Если бы я не принял тебя как смолу, ты думаешь, я был бы здесь, чтобы предупредить тебя? Все кончено — ни сделать, ни починить нельзя. Я говорю для того, чтобы спасти твою шею, и если бы кто-нибудь из дикарей знал это, где бы я был, Том, — теперь скажи мне, где я был бы?

-- Серебро, -- сказал другой человек, -- и я заметил, что он не только покраснел, но и говорил хрипло, как ворон, и его голос от него дрожал, как натянутая веревка, -- Серебро, -- говорит он, -- ты ты старый, а ты честный, или как-то так это называется и у вас есть деньги, которых нет у многих бедных моряков; и ты смелый, или я ошибаюсь. И ты скажешь мне, что позволишь увести себя такой кучей тампонов? Не вы! Как бы Бог ни видел меня, я скорее лишусь руки. Если я снова переверну свою дурь...

И вдруг его прервал шум. Я нашел одну из честных рук — и вот, в тот же момент пришло известие о другой. Далеко в болоте вдруг раздался звук, похожий на крик гнева, потом еще один сзади, а потом один ужасный, протяжный крик. Скалы Подзорной трубы вторили ему десятки раз; всястая болотных птиц снова поднялась, затмив небо одновременным жужжанием; и еще долгое после того предсмертного крика все еще звенело в моем мозгу, тишина восставала со своей властью, и только шелест вновь спускающихся с ягптиц и гул отдаленных волн нарушали истому полудня.

Том вскочил на звук, как лошадь на шпоры; но Сильвер и глазом не моргнул. Он стоял на месте, слегка опираясь на костыль, наблюдая за своим товарищем, как змея, готовая прыгнуть.

"Джон!" — сказал матрос, протягивая руку.

"Руки прочь!" — воскликнул Сильвер, отпрыгивая на ярд, как казалось, мне, с оскорблением и безопасностью тренированного гимнаста.

— Руки прочь, если хочешь, Джон Сильвер, — сказал другой. «Это черная овсянка, которая может заставить вас бояться меня. Но, ради всего святого, скажи мне, что это было?»

"Что?" — ответил Сильвер, улыбаясь, но еще настороженнее, чем когда-либо, и его глаз был всего лишь булавкой на большом лице, но блестел, как крошка стекла. "Что? О, я думаю, это будет Алан.

И тут бедняга Том вспыхнул как герой.

"Алан!" воскликнул он. «Тогда упокой его душу для нас, твоего моряка! А что до тебя, Джон Сильвер, ты долгое время был моим другом, но больше не мой друг. Если я умру, как собака, я умру в своей заднице. Ты убил Алана, не так ли? Убей и меня, если сможешь. Но я бросаю тебе вызов.

И с этими словами этот храбрец повернулся спиной прямо к повару и отправился на пляж. Но ему не суждено было уйти далеко. С криком Джон схватился за ветку дерева, выхватил из-под мышки костыль и метнул в воздух эту неотесанную стрелу. Он ударил беднягу Тома острием вперед и с ошеломляющей силой прямо между плечами, в середину его спины. Руки его взлетели вверх, он что-то ахнул и упал.

Были ли он ранен сильно или мало, никто никогда не мог сказать. Скорее всего, судя по звуку, его спина была сломана на месте. Но у него не было времени, чтобы прийти в себя. Сильвер, проворный, как обезьяна, даже без ног и костыля, в следующее мгновение оказался на нем сверху и дважды воткнул нож по самую рукоятку в это незащищенное тело. С своего места в засаде я слышал, как он громко дышал, нанося удары.

Я не знаю, что значит упасть в обморок, но я знаю, что на следующее короткое время весь мир углыл от

предо мной в клубящемся тумане; Серебро, и птицы, и высокая подозрительная труба на вершине холма, которая кружится и переворачивается вверх дном перед моими глазами, и всевозможные колокольчики звенят, и далекие голоса кричат мне в ухо.

Когда я снова пришел в себя, чудовище с оборотом с силами, косыль под мышкой, шляпа на голове. Прямо перед ним на траве неподвижно лежал Том; но убийца ни на йоту не обращал на него внимания, чистая с вой окровавленный нож остепель травы.

Все остальное не изменилось, солнце по-прежнему беспощадно освещало дымящееся болото и высокую вершину горы, и я едва мог убедить себя, что убийство действительно было совершено и человеческая жизнь жестоко оборвалась мгновение назад у меня на глазах.

Но теперь Джон сунул руку в карман, вынул свистнул и издал несколько модулированных звуков, которые раздались далеко в нагретом воздухе. Я, конечно, не мог сказать, что означал сигнал, но он мгновенно пробудил во мне страх. Придет больше мужчин. Меня могут обнаружить. Они уже убили двоих честных людей; после Тома и Алана, не мог бы я пойти следующим?

Мгновенно я начал выпутываться и снова ползти назад, с какой быстротой и тишиной я мог добраться до более открытой части леса. При этом я слышал, как между старым пиратом и его товарищами перекликаются крики, и этот звук опасности окрылил меня. Как только я выбрался из зарослей, я побежал так, как никогда раньше не бежал, почти не обращая внимания на направление моего бегства, лишь бы оно вело меня от убийцы, и пока бежал, страх рос и рос во мне, пока не превратился в какое-то безумие.

В самом деле, мог ли кто-нибудь быть более потерянным, чем я? Когда ружье выстрелило, как я могу спускаться к лодкам среди этих извергов, все еще дымящих с ятой своего преступления? Разве первый из них, кто увидит меня, не свернет себе шею, как бекасу? Не будет ли само мое отсутствие свидетелем моей тревоги и, следовательно, моего рокового осуждения? Это

все кончено, подумал я. До свидания, до свидания, славай, доктор и капитан. Мне не оставалось ничего, кроме смерти от голода или смерти от рук мятежников.

Все это время, как я уже сказал, я все еще бежал и, не обращая внимания, приблизился к подножию небольшого холма с двумя вершинами и попал в ту часть острова, где росли дикие дубы. были более широко расставлены и больше походили на лесные деревья по окантовке и размерам.

Среди них было несколько разрозненных сосен, некоторые пятьдесят, некоторые около семидесяти футов высотой. Воздух тоже пах свежее, чем у болота.

И тут новая тревога остановила меня с колотящимся сердцем.

XV ЧЕЛОВЕК ОСТРОВА_

С о с т о р о н ы х о л м а , к о т о р ы й б ы л з д е с ь к р у т ы м и к а м е н и с т ы м ,
с о р в а л с я с т о л б г р а в и я и с г р о х о т о м и п р ы ж к а м и у п а л
с к в о з ь д е р е в ь я . М о и г л а з а и н с т и н к т и в н о п о в е р н у л и с ь в т о м
н а п р а в л е н и и , и я у в и д е л , к а к з а с т в о л о м с о с н ы с б о л ь ш о й
с к о р о с т ь ю п р ы г н у л а ф и г у р а . Ч т о э т о б ы л о , м е д в е д ь л и , и л и
ч е л о в е к , и л и о б е з ь я н а , я н и к а к н е м о г с к а з а т ь . О н о к а з а л о с ь
т е м н ы м и л о х м а т ы м ; б о л ь ш е я н е з н а л . Н о у ж а с п е р е д э т и м
н о в ы м п р и в и д е н и е м о с т а н о в и л м е н я .

Я б ы л т е п е р ь , к а з а л о с ь , о т р е з а н с о б е и х с т о р о н : п о з а д и м е н я
у б и й ц ы , п е р е д о м н о й п р и т а и л а с ь н е в з р а ч н а я . И т о т ч а с ж е я
с т а л п р е д п о ч и т а т ь о п а с н о с т и , к о т о р ы е з n a л , т е м , к о т о р ы х н е
з n a л . С а м С и л ь в е р к а з а л с я м е н е е с т р а ш н ы м п о с р а в н е н и ю с
э т и м л е с н ы м с у щ е с т в о м , и я п o в e р н у л с я н а к а б л у к а х и , з o p к o
o г л я н у в ш и с ь ч e p e з п л e ч o , с т а л в o з в р а щ а т ь с я п o с в o и м с л e д а м
в с т o р o н у л o d o k .

М г н o в e н н o ф и г у р а п o я в и л а с ь с н o в a и , с д e л a в ш и р o к и й
к р у г , н a ч a л a п р e п ь я т с т в o в а т ь м e н e . Я , в o в с я к o м с л y ч a e , y c т a л , н o
e c л и б ы я б ы л т a k ж e c в e ж , к a k т o г д a , к o г d a в c т a в a л , я б ы п o н я л ,
ч т o н a п p a c н o c o c т ь a л с я в c k o p o c т и c т a k и м п p o т и в н и к o м .
C y щ e c т в o п o p x a л o o т c т в o л a k c т в o л y , к a k o л e н ь , б e г a я к a k
ч e л o в e k , н a д в y x н o г a x , н o в o т л и ч и e o т л ю б o г o ч e л o в e к a ,
к o т o р o г o я к o г d a л и б o в и д e л , c г и б a я c ь н a б e г y п o ч т и в d в o e . И
в c e ж e э т o б ы л м у ж ч и н a ! Я б o л ь ш e н e м o г c o м н e в a т ь c я в э т o м .

Я н a ч a л в c п o м и н a т ь , ч т o c л ы ш a л o k a n n и б a л a x . Я б ы л в
ш a г e o т т o г o , ч т o б ы п o з в a т ь н a п o м o щ ь . Н o т o т ф a к т , ч т o o н б ы л
м у ж ч и н o й , к a k и м б ы д и к и м o н н и б ы л , н e c k o л ь к o y c п o k o и л м e н я , и
м o й c т p a x п e р e d C и л ь в e p o м н a ч a л п p o п o p ц и o н a л ь н o в o з p o ж д a т ь c я .
П o э т o м y я o c т a н o в и л c я и н a ч a л и c k a т ь c п o c o б c п a c т и c ь .

Я так думал, что в голове мелькнуло воспоминание о моем писателе. Как только я вспомнил, что я не беззащитен, мужество снова вспыхнуло в моем сердце, и я решительно обратился к этому островитянину и быстрым шагом направился к нему.

К этому времени он спрягался за другим стволом дерева, но, должно быть, внимательно следил за мной, потому что, как только я начал двигаться в его сторону, он появился снова и сделал шаг мне навстречу. Потом он помедлил, отступил назад, снова подошел и, наконец, к моему удивлению и смущению, бросил меня на колени и потер сложенные руки в мольбе.

На этом еще раз остановился я

"Кто ты?" Я спросил.

— Бен Ганн, — ответил он, и голос его прозвучал хрипло.

и неудобный, как ржавый замок. «Я бедный Бен Ганн, я и я не разговаривал с христианином эти три года.

Теперь я мог видеть, что он был таким же белым человеком, как и я, и что черты его лица были даже приятны. Его кожа, где бы она ни была открыта, была обожжена солнцем; даже губы у него были черные, а светлые глаза вылезали с овершенно поразительно на таком темном лице. Из всех нищих, которых я видел или воображал, он был главным оборванцем. Он был одет в лохмотья из старых корабельных парусин и старой морской ткани, и все это необыкновенное лоскутное одеяло крепилось с помощью самых разнообразных и нелепых застежек, медных пуговиц, обрывков палки и петель из старых прокладок. На талии он носил старый кожаный ремень с медной пряжкой, который был единственной прочной вещью во всем его снаряжении.

"Три года!" Я плакал. — Вы потерпели кораблекрушение?

-- Нет, приятель, -- сказал он, -- застрял.

Я слышал это слово и знал, что оно обозначает ужасный вид

наказания, довольно распространенного среди пиратов, при котором преступника выбрасывают на берег с небольшим количеством пороха и расстреливают и оставляют на каком-нибудь пустынном и далеком острове.

-- Выброшен три г ода назад -- продолжал он, -- и с тех пор питался якозами, яг одами и устрицами. Где бы ни был человек, говорю я, он может с делать для себя сам. Но, приятель, мое сердце болит за христианскую диету. Может, у тебя случайно нет при себе кусочка сыра? Нет? Ну, много долгих ночей мне снился сыр — в основном поджаренный — и я снова просыпался и вот я здесь.

-- Если мне когда-нибудь снова удастся подняться на борт, -- сказал я -- вы получите сыр на сто процентов.

Все это время он ошупывал ткань моей куртки, гладил мои руки, смотрел на мои сапоги и вообще в промежутках своей речи выказывал детское удовольствие в присутствии ближнего. Но при моих последних словах он оживился в каком-то испуганном лукавстве.

— Если ты когда-нибудь снова попадешь на борт, говоришь? — повторил он.
-- Да кто же вам мешает?

— Не ты, я знаю, — был мой ответ.

— И ты был прав, — воскликнул он. — А теперь ты... как ты себя называешь, приятель?

— Джим, — сказал я ему.

— Джим, Джим, — говорит он, по-видимому, весьма довольный. "Ну теперь, Джим, я жил так тяжело, о чем тебе было бы стыдно слышать.

Вот, например, вы бы не подумали, что у меня была благочестивая мать, — если посмотреть на меня? Он спросил.

-- Да нет, не особенно, -- ответил я

-- А ну, -- сказал он, -- но у меня было... замечательное благочестие. А я был вежливым, набожным мальчиком и мог отбарабанить с вой катехизис так быстро, как нельзя отличить одно слово от другого. И вот до чего дошло, Джим, а началось все с того, что чиркнули по благословенным надгробиям! Вот с чего началось, а дальше пошло, и так мать мне рассказала, и предсказала все, что она, благочестивая женщина. Но именно Провидение привело меня сюда. Я все обдумал на этом одиноком острове и вернулся как благочестивым. На декустации романа меня только не поймает, а просто наперсток на удачу, конечно, при первом шансе. Я обязан быть хорошим, и явижу путь к этому.

И, Джим, — оглядевшись вокруг и понизив голос до шепота, — я богат.

Теперь я был уверен, что бедняк сошел с ума в своем одиночестве, и я полагаю, что это чувство отразилось на моем лице, потому что он горно повторял: «Богатый! богатый! Я говорю. И вот что я

тебе скажу, я делаю человека из
ты, Джим. Ах, Джим, ты будешь наслаждаться своими звездами, ты будешь первым, кто нашел меня!

И при этом вдруг налетела опускаясь ятень на
лицо, и он крепче схватил мою руку и угрожающе поднял указательный палец перед моими глазами.

«Теперь, Джим, ты говоришь мне правду; это не корабль Флинта? он просил.

При этом у меня было счастливое вдохновение. Я начал верить, что нашел сыщика, и сразу ответил ему.

«Это не корабль Флинта, и Флинт мертв, но я вам скажу правду, как вы меня спрашиваете, на борту есть несколько рук Флинта; остальным из нас не повезет».

— Не мужчина — с одной — ногой? — выдохнул он.

"Серебро?" Я спросил.

— Ах, Сильвер! — говорит он, — так его звали.

— Он и повар, и главарь тоже.

Он все еще держал меня за запястье, и при этом дал
своим отжим. — Если тебя послал Длинный Джон, — сказал он, — я ничуть не хуже с винины, и я это знаю. Но где ты был, как ты думаешь?

Я мгновенно принял решение и в качестве ответа сказал ему
 всю историю нашего путешествия и того затруднительного
положения, в котором мы оказались. Он выслушал меня с величайшим
интересом, а когда закончил, похлопал меня по голове.

— Ты хороший парень, Джим, — сказал он, — и ты весь в заминке, не так ли? Что ж, вы просто доверитесь Бену Ганну — Бен Ганн делает это.
Считаете ли вы возможным теперь, что ваш оруженосец окажется
либеральным в случае помощи, ведь он, как вы заметили, попал в
затруднительное положение?

Я сказал ему, что сквайр самый щедрый из людей.

-- Да, но видите ли, -- возразил Бен Ганн, -- я не имел в виду дать мне ворота, ливрейный костюм и тому подобное; это не моя метка, Джим. Я имею в виду, может ли он дойти до мультяшек, скажем, до тысячи фунтов из денег, которые уже так же хороши, как и собственные?

-- Я уверен, что так и будет, -- сказал я прохладно. -- добавил он с видом

И великого
проницательности.

«Почему, -- воскликнул я -- сквайр -- джентльмен. И, кроме того, если мы избавились от остальных, мы хотели бы, чтобы вы помогли вернуть с удно домой.

«Ах, -- сказал он, -- так и должно быть». И он казался очень облегченным.

— А теперь вот что я вам скажу, -- продолжал он. «С только тебе скажу, и не более. Я был на корабле Флинта, когда он закопал с окровище; он и еще шестеро -- шесть сильных моряков. Они были на берегу около недели, а мы стояли то здесь, то там в Морж с таром море. В один прекрасный день прозвучал сигнал, и вот Флинт плывет один на маленькой лодке, голова его завязана голубым шарфом. Солнце вставало, и с мертонос-белый он оглядывал волнорез. Но вот он, вы помните, и шестеро все мертвы -- мертвы и погребены. Как он это сделал, ни один человек на борту не мог понять. Это была битва, убийство и, по крайней мере, внезапная смерть -- он против шестерых. Билли Боунс был помощником; Длинный Джон, он был квартирмейстером; и они просили его, где с окровище.

«Ах, -- говорит он, -- вы можете пойти на берег, если хотите, и остаться я -- говорит он; -- А что касается корабля, то он еще побьет себя-богу

«Ну, три года назад я был на другом корабле, и мы увидели этот остров. «Мальчики, -- сказал я -- вот с окровище Флинта; давай приземлимся и найдем его. Капитан был недоволен этим; но мои одноклассники были все в своем уме и приземлились. Двенадцать дней они искали его, и каждый день они говорили обо мне все хуже, пока в одно прекрасное утро все люди не поднялись на борт. 'Как для тебя

Бенджамин Ганн, говорят они, вот мушкет, говорят, лопата и кирка. Ты можешь остаться здесь и найти деньги и Флинта для себя», — говорят они.

«Ну, Джим, здесь уже три года, и с того дня и по сей день ни кусочка христианской диеты. А теперь посмотрите сюда; посмотри на меня. Разве я похож на человека перед мачтой? Нет, говорят вы. Я тоже не был, говорю я

И с этими словами он подмигнул и сильно ущипнул меня

-- Просто скажи эти слова своему оруженосцу, Джим, -- сказал он. на. — И он не был ни тем, ни другим — это слова. Три года он был человеком этого острова, светлым и темным, светлым и дождливым; а иногда, может быть, думал о молитве (вы говорят), а иногда, может быть, думал о своей старухе-матери, так будь же она жива (скажите); но большая часть времени Ганна (это вы скажете) — большая часть его времени была занята другим делом. И тогда ты дашь ему глоток, как я

И он снова ущипнул меня, в самом окровавленном с пошибе.

«Тогда, — продолжал он, — тогда ты встанешь и скажешь вот что: Гуннхороший человек (вы скажете), и он больше доверяет драгоценному взгляду - драгоценному взгляду, заметьте - джентльмену, рожденному, чем этим джентльменам удачи, поскольку он сам был таковым.

«Ну, — сказал я, — я не понимаю ни одного слова из того, что вы говорят. Но это ни здесь, ни там; как мне погасить на борту?»

-- Ах, -- сказал он, -- это точно заминка. Ну, вот моя лодка, которую я сделал двумя руками. Я держу ее под белой скалой. Если случится худшее, мы можем попробовать это после нашего тупления темноты. Привет!" — взорвался он. — Что это?

Ибо именно тогда, когда он остался еще час или два, все это острова проснулось и заревело под грохот пушек.

«Они начали драться!» Я плакал. "Подписывайтесь на меня!"

И я побежал к якорной стоянке, забыв обо всех своих страхах; в то время как рядом со мной лежал и легкотрусил брошенный человек в козьих шкурах.

«Налево, налево», — говорит он. «Держись левой руки, приятель Джим! Под деревьями с тобой! Там я убил свою первую козу. Теперь они сюда не пускаются, они все насажены на эти крепления из-за страха перед Бенджамином Ганном. Ах! а вот и кладбище. Должно быть, он имел в виду кладбище. «Видишь курганы? Я прихожу сюда и молюсь время от времени, когда я думаю, что, может быть, воскресения не будет. Это была не совсем час овня, но выглядела более торжественно; а потом, говорят вы, у Бена Ганна не хватало рук — ни венков, ни даже Библии и флага, как вы говорят».

Так что он продолжал говорить, пока я бежал, не ожидая и не получая никакого ответа.

После значительного перерыва последовал пушечный выстрел. интервал, залпом стрелкового оружия

Еще одна пауза, а потом, не дальше четверти мили от меня, я увидел Юнион Джек, развевающийся в воздухе над лесом.

ЧАСТЬ IV

ЧАСТЬ _

XVI

РАССКАЗ ДОКТОРА ПРОДОЛЖАЕТСЯ. КАК КОРАБЛЬ БЫЛ БРОШЕН

Было около половины второго — три с половиной по морскому выражению, — когда две шлюпки сошли на берег от капитана, оруженосца, и я разговаривал о делах в каюте. Если бы дунул ветер, мы бы упали на шестерых мятежников, оставшихся с нами на борту, сорвали трос и унеслись бы в море. Но ветра не было; и в довершение нашей беспомощности спустился Хантаерс известием, что Джим Хокинс проскользнул в лодку и вместе с остальными выбросился на берег.

Нам никогда не приходило в голову сомневаться в Джиме Хокинсе, но мы были встревожены за его безопасность. Мужчины были в таком настроении, что шансы на то, что мы снова увидим парня, казались равными. Мы побежали по палубе. С мола пузырилась в швах; меня тошнило от противного зловония этого места; если когда-либо человек и чувствовал запах лихорадки и дизентерии, то только в этой отвратительной якорной стоянке. Шестеро нег одевались и ворчали под парусом на полубаке; на берегу мы могли видеть напряженные двуколки, и в каждой из них сидел человек, недалеко от того места, где впадает река. Один из них нависал «Лиллибуллера».

Ожидание было напряженным, и было решено, что Хантаер и я должны отправиться на берег на веселой лодке в поисках информации.

Кабинки наклонились вправо, но мы с Хантаером поехали прямо, в направлении часовой на карте.

Двое, оставшиеся в лодке, раня с собой лодки, при нашем появлении, казалось, забеспокоились; «Лиллибуллера» становился и я увидел, как пара обещает, что им следует делать. Если бы они пошли и сказали Сильверу, все могло бы сложиться иначе; но у них был свой приказ, я полагаю, и решили

с идеть с покойно там, где они были, и с нова вс поминать «Лиллибуллери».

На берег у был небольшой изгиб, и я взял курс так, чтобы положи это между нами. Таким образом, еще до того, как мы приземлились, мы потеряли концы из виду; Я выскочил и прибежал так быстро, как только осмелился с большим шелковым носовым платком под шляпой для ладнокровия и с парой пистолетов наготове для безопасности.

Я не прошел и ста ярдов, когда подошел к частотолу.

Вот как это было: на вершине холма бил родник с чистой водой. Ну, а на холме, с ручьем, они построили прочный бревенчатый дом, с пологим вмещать двадцать человек в крайнем случае, и с бойницами для стрельбы со всех сторон. Вокруг него они расчистили широкое пространство, а затем дело дополнялось частотолом шести футов высотой, без дверей и отверстий, с лишком прочным, чтобы его можно было нести без труда и времени, и с лишком открытым, чтобы укрыть ожидающих. У людей в бревенчатом доме они были во всех смыслах; они тихостояли в укрытии и стреляли в других, как в куропаток. Все, чего они хотели, — это орошение чаш и еда; ибо, если бы не полная неожиданность, они могли бы удержать это место против полка.

Что особенно поразило мое воображение, так это весна. Для хота у нас было орошее место в рубке с большим Эспаньола, количеством оружия и боеприпасов, и вещей еды и отличных вин, было упущено одно: у нас не было воды. Я думал об этом, когда над островами раздался крик умирающего человека. Я не был новичком в насильственной смерти — я служил его Королевскому Высочеству герцогу Камберлендскому и сам получил ранение в Фонтенуа, — но я знаю, что мой пульс участился «Джим Хокинс ушел», — была моя первая мысль.

Быть старым солдатом — это нечто, но еще больше — быть врачом. В нашей работе нет времени медлить. И вот теперь я решил ямгновенно и без

потерянное время вернулся к берегу и вскочил на борт катера.

Посчастливейшей случайности Хэнтер потянул хорошее весло. Мы заставили воду лететь, и вскоре лодка была рядом, а на борту шхуны.

Я нашел их всех потрясенными, что было естественно. Сквайр сидел, белый как полотно, и думал о том зле, на которое он нас навел, добрая душа! и один из шести полубаков был немножко лучше.

— Есть человек, — сказал капитан Смоллет, кивнув на него, — новичок в этой работе. Он чуть не упал в обморок, доктор, когда услышал крик. Еще одно касание руля, и этот человек присоединится к нам.

Я рассказал с войскам капитану, и между нами мы договорились о деталях его выполнения.

Мы помещаем старую Редуту на галерею между хижин и полубаков с тремя или четырьмя заряженными мушкетами и матрацем для защиты. Хэнтер подвел лодку к корме, и мы с Джойс принялись загружать ее порохом, консервными банками, мушкетами, мешками с печеньем, бочонком с освиной, бочонком коньяка и моей бесценной аптечкой.

Тем временем оруженосец и капитан остались на палубе, и последний окликнул рулевого, который был главным человеком на борту.

"Мистер. Руки, — сказал он, — вот мы двое с подтяжкой пистолеты каждый. Если кто-нибудь из вас шестерых подает сигнал, этот человек мертв.

Они были очень ошеломлены; и, немножко пошевелившись, все как один повалились на переднего товарища, думая без сомнения, взять нас сзади. Но когда они увидели поджидавшего их на шпалерной галерее Редута, они тотчас же пошли по кораблю, и на палубе с нова выскочила голова.

«Ложись, сабака!» — воскликнул капитан.

И голова с нова запрокинулась, и мы больше ничего не слышали для времени этих шести очень малодушных моряков.

К этому времени, переворачивая вещи по мере их поступления, мы веселую лодку нагрузили нас только, нас только мы осмелились. Джойс и я вышли через кормовой порт и снова направились к берегу так быстро, как только могли нести весла.

Это второе путешествие изрядно взбудоражило наблюдателей на берегу. «Лиллибуллери» снова бросили, и не успели мы потерять их из виду за мысом, как один из них выбросился на берег и исчез. Я хотел было изменить свой план и уничтожить их лодки, но боялся, что Сильвер и остальные могут оказаться поблизости, и все может быть потеряно из-за слишком больших усилий.

Вскоре мы коснулись земли в том же месте, что и прежде, и принялся за подготовку блокпоста. Все трое отправились в первый путь, тяжело нагруженные, и с бросили наши запасы через часток. Затем, оставив Джойса охранять их — одного человека, правда, но с полдюжиной мушкетов, — мы с Хантером вернулись в веселую лодку и снова зарядились. Так мы плыли, не переводя духа, пока весь груз не был выдан, когда два слуги заняли свое место в блокпосту, а изовсех сил поплыл обратно к лодке. Кажется более смелым, чем это было на самом деле. Конечно, у них было преимущество в численности, но у нас было преимущество Эспаньола.

В вооружении. Ни у одного из мужчин на берегу не было мушкета, и прежде чем они успели подобраться к нас с тояние с трельбы из пистолета, мы льстили себе надежду, что сможем насчитать по крайней мере полдюжины.

Сквайр ждал меня у кормового окна, вся его слабость исчезла. Он поймал маляра и сделал это быстро, и мы принялись загрузать лодку за наши жизни. Грузом были свинина, порох и печенье, а на каждого оруженосца, меня Редрута и капитана — только мушкет и кортик. Остальное оружие и порох мы с бросили за борт на две с половиной сажени воды, так что

далеко внизу на солнц е на чистом песчаном дне блестящая
сталь.

К этому времени прилив начал отступать, и корабль стал
поворачивать на якорь. В сторону двух кабин послышались слабые
аплодисменты; их отягощенность покоило нас для Джойса и Хантера,
которые были далеко на востоке, это предупредило нашу
группу, что нам пора уходить.

Редрут отступил с своего места на галерею и прыгнул
в лодку, которую мы затем повернули к корабельной стойке,
чтобы капитану Смоллетту было удобнее.

«Ну, люди, — сказал он, — вы меня слышите?»

С бака не было ответа.

— Это к тебе, Авраам Грей, к тебе я обращаюсь.

До сих пор нет ответа.

— Грей, — продолжал мистер Смоллет чуть громче, — я покидаю
этот корабль и приказываю вам следовать за вашим капитаном. Я
знаю, что в глубине души вы хороший человек, и смею сказать,
что ни один из вас не так плох, как кажется. У меня в руке часы; Даю
тебе тридцать секунд, чтобы присоединиться ко мне.

Была пауза.

-- Ну, мой молодец, -- продолжал капитан, -- не задерживайтесь
так долго в корсетах. Я каждую секунду рискую своей
жизнью и жизнями этих добрых джентльменов».

Внезапно раздалась потасовка, послышались удары, и оттуда
выскочил Авраам Грей с ножевым порезом сбоку на щеке и
прибежал к капитану, как собака на висок.

— Я с вами, сэр, — сказал он.

И в следующий момент он и капитан упали
на борт нас, и мы оттолкнулись и уступили дорогу.

Мы вышли из корабля, но еще не сошли на берег в нашем
часоколе.

XVII

РАССКАЗ ПРОДОЛЖАЕТСЯ ДОКТОРОМ. ПОСЛЕДНЯЯ ПУТЕШЕСТВИЕ ВСЕЛЮДКИ

Эта пятая поездка сильно отличалась от всех остальных. Во-первых, маленькое судно, на котором мы находились, было сильно перегружено. Пять взрослых мужчин и трое из них — Трелони, Редрут и капитан — ростом более шести футов — это уже больше, чем она должна была нести. Добавьте к этому порошок, свиной и хлебные мешки. Планширь наклонялся как корме. Нескольким разам мы наливали немного воды, и мои бриджи и полы моего пальто промокли насквозь, прежде чем мы прошли и сотни ярдов.

Капитан заставлял нас дифференцировать лодку, и мы заставляли ее скользить чуть более равномерно. Все равно мы боялись дышать.

Во-вторых, сейчас намечался яотлив — сильное волнистое течение, бегущее на запад через котловину, а затем на юг и в сторону моря вниз по проливу, через который мы вошли утром. Даже рябь представляла опасность для нашего перегруженного корабля, нохуже всего было то, что мы сбились с истинного курса и ушли от нашей надлежащей посадочной площадки позади мыса. Если мы позволим течению идти своим чередом, то выйдем на берег рядом с балками, где в любой момент могут появиться пираты.

-- Я не могу держать ее голову за час током, сэр, -- сказал капитану. Я был у руля, а он и Редрут, два новичка, были на веслах. «Прилив продолжает смывать ее. Не могли бы вы потянуть немного сильнее?»

-- Не иначе, как затоплять лодку, -- сказал он. «Вы должны терпеть, сэр, если хотите, терпеть, пока не увидите, что вы набираете обороты».

Я попытался и на опыте обнаружил, что прилив продолжал нести нас на запад, пока я не направил ее нос прямо на восток или

почти под прямым углом к пути, по которому мы должны идти.

-- Такими темпами мы никогда не сойдем на берег, -- сказал я

— Если это единственный способ, которым мы можем согнать, сэр, мы должны даже согнать, — ответил капитан. «Мы должны держаться выше по течению. Видите ли, сэр, — продолжал он, — если однажды мы опустимся подветренной стороны от пристани, то трудно сказать, где мы высадимся на берег, если не считать того, что нас съедут на качалки; а по пути течение должно ослабнуть, и тогда мы сможем петлять вдоль берега».

- Течение менее готово, сэр, - сказал человек Грей, сидевший на переднем плане; — Ты можешь немного ее успокоить.

-- Спасибо, друг мой, -- сказал я так, как будто ничего не случилось, потому что мы все тихо решили относиться к нему, как к одному из нас.

Внезапно капитан снова заговорил, и я подумал, что его голос немного изменился

"Оружие!" сказал он.

-- Я думал об этом, -- сказал я так, как убедился, что он думает о бомбардировке форта. «Они никогда не смогут доставить оружие на берег, а если и доставят, то никогда не смогут протаскать его через лес».

-- Смотрите назад, доктор, -- ответил капитан.

Мы совершенно забыли о длинной девятке; и там, к нашему ужасу, пятеро негодяев возились вокруг нее, снимая с нее куртку, как они называли прочный брезентовый чехол, под которым она плыла. Мало того, мне в тот же миг мелькнуло в голове, что дробь и порох для ружья остались позади, и удар топором отдал все это в руки злодеев на борту.

— Исраэль был с трелком Флинта, — хрипло сказал Грей.

Налюбой риск ставим нос лодки прямо к месту приземления. К этому времени мы так далеко ушли от течения, что держали третий курс даже при нашей неизбежной главной скоростной гребле, и я мог удерживать ее ровно для досужих целей. Но уже все было то, что с курсом, который я сейчас держал,

мы повернули бортом, а не кормой, и предложили цель, похожую

Эс-паньола, на дверь амбара.

Я мог не только видеть, но и слышать это оконьянное гонимое Израиль.

Руки, опускающие с наряд на палубу.

«Кто лучше всех стреляет?» — спросил капитан.

"Мистер. Трелони, куда подальше, -- сказал я

"Мистер. Трелони, пожалуйста, заберите меня с одного из этих
мужчины, сэр? Руки, если можно, — сказал капитан.

Трелони была холодна как сталь. Он посмотрел на заправку с воем опис толета.

-- А теперь, -- крикнул капитан, -- полегче с ружьем, сэр, иначе вы
затопите лодку. Все руки готовы подрезать ее, когда он прицелился

Сквайр поднял ружье, гребля прекратилась, и мы перегнулись на
другой борт, чтобы сохранить равновесие, и все было так искусно
устроено, что мы не бросили ни капли.

К этому времени у них было оружие, повернутое на вертлюге, и Хэндс,
находившийся у дульного среза с тараном, был, следовательно, наиболее
уязвимым. Однако нам не повезло; ибо как только Трелони выстрелил, он
наклонился, мяч просвистел над ним, и упал один из четырех других.

Крик, который он издал, был подхвачен не только его товарищами на борту,
но и множеством голосов с берега, и, посмотрев в том направлении, я
увидел, как другие пираты вылезли из-за деревьев и кувыркались на своих
местах в лодках...

-- А вот и концерты, сэр, -- сказал я

— Тогда уступите дорогу, — сказал капитан. «Мы не должны возражать, если мы
затопим ее сейчас. Если мы не сможем добраться до берега, все кончено.

«Сэр, только одна из кабриолетов обслуживается», — добавил я «Экипаж
другого, с корее всего, обходит берег, чтобы отрезать нас».

— У них будет жаркая пробежка, сэр, — ответил капитан. «Джек на берегу,
вы знаете. Я не против них; это круглый выстрел.

Ковровые тарелки! Горничная миледи не могла промахнуться. Скажи нам,
сквайр, когда увидишь пичку, и мы посмотрим.

Тем временем мы продвигались вперед с хорошей скоростью для легкой лодки, и при этом мы погрузили очень мало воды. Мы были уже близко; тридцать или сорок ударов, и мы вытащим ее на берег, потому что отлив уже обнажил узкую полосу песка под сгруппированными деревьями. Концрта больше не нужно было бояться маленькая точка уже с крыла его от наших глаз. Отлив, который так жестоко задержал нас, теперь возмещал ущерб и задерживал нападших. Единственным источником опасности было оружие.

-- Если бы я осмелился -- сказал капитан, -- я становился бы и застрелил другого человека.

Но было ясно, что они хотели, чтобы ничто не задержало их выстрел. Они даже не взглянули на своего упавшего товарища, хотя он не был мертв, и я видел, как он пытался поползти.

"Готовый!" -- воскликнул сквайр.

"Держать!" воскликнул капитан, быстро, как эхо.

И он, и Редрут погнулись с таким сильным рывком, что корма целиком погрузилась под воду. Отчет пришел в тот же самый момент времени. Это было первое, что услышал Джим, звук выстрела оруженосца не достиг его. Когда мяч прошел, никто из нас точно не знал, но я думаю, что он должен был быть над нашими головами, и что ветер от него мог способствовать нашей катастрофе.

Во всяком случае, лодка затонула кормой, довольно плавно, на три фута воды, оставив капитана и меня лицом друг к другу на ногах. Остальные трое взяли полные удары головой и снова появились, промокшие и пузырящиеся.

Пока большого вреда не было. Никто не погиб, и мы могли безопасно добраться до берега. Но все наши запасы были на дне, и, что еще хуже, только два орудия из пяти оставались в боеготовности. Свою я схватила с колен и держала над головой по какому-то инстинкту.

Что до капитана, то он носил его на плече за патронташ и, как мудрый человек, завязывал наверху. Другой

трое утонули вместе с лодкой. Вдобавок к нашему беспокойству мы утратили голос а, уже приближавшиеся к нам в прибрежных лесах; и у нас была не только опасность быть отрезанными от час токола в нашем наполовину искалеченном состоянии, но и страх перед нами, если на Хантера и Джойса нападут полдюжины, у них хватит ума и поведения, чтобы стоять твердо. Хантер был спокоен, это мы знали; Джойс представлял собой сомнительный случай — приятный, вежливый человек для камердинера и для чистки одежды, но не совсем подходящий для военного корабля.

С этими мыслями мы со всей возможной скоростью направились к берегу, оставив позади бедную веселую лодку и добрую половину всего нашего пороха и провизии.

XVIII

РАССКАЗ, ПРОДОЛЖАЕМЫЙ ВРАЧОМ — КОНЕЦ ПЕРВОГО ДНЯ БОРЬБЫ

Мы из всех сил мчались через лесную полосу, которая теперь отделяла нас от час токола, и с каждым шагом г оло с а пиратов звучали все ближе. Вскоре мы услышали их шаг и, когда они бежали, и треск ветвей, когда они пробирались через чащу.

Я начал видеть, что мы должны иметь щетку для этого всерьез, и посмотрел на мою грунтовку.

-- Капитан, -- сказал я -- Трелони -- меткий выстрел. Дайте ему свой пистолет; его собственные бесполезны.

Они обменялись ружьями, и Трелони, молчаливая и хладнокровная, как он был с самого начала суматохи, завис на мгновение на каблуках, чтобы убедиться, что все в порядке. В то же время заметив, что Грей безоружен, я протянул ему свою саблю. Все нам было приятно видеть, как он плюет себе в руку, нахмурил брови и заставляет лезвие петь в воздухе. По каждой черте его тела было ясно, что наша новая рука стоит.

Через несколько шагов мы подошли к опушке леса и увидели перед собой час токол. Мы ударили по огорождению примерно посередине южной стороны, и почти одновременно с меромятежников во главе с боцманом Джобом Андерсоном появились во весь голос в юго-западном углу.

Они становились, с ловко опешившие, и прежде чем опомнились, не только я и оруженосец, но и Хантери Джойс из блокпоста успели выстрелить.

Четыре выстрела прозвучали довольно раскатистым залпом, но они не делали дела; один из противников действительно упал, а остальные, не раздумывая, развернулись и нырнули в деревья.

После перезарядки мы вышли за час токол, чтобы посмотреть на павшего врага. Он был мертв как камень — прострелено сердцем.

Мы начали радоваться нашему хорошему успеху, когда как раз в этот момент в кустах щелкнул пистолет, рядом с моим ухом прострелена пуля, и бедняга Том Редрут споткнулся и рухнул на землю. И оружие еще, и я выстрелили в ответ, но поскольку нам не во что было целиться, вероятно, мы только зря потратили порох. Затем мы перезарядились и обратили внимание на бедного Тома.

Капитан и Грей уже рассматривали его, и я краешком глаза увидел, что все кончено.

Плагаю, готовность нашего ответного залпа расценилась мятежников еще раз, потому что нам позволили без дальнейших домогательств поднять бедного старика через час токол и отнести, с тонувшего и истекающего кровью, в бревенчатый сарай.

Бедняга, он не произнес ни слова удивления, жалобы, страха или даже уступки с самого начала наших бед и до сих пор, когда мы положили его умирать в бревенчатом доме! Он лежал, как троянец, за своим матрасом на галерее; он выполнял каждый приказ молча, упрямо и хорошо; он был старше всех в нашей компании на несколько десятков лет; и теперь, угрюмый, старый, услужливый слуга, именно он должен был умереть.

Сквайр опустился рядом с ним на колени и целовал ему руку и плакал, как ребенок.

— Мне идти, доктор? он спросил.

-- Том, друг мой, -- сказал я -- ты идешь домой.

«Хотел бы я сначала изнуть их из пистолета», — ответил он.

— Том, — сказал сквайр, — скажи, что ты меня простишь, не так ли?

— Это было бы почтительно, как от меня к вам, оружие еще? — был ответ. — Впрочем, так и быть, аминь!

После небольшого молчания он сказал, что думает, что кто-то может читать молитву. -- Таков обычай, сэр, -- добавил он.

извиняяс ь. И вс коре пос ле этог о, не с казав больше ни с лова, он с кончалс я

Тем временем капитан, которог о я заметил удивительно вздувшийс я на г руди и в карманах , вывернул очень много разных припас ов — британс кие ц вета, Библию , моток толс той веревки, перо, чернила, бортовой журнал и фунты табака. Он нашел с рубленную и рас чищенную длинную ель в ог раде и с помощью Х антера поставил ее на уг лу бревенчатог о дома, г де с тволы перес екалис ь и образовывали уг ол. Потом, взобравшис ь на крышу, он с обст венноручно с ог нул и взбежал по ц ветам.

Казалос ь, это с ильно ег о облег чило. Он с нова вошел в журнал дом и принялс я с читать запас ы, как буд то ничег о друг ог о не сущ ествовало. Но при вс ем при этом он с ледил за прох одом Тома и, как только все закончилос ь, выс тупил вперед с друг им флаг ом и благог овейно накрыл ег о тело.

— Не беритес ь за дело, с эр, — с казал он, пожимая руку оруженос ца. «Вс е х орошо с ним; не бойтес ь человека, который был зас трелен при ис полнении с воих обяваннос тей перед капитаном и владельц ем. Может, это и не х орошее божес тво, но факт».

Затем он отвел меня в сторону.

«Доктор Ливс и, — с казал он, — через с колько недель вы и Сквай р ожидает с упруг у?

Я с казал ему, что это вопрос не недель, а мес яц ев; что, ес ли мы не вернемс я к конц у авг уста, Блэндли должен был пос лать нас найти, но ни раньше, ни позже. — Можеш ь пос читать с ам, — с казал я

-- Ну да, -- ответил капитан, почес ывая затылок, --

- И ес ли с делать большую с кидку, с эр, на вс е дары Провидения я должен с казать, что мы были довольно близки.

"Ч то ты имееш ь в виду?" Я с прос ил.

«Жаль, с эр, мы потеряли вторую партию. Вот что я имею в виду, — ответил капитан. «Ч то кас аетс я порох а и дроби, мы с делаем это. Но пай ки короткие, очень короткие, очень короткие, доктор.

Ливси, что мы, возможно, и без этого лишнего рта.

И указал на мертвое тело под флагом.

В этот момент с грохотом и свистом пронесся наряд, выскочив над крышей бревенчатого дома и плюхнулся далеко позади нас в лесу.

«Ого!» — сказал капитан. «Пылайте! Тебе мало пороха уже, ребята.

Во второй попытке прицелившись яудалось лучше, и мяч опустился внутрь участка, разбросав облако песка, но не причинив больше вреда.

— Капитан, — сказал сквайр, — дом совершенно не виден с корабля. Должно быть, это флаг, на который они нацелены. Не разумнее ли было бы принять его?

«Ударь мои цвета!» — воскликнул капитан. «Нет, сэр, не я», и как только он сказал эти слова, я думаю, мы все согласились с ним. Ибо это было не только проявлением крепкого морского чувства; Кроме того, это была хорошая политика, и она показала нашим врагам, что мы презираем их канонаду.

Весь вечер они продолжали греметь. Мяч за мячом пролетали или падали, или поднимали песок в воздухе; но им пришлось стрелять так высоко, что пуля упала замертво и зарылась в мягкий песок. Нам нечего было опасаться ярикошета; и хотя один из них проскакивал через крышу бревенчатого дома и снова вышел одил через пол, мы скоро привыкли к такого рода забавам и обращали на них внимание не больше, чем на крикет.

-- Во всем этом есть одно хорошее, -- заметил капитан. «Дерево перед нами, вероятно, чистое. Отлив сделал хорошее время наши магзины должны быть раскрыты.

Добровольцы идут и приносят свинину.

Грей и Хантер выступили первыми. Хорошо вооруженные, они вырвались из участка, но это оказалось бесполезной миссией. Мятежники были слабее, чем мы думали, или они больше доверяли израильской артиллерии, потому что четверо или пятеро из них были заняты тем, что уносят или наши запасы и шли с ними вброд к одной из качелей, стоявших поблизости, дергая веслом или около того.

держат ее устойчиво против течения. Сильвер командовал кормовым щитом, и каждый из них теперь был обеспечен мушкетом из какого-то тайного журнала их

собственный.

Капитан сел за свой журнал, и вот начало записи:

«Александр Смоллетт, хозяин; Дэвид Ливси, судовой врач;
Авраам Грей, помощник плотника; Джон Трелони, владелец;
Джон Хантер и Ричард Джойс, слуги и владельцы,
землевладельцы — все, что осталось верным корабельной
компании — с запасами на десять дней при скудном пайке,
сшли на берег в этот день инесли британское знамя в
бревенчатом доме на Острове Сокровищ. Томас Редрут,
слуга хозяина, землевладелец, застрелен
мятежниками; Джеймс Хокинс, юнга...

И в то же время размышлял о судьбе бедного Джима Хокинса.

Град на суше.

— Нас окликают, — сказал Хантер, стоявший на страже.

"Врач! оруженосец! капитан! Алло, Хантер, это ты? пришли крики.

И я подбежал к двери как раз вовремя, чтобы увидеть, как Джим Хокинс в
целости и сохранности перелезает через забор.

XIX

ПОВЕСТИДОВАНИЕ, ВОЗОБНОВЛЕНННОЕ ДЖИММОНХ ОКИНС ОМ — ГАРНИЗОН В ЧАСТОКЕ

Как только Бен Ганн увидел цвета, он останавливался, останавливался, меня за руку и шел.

-- А теперь, -- сказал он, -- ваши друзья конечно.

— Гораздо более вероятно, что это мятежники, — ответил я

"Что!" воскликнул он. «Почему в таком месте, где никто

Но, джентльмены удачи, Сильвер полетит на «Веселом Роджере», в этом вы не сомневаетесь. Нет, это твои друзья Бывали и побои, и я думаю, твоим друзьям досталось от этого олучше; и вот они на берегу в старом час токоле, который много лет назад устроил Флинт. Ах, он был человеком, у которого был головной убор, был Флинт! Если не считать рома, его матч никто не видел. Он никогда не боялся только не он; on'y Silver - Silver был тем благородным.

-- Что ж, -- сказал я -- может быть, и так тому и быть; Все больше причина, по которой мне следует поторопиться я и присоединиться к моим друзьям.

— Нет, приятель, — ответил Бен, — не ты. Ты хороший мальчик, или я ошибаюсь; но ты мальчик, как говорилс я Теперь Бен Ганн летает. Ром не поведет меня туда, куда вы идете, — ром не приведет, пока я не увижу вашего прирожденного джентльмена и не получу его на честном слове. И ты не забудешь моих слов: «Драгоценный вид» (так ты скажешь), «драгоценный вид больше уверенности» — а потом щиплет его».

И он ущипнул меня в третий раз с таким же ловким видом.

«И когда Бен Ганн будет нужен, ты знаешь, где его найти. его, Джим. Именно там, где вы нашли его сегодня. Тот, кто придет, должен иметь в руке белую вещь; и он придет

один. Ой! а вы скажете так: «У Бена Ганна, — говорят вы, — есть свои причины».

-- Что ж, -- сказал я -- кажется я понимаю. У вас есть что предложить, и вы хотите видеть сквайра или доктора, и вы должны быть там, где я нашел вас. В том, что все?"

"И когда? говорят вы, — добавил он. «Ну, примерно с полудня на блудения до примерно шести с клянок».

— Хорошо, — говорю я, — а теперь я могу идти?

— Ты не забудешь? — с тревогой спросил он. «Драгоценное зрение и собственные причины, — говорят вы. Причины его собственные; это опора; как между человеком и человеком. Ну, тогда, — все еще держа меня — думаю, ты можешь идти, Джим. И, Джим, если бы ты увидел Сильвера, ты бы не стал продавать Бена Ганна? дикие лошади не вытянули бы его из вас? Нет, говорят вы. А если эти пираты сойдут на берег, Джим, что ты скажешь, если утром не будет плесени?

Тут его прервал громкий грохот, и пушечное ядро пронеслось сквозь деревья и упало в песок, ядрах вставот того места, где мы разговаривали. В следующий момент каждый из нас бросился бежать в другом направлении.

В течение хорошею час а частые с общения с отрясали остров, и мячи продолжали разбиваться о лес. Я уходил от укрытия к укрытию, всегда преследуемый, или так мне казалось, этими ужасными с нарядями. Но к концу обстрела, хотя все еще не осмеливался идти по направлению к частокору, куда чаще всего падали ядра, я как бы снова начал напрягаться и после долгого обхода на восток, полз среди деревьев с тороны берега.

Солнце только что село, морской бриз шумел и кувыркался в лесу, ржал с ерую поверхность якорной стоянки; прилив тоже был далеко, и большие участки песка лежали открытыми; воздух после дневной жары олодил меня с квозь куртку.

Эс паньола все еще лежал там, где она бросила якорь; но, конечно же, с ее вершины развевался «Веселый Роджер» — черный флаг пиратства. Пока я смотрел, раздалась еще одна красная вспышка и еще один звук, от которого заглохотало эхо, и еще один выстрел провисел в воздухе. Это была последняя канонада.

Я лежал некоторое время, наблюдая за суматохой, последовавшей за нападением. Мужчины что-то ломали топорами на берегу у пристаней — бедную веселую лодку, как я узнал потом. Далеко, у устья реки, среди деревьев пылал большой костер, а между тем местами и кораблем то и дело приезжала и уезжала одна из двуклоков, и люди, которых я видел такими мрачными, кричали на веслах, как дети. Но что-то в их голосах напоминало ром.

Наконец я подумал, что могу вернуться к пристани. Я был довольно далеко внизу, на низкой песчаной косе, которая окружает якорную стоянку с востока и соединяется наполовину с островом Скелета; и вот, когда я поднялся на ноги, я увидел на некотором расстоянии дальше по косе, возвышавшуюся среди низких кустов, одинокую скалу, довольно высокую и особенно белого цвета. Мне пришло в голову, что это может быть та самая белая скала, о которой говорил Бен Ганн, и что однажды может понадобиться лодка, и я должен знать, где ее искать.

Затем я шел среди леса, пока не становился задней или береговой стороной пристаней, и вскоре был тепло встречен верной партией.

Вскоре я расспросил историю и начал осматриваться. Бревенчатый дом был сделан из необработанных стволов сосны — крыша, стены и пол. Последний возвышался в нескольких местах на фут или полтора над поверхностью песка. У дверей было крыльцо, и под этим крыльцом ручей бил в искусственный бассейн довольно странного вида — не что иное, как большой корабельный железный котел с выбитым дном и погруженный «до основания» — как сказал капитан среди песка.

Мало что осталось рядом с каркасом дома, но в углу стояла каменная плита вместе с очагом и старая ржавая железная корзина для огня.

Склоны холма и вся внутренняя часть часового были очищены от бревен для постройки дома, и мы могли видеть по пням, какая прекрасная и высокая роща была уничтожена. Большая часть почвы была смыта или засыпана наносом после удаления деревьев; только там, где из котла текла ручей, густая грядая и несколько папоротников и ползучих кустиков еще зеленели среди песка. Очень близко вокруг часового — говорили они, с лишком близко для обороны — лес все еще рос густой и высокий, с одной стороны суши с елей, а с другой стороны моря — с большой примесью живого дуба.

Холодный вечерний ветерок, о котором я говорил, свистел в каждой щели и гудел в трубах, и сыпал пол непрекращающимся дождем из мелкого песка. Песок был в глазах, песок в зубах, песок в ушах, песок плясал веселой на дне котла, на свете, как закипающая каша. Наш дымоход представлял собой квадратное отверстие в крыше; это была лишь небольшая часть дыма, которая вышла наружу, а остальное кружилось под домом, заставляя нас кашлять и кашлять.

Добавьте к этому, что у Грея нового человека, было завязано лицо повязкой на порез, который он получил, убегающий от мятежников; и этот бедный старый Том Редрут, все еще непогрешенный, лежал вдоль стены, неподвижный и суровый, под Юнион Джеком.

Если бы нам позволили сидеть с ложа руки, мы бы все ушли в блюз, но капитан Смоллет никогда не был человеком для этого. Перед ним все обратилось в руки, и он разделил нас на стражу. Доктор, и Грей, и я, например; Сквайр, Хантер и Джойс с другой. Как мы все устали, двоих послали за дровами, еще двоих послали копать могилу для Редрута, доктора назначили поваром, меня поставили часовым у дверей, а сам капитан ушел из

друг друга, поддерживая наш дух и протягивая руку, где бы это ни понадобилось.

Время от времени доктор подходил к двери, чтобы подышать свежим воздухом и дать отдых своим глазам, которые почти закрылись у него в голове, и всякий раз, когда он это делал, он заговаривал с мной.

«Этот Смоллетт, — сказал он однажды, — лучше меня. И когда я говорю, что это означает сделку, Джим.

В другой раз он пришел и некоторое время молчал. Затем он склонил голову набок и посмотрел на меня
— Это Бен Ганн мужчина? он спросил.

-- Не знаю, сэр, -- сказал я -- Я не очень уверен, все ли он умеет.

— Если есть какие-то сомнения по этому поводу, тогда, — ответил доктор.
«Человек, который уже три года грызет ногти на необитаемом острове, Джим, не может рассчитывать на то, что покажется таким же здоровым сыном, как ты или я. Это не заложено в человеческой природе. Вы говорили, что он любит сыр?

— Да, сэр, сыр, — ответил я.

-- Ну, Джим, -- сказал он, -- только посмотри на пользу изысканности в еде. Вы видели мою табакерку, не так ли? И ты никогда не видел, чтобы я нюхал табак; Причина в том, что я ношу в своей табакерке кусочек пармезана — сыра итальянского происхождения, очень питательного. Ну, это для Бена Ганна!»

Перед ужином мы закопали старого Тома в песок и некоторое время стояли вокруг него с непокрытой головой на ветру. Было заготовлено много дров, но капитану показалось недостаточным, и он покачал головой, сказав, что мы «должны вернуться к этому завтра в более бодром виде». Затем, когда мы съели нашу свинину и каждый выпил хороший крепкий стакан коньячного рюм, трое вождей обратились в углу, чтобы обсудить наши перспективы.

Пожалуйста, они не знали, что делать, поскольку запасов было так мало, что мы, должно быть, были вынуждены сдаться задолго до того, как подоспела помощь. Но было решено, что наша лучшая надежда состоит в том, чтобы убивать пиратов до тех пор, пока они либо

спустили свой флаг или убежали с . Из девятнадцати ~~асти~~ уже
сократилось до пятнадцати, двое других были ранены, а один, по
крайней мере, — человек, расстрелянный рядом с ружьем, —
тяжелоранен, если не мертв. Каждый раз, когда у нас была трещина
в них, мы должны были принимать ее, спасая свои жизни, с
величайшей осторожностью. Кроме того, у нас было два обычных
союзника — ром и климат.

Что касается первого, хотя мы были примерно в полумиле, мы
могли слышать их рев и пение до поздней ночи; а что касается
второго, доктор поставил свой парик на кол, который расположил
я лагерь там, где они были в болоте, и без лекарств,
половина из них будет лежать на спине в течение недели.

«Итак, — добавил он, — если нас всех не перестреляют первыми, они будут
раду паковать вещи в шхуну. Это всегда корабль, и они, полагаю,
могут с новыми занятиями пиратством.

— Первый корабль, который я потерял, — сказал капитан С моллетт.

Как вы можете себе представить, я смертельно устал, и
когда я заснул, это случилось только после того, как я долго
метался, я пал как убитый.

Остальные уже давно встали и уже позавтракали и увеличили
кучу дров еще примерно наполовину, когда меня разбудили суета
и звуки голосов.

«Флаг перемирия» Я услышал, как кто-то сказал, а
затем, сразу после этого, с криком удивления «Сам Сильвер!»

И тут я вскочил и, протирая глаза, побежал к лазейке в стене.

Х Х

ПОСОЛЬСТВО СЕРЕБРА

Действительно, сразу за час токолом стояли двое мужчин, один из них размахивал белой тканью; другой, не кто иной, как сам Сильвер, спокойно стоял рядом.

Было еще довольно рано, и самое холодное утро, насколько мне как-то было знакомо; холод, пронизывающий до мозга костей. Небо над головами было ярким и безоблачным, и верхушки деревьев в розовели насолнце. Но там, где Сильвер стоял со своим лейтенантом, все еще было в тени, и они шли по коленам вброд в низком белом тумане, который за ночь выполз из болота. Холод и пар, взятые вместе, мало что говорили об опасности. Это было явно сырое, лихорадочное, нездоровое место.

—Держитесь дома, ребята, — сказал капитан. «Десять к одному, это уловка».

Затем он приветствовал пирата.

"Кто идет? Стойте, или мы стреляем».

«Флаг перемирия» — воскликнул Сильвер.

Капитан стоял на крыльце, бережно держась в сторону от предательского выстрела, если таковой будет преднамерен. Он повернулся и заговорил с нами.

«Докторские часы нас сторожат. Доктор Ливси, пожалуйста, возьмите северную сторону; Джимвосток; Серый, запад. Вахта внизу, все руки заряжать мушкеты. Живые, мужчины, и осторожные.

И тогда он снова обратился к мятежникам.

—А что ты хочешь с твоим флагом перемирия? воскликнул он.

На этот раз ответил другой мужчина.

—Капитан Сильвер, сэр, подняться на борт и договориться об условиях, — крикнул он.

«Капитан Сильвер! Не знаю его. Кто он?» — воскликнул капитан. И мы могли слышать, как он добавлял про себя «Капитан, не так ли? Мое сердце, а вот и повышение!»

Длинный Джон ответил сам за себя.

«Я, сэр. Эти бедняги выбрали меня капитаном после вашего дезертирства, сэр, — делаясь обычайцем на слове «дезертирство». — Мы готовы подчиниться, если сможем прийти к соглашению, и не будем об этом скрывать. Все, о чем я прошу, это ваше слово, капитан Смоллетт, чтобы выволить меня целым и невредимым из этого часокола и одну минуту, чтобы уйти из-под выстрела до того, как прозвучит пушечный выстрел.

— Мой друг, — сказал капитан Смоллетт, — у меня нет ни малейшего желания с вами разговаривать. Если вы хотите поговорить со мной, вы можете прийти, вот и все. Если есть предательство, оно будет на твоей стороне, и да поможет тебе Господь».

— Довольно, капитан, — весело крикнул Длинный Джон. — Одно из твоих слов абсолютно. Я знаю одного джентльмена, и вы можете с ним поговорить.

Мы могли видеть человека, который нес флаг перемирия, пытающегося держать Сильвера. И это не было чудесно, учитывая, насколько бесцеремонным был ответ капитана. Но Сильвер громко рассмеялся и хлопнул его по спине, как будто мысль о тревоге была абсурдной. Затем он подошел к часоколу, перебросил с собой косыль, поднял ногу и с большим усилием и ловкостью преодолел забор и благополучно прыгнул на другую сторону.

Должен признаться, что я был слишком занят тем, что происходило, чтобы иметь хоть малейшую пользу в качестве часового; действительно, я уже покинул свою восточную лазейку и подкрался за капитана, который уже ушел на порог, упершись локтями в колени, обхватив голую руками и не сводя глаз с пенящейся из воды воды. Старый железный чайник в песке. Он нас висывал про себя «Подойдите, девушки и парни».

Сильверу пришлось ужасно тяжело взобраться на холм. Из-за крутизны склона, толстых пней и мякоти песка он и его косыль были бесполезны, как корабль в

ос таетс я Но он держалс япо-мужс ки, молча и, наконец , предс тал перед капитаном, которог о отс алю товал в с амом крас ивом с тиле. Ег о обманули в лучшем виде; ог ромное с инее пальтос толст ыми медными пуг овиц ами нис падало ему до колен, а на затылке была надвинута крас ивая кружевная шляпа.

-- Вот ты г де, дружище, -- с казал капитан, поднимаяг олову.
—Тебе лучше с есть.

—Вы не впус тите менявнутри, капитан? — пожаловалс яДлинный Джон.
—Утро, конечно, х олодное, с эр, с идеть с наружи на пес ке.

-- Да чтовы, Сильвер, -- с казал капитан, -- ес ли бы вы х отели быть честным человеком, вы бы с идели на с воей г алере.
Это ваше с обс твенное дело. Либо ты мой корабельный повар — и тог да с тобой х орошо обращалис ь, — либо капитан Сильвер, обычный мятежник и пират, и тог да можешь вешатьс я

-- Ну-ну, капитан, -- отвечал морс кой повар, с адяс ь, ког да ег овелели на пес ок, -- придетс явам опять подать мне руку, вот и вс е. Милое, крас ивое место у вас здес ь.
А, это Джим! Доброг оутратебе, Джим. Доктор, вот моя ус луг а. Да вот вы вс е вместе, как с час тливаяс емья так с казать.

-- Ес ли вам ес ть что с казать, дружище, лучше с кажите, -- с казал капитан.

—Вы правы, капитан С моллетт, — ответил Сильвер. «Дути ес ть дути, что и г оворить. Ну, а те перь, с мотри с ю да, это был твой х ороший с екс прошлой ночью. Я не отриц аю, что это была х орошая ложь. Некоторые из вас довольно ловко обращю тс яс рукояткой. И я не буду отриц ать ни то, ни друг ое, но то, что некоторые из моих лю дей были потряс ены — может быть, вс е были потряс ены; может быть, я сам был потряс ен; может быть, поэ тому я здес ь для терминов. Но заметьте, кэп, дважды не вый дет, ей-бог у! Придетс яс пус титьс я на караул и немног о с бавить обороты с ромом. Может быть, вы думаете, что мы вс е были прос тыней на ветру. Но яс кажу вам, что я был трезв; Я был чертовски ус тал; и ес ли бы я прос нулас ь на с екунду раньше, я бы зас тала тебя на мес те прес тупления, я бы так и с делала. Он не был мертв, ког да к нему подошла, не он.

"Хорошо?" — говорит капитан Смоллетт настолько круто, насколько это возможно.

Все, что говорил Сильвер, было для него загадкой, но по его тону вы бы никогда не догадались об этом. Что до меня, то я начал догадываться. Я все помнил последние слова Бена Ганна. Я начал подозревать, что он нанес визит пиратам, пока они пьяные вместе валялись вокруг своего костра, и с ликованием прикинул, что нам нужно иметь дело только с четырнадцатью врагами.

— Ну вот, — сказал Сильвер. — Нам нужно это сокровище, и мы его получим — вот в чем наша цель! Я думаю, вы с тем же успехом спасли бы себе жизнь; и это твое. У тебя есть карта, не так ли?

-- Возможно, -- ответил капитан.

-- О, ну, я знаю, -- ответил Длинный Джон. "Ты не нужно быть таким хитрым с мужчиной; в этом нет ни капли лжи, и вы можете солгать. Я имею в виду, что нам нужна ваша карта. Я и сам никогда не хотел тебе зла.

— Меня это не касается, дружище, — прервал капитан.

— Мы точно знаем, что вы хотели сделать, и нам все равно; пока, видите ли, вы не можете этого сделать.

А капитан спокойно посмотрел на него и стал набивать трубку.

— Если Эйб Грей... — взорвался Сильвер.

«Аваст там!» — воскликнул мистер Смоллет. «Грей ничем мне не сказал, и я ни о чем его не просил; и более того, я хотел бы, чтобы вы, он и весь этот остров были выброшены из воды наистово в пламя первыми. Так что я думаю о тебе, мой мужчина, об этом.

Это небольшое дуновение гнева, казалось, охладило Сильвера. У него и раньше крапива росла, а теперь взял ее в руки.

— Досадно, — сказал он. «Я бы не стал ставить никаких ограничений тому, что джентльмены могут считать корабельным, а что нет, в зависимости от обстоятельств. А так как ты собираешься взять трубку, капитан, то я позволю тебе сделать то же самое.

И он набил трубку и зажег ее; и двое мужчин довольно долго сидели молча и курили, тогда друг друга в глаза, то останавливая табак, то наклоняясь вперед, чтобы сплюнуть. Это было так же хорошо, как играть, чтобы увидеть их.

-- Вот, -- продолжал Сильвер, -- вот оно. Вы даете нам с х ему получить с окровище, и бросать стрелять бедных моряков, и топить их головы во время сна. Вы делаете это, и мы предложим вам выбор. Либо вы подниметесь на борт вместе с нами, как только с окровища будут отправлены, и тогда я дам вам свою аффи-дэви, честное слово, чтобы похлопать вас где-нибудь в безопасном месте на берегу.

Или, если тебе это не нравится, некоторые мои руки и рубы имеют старые счета из-за дедовщины, тогда ты можешь остаться здесь, ты можешь. Мы поделим с тобой магазины, мужчина за мужчину; и я дам моему аффи-дэви, как и прежде, заговорить с первым кораблем, который я увижу, и пришлю их сюда, чтобы забрать вас. Теперь вы будете владеть тем, что говорит. Красивее, на которого ты не мог рассчитывать, не ты. И я надеюсь, — повысив голос, — что все руки в этом рубе подтвердят мои слова, ибо то, что сказано одному, сказано всем.

Капитан Смоллетт поднялся со своего места и потряс пепел с трубки на ладонь левой руки.

"В том, что все?" он спросил.

«Каждое слово, черт возьми!» ответил Джон. "Мусор это и вы видели меня в последний раз, кроме мушкетных пуль."

— Очень хорошо, — сказал капитан. «Сейчас вы меня услышите. Если вы подойдете один за другим, без оружия, я поручусь заковать вас всех в кандалы и отвезти домой на справедливый суд в Англию. Если нет, то менязовут Александр Смоллетт, я носил цвета с моего уверена, и до встречи в Дэви Джонсе. Вы не можете найти с окровище. Вы не можете управлять кораблем — среди вас нет человека, который мог бы управлять кораблем. Вы не можете сражаться с нами — Грей ускользнул от пятерых из вас. Ваш корабль в железе, мастер Сильвер; вы на подветренном берегу, и так вы найдете. Я стою здесь и говорю вам об этом, и это будут последние добрые слова, которые вы от меня услышите; ибо, во имя небес, я пушу тебе пулю в

назад, когда я встретил тебя в следующий раз. Бродят а, мой мальчик. Связите это, пожалуйста, по рукам и быстрое вдвоем.

Лицо Сильвера было картинкой; его глаза встали от нева. Он с тряснул от него с трубки.

«Поднимите руку!» воскликнул он.

— Не я — ответил капитан.

«Кто поднимет руку?» — взревел он.

Ни один мужчина среди нас не пошевелился. Выкрикивая самые гнусные проклятия, он полз по песку, пока не ухватился за крыльцо и не смог снова подняться на косяк.

Потом плюнул в родник.

"Там!" — воскликнул он. — Вот что я о вас думаю. Перед пройдет час, и я разожгу твой старый руб, как ромовый пунш. Смейся громом, смейся! Не пройдет и часа, как ты будешь смеяться на другой стороне. Те, кто умрут, будут счастливыми».

И с ужасной руганью он споткнулся прочь, вспахал песок, ему помог перейти через час токол, после четырех или пяти неудач, человек с мирным флагом, и через мгновение исчез среди деревьев.

XXI АТАКА_

Как только Сильверисчез, капитан, внимательно наблюдавший за ним, повернул внутрь дома и не нашел на своем посту ни одного из нас, а Грея. Это был первый раз, когда мы видели его расстроенным.

«Кварталы!» — взревел он. А потом, когда мы прократились обратно на свои места, «Грей, — сказал он, — я запишу твоё имя в журнал; Вы выполнили свой долг, как моряк. Мистер Трелони, вы меня удивляете, сэр. Доктор, я думаю, вы надели королевский плащ. Если бы вы так служили в Фонтенуа, сэр, вам было бы лучше на своей койке.

Вахтенные доктора все вернулись к своим бойницам, остальные были заняты зарядкой запасных мушкетов, и у всех, будьте уверены, красное лицо и блохавухе, как говорится.

Капитан некоторое время смотрел молча. Затем он заговорил.

«Ребята мои, — сказал он, — я дал Сильверу залп. Я разбил это расклено нарочно; и не пройдет часа, как он, сказал, нас съедут на бордаж. Мы в меньшинстве, мне не нужно вам этого говорить, но мы сражаемся в укрытии; и минуту назад должен был сказать, что мы боролись с дисциплиной. Я ничуть не сомневаюсь, что мы сможем их поколотить, если ты захочешь.

Потом он пошел по кругу и увидел, как он, сказал, что все ясно.

На двух коротких сторонах дома, на востоке и западе, было всего две бойницы; с южной стороны, где было крыльцо, опять два; и на северной стороне, пять. На семерых из нас была елая дюжина мушкетов; дрова были

были с ложены в четыре с ваи — можно с казать, с толы — по одному примерно пос ередине с каждой с тороны, и на каждом из этих с толов лежали боеприпас ы и четыре заряженных мушкета наг отове для защитников. Пос ередине в дальнем бою лежали тес аки.

-- Пог асите ог онь, -- с казал капитан. «Х олод прошел, и у нас не должно быть дыма в г лазах ».

Мис тер Трелони вынес железную корзину для кос тра, и уг ли зас ыпалис ь пес ком.

—Х окинс ещ е не завтракал. Х окинс , уг ощ айтесь и возвращ айтесь на с вой пос т, чтобы с ъесть ег о, — продолжал капитан С моллетт. «Оживленно, мой мальчик; вы зах отите, прежде чем вы с делали. Х антер, раздай вс ем по порц ии бренди.

А пока это продолжалос ь, капитан завершил в уме план обороны.

—Доктор, вы откроете дверь, — продолжал он. «С мотри и не выс тавляй с ебя держитес ь внутри и стреляйте через крыльц о. Х антер, иди на вос точную с торону. Джойс , ты с тоишь на западе, дружищ е. Мис тер Трелони, вы лучший стрелок — вы с Г реем пойдете по этой длинной с еверной с тороне с пятью бой ниц ами; это там опас нос ть. Е с ли они с мог ут добратс я до нег о и обс трелять нас через наши с обс твенные порты, вс е с танет выг лядеть г рязно. Х окинс , ни вы, ни я не придаем большог о значения с трельбе; мы будем ждать, чтобы заг рузить и подать руку.

Как и с казал капитан, х олод прошел. Как только с олнц е поднялос ь над нашим пояс ом деревье в, оно с о вс ей с илой обру шилос ь на поляну и г лотнуло ис парения на с квозняке. Вс коре пес ок запек алс я, а с мола в бревнах с руба главила с ь. Куртки и пальто были отброшены в с торону; рубашки были рас пах нуты на шее и закатаны до плеч; и мы с тояли там, каждый на с воем пос ту, в лих орадке жара и бес покойс тва.

Прошел час .

«Пвес ить их !» — с казал капитан. «Это так же с кучно, как депрес с ия Г рей, с вис тни для ветра.

И как раз в этот момент пришли первые известия о нападении.

-- Если позволите, сэр, -- сказал Джойс, -- если я когда-нибудь увижу, мне стрелять?

—Я же говорил тебе! — воскликнул капитан.

—Благ одарю вас, сэр, — ответил Джойс с той же спокойной учтивостью.

Некоторое время ничего не последовало, но это замечание нас сторожило всех нас, напрягая уши и глаза: мушкетёры с ружьями, балансирующими в руках, капитан посреди блокпоста, с очень сжатым ртом и хмурым взглядом на его лице.

Так прошло несколько секунд, пока вдруг Джойс не взмахнул мушкетом и не выстрелил. Едва успев стихнуть грохот, как он повторился и повторился извне с явным залпом, стрелявшим за выстрелом, как с таягусей, со всех сторон ограды. Несколько пуль попали в сруб, но ни одна не вошла; и когда дым рассеялся и рассеялся, часток околелес вокруг него оказались такими же тихими и пустыми, как прежде. Ни взмах руки, ни блеск мушкетного ствола не выдавали присутствия наших врагов.

—Ты ударил своего мужчину? — спросил капитан.

—Нет, сэр, — ответил Джойс. — Не думаю, сэр.

—Лучше всего сказать правду, — пробормотал капитан С моллетт.

—Заряди его пистолет, Хоккинс. Сколько, по-вашему, их было на вашей стороне, доктор?

—Я точно знаю, — сказал доктор Ливси. «Три выстрела обстреляли с этой стороны. Я видел три вспышки — две близко друг к другу — одну дальше на запад».

"Три!" повторил капитан. —А сколько на вашем, мистер Трелони?

Но на это было не так просто ответить. С севера прибыло много людей — семеро, по подсчетам сквайра; восемь или девять, по словам Грея. С востока и запада прозвучало всего по одному выстрелу. Поэтому было ясно, что наступление будет развиваться с севера, а с трех других сторон нас будет раздражать только демонстрация

боевые действия. Но капитан Смоллетт ничего не изменил в своих планах. Если мятежникам удастся пересечь канал, утверждал он, они овладеют любой незащищенной лазейкой и застрелят нас, как крыс в нашей общественной крепости.

У нас также не было много времени для размышлений. Внезапно, с громким гулом, из леса на северной стороне выскочила небольшая стайка пиратов и побежала прямо на канал. В ту же минуту из леса снова открыли огонь, и пуля просвистела в дверной проем и разбила вдребезг и мушкет доктора.

Пансионеры копошились над забором, как обезьяны. Сквайр и Грей стреляли снова и снова; трое мужчин упали, один вперед в огораждение, двое сзади с наружи. Но из них один был, видимо, больше напуган, чем обижен, ибо снова вскочил на ноги в щели и тотчас же скрылся среди деревьев.

Двое потерялись, один бежал, четверо прочно закрепились внутри нашей обороны; в то время как под прикрытием леса семь или восемь человек, каждый из которых, очевидно, был снабжен несколькими мушкетами, поддерживали горячий, но бесполезный огонь в бревенчатом доме.

Четверо взошедших на борт бросились прямо перед ними к зданию, крича на бегу, а люди среди деревьев кричали в ответ, чтобы подбодрить их. Было произведено несколько выстрелов, но стрелки так торопились, что ни один из них не попал в цель. Через мгновение четверо пиратов вскарабкались на насыпь и набросились на нас.

У средней бойницы показалась голова Джоба Андерсона, боцмана.

— На них, во все руки, во все руки! — проревел он громовым голосом.

В тот же миг другой пират схватил мушкет Ханта за дуло, вырвал его у него из рук, выдернул через бойницу и одним сокрушительным ударом повалил бедолагу на пол без чувств. Тем временем третий,

бегаяц елыми и невредимым по все му дому, вдруг появилс яв дверях и с абордажной с аблей угал на доктора.

Наша позиц ия была с овершено противоположной. Мг новение с тех пор, как мы под прикрытием с треляли по незащищенному противнику; теперь это мы лежали без прикрытия и не мог ли нанес ти ответный удар.

Бревенчатый дом был полон дыма, которому мы были обяваны с воей относ ительной безопас нос тью. Крики и с мяжение, вс пышки и выс трелы из пис толета и один г ромкий с тон звенели в моих ушах.

—На вых од, ребята, на бой в открытую! Абордажные с абли!» — воскликнул капитан.

Я вых ватил из кучи с аблю, и кто-то, в то же время вых ватив друг ую, нанес мне порез по кос тям пальц ев, который я почти не почувс твовал. Я выс кочил за дверь на яркий с олнечный с вет. Кто-то был близко позади, я не знал кто.

Прямо впереди доктор прес ледовал нападавшег о вниз по х олму и, как только мой взг ляд угал на нег о, с бил ег о ох рану и швырнул ег о на с пину, с ильно ударив по лиц у.

«Вокруг дома, ребята! вокруг дома!» — закричал капитан, и даже в г аме я заметил перемену в ег о г олос е.

Машинально я повиновалс я, повернул на вос ток и с поднял с аблю, побежал за уг ол дома. В сле дую щий момент я оказалс я лиц ом к лиц у с Андерс оном. Он г ромко взревел, и ег о вешалка поднялас ь над ег о г оловой, с веркая на с олнц е. У меня не было времени испуг атс я, но, так как удар вс е еще был близок, я мигом отс кочил в сторону и, не удержавшис ь на мяг ком пес ке, пок атилс я вниз по с клону.

Ког да я впервые выс кочил из дверей, друг ие мятежники уже карабкалис ь по час токолу, чтобы покончить с нами. Один человек в крас ном ночном колпак е, с абордажной с аблей во рту, даже взобралс я на вершину и перекинул ног у через нее. Итак, интервал был так короток, что, ког да я снова очутилс я, вс е стояли в той же позе: парень в крас ном ночном колпак е был еще на полпути, друг ой еще только показывал с вои

голову над верхушкой часток ола. И все же в это мгновение битва закончилась, и победа была за нами.

Грей, следовавший за мной, сразил большого боймана прежде, чем тот успел оправиться от потерянного удара.

Другой был застрелен в амбразуру во время стрельбы по дому и теперь лежал в агонии, пистолет все еще дымился в его руке. От третьего, как я видел, доктор расправился одним ударом. Из четырех, взбравшихся на часток ола, только один остался пропавшим без вести, и он, оставив с собой саблю на поле, теперь снова вылезал наружу с острым страхом смерти.

«Ог онь, ог онь из дома!» — воскликнул доктор. — А вы, ребята, в укрытие.

Но его слова остались без внимания, выстрел не последовало, и последний постоялец благополучно убежал и скрылся вместе с остальными в лесу. Через три секунды от атакующей стороны не осталось ничего, кроме пятерых павших, четверо внутри и один снаружи часток ола.

Доктор, Грей и яна полной скорости побежали к укрытию. Выжившие скоро вернутся туда, где оставили свои мушкеты, и в любой момент ог онь может возобновиться.

Дом был к этому времени несколько очищен от дыма, и мы сразу увидели цену, которую мы заплатили за победу.

Хантер лежал у своей бойницы, ошеломленный; Джойс рядом с ним, застреленный головой, никогда больше не пошевелится, а прямо в центре оруженосец поддерживал капитана, один такой же бледный, как другой.

— Капитан ранен, — сказал мистер Трелони.

— Они сбежали? — спросил мистер Смоллетт.

— Все, что можно, вы можете связать, — ответил доктор.

— Но пятеро из них больше никогда не будут баллотироваться.

"Пять!" — воскликнул капитан. «Давай, так лучше. Пятеро против три составляет нас от четырех до девяти. Это лучшие шансы, чему нас было в начале. Нам тогда было от семи до девятнадцати, или мы думали, что летим, и это невыносимо». 1 —

ЧАСТЬ V

МОЕ МОРСКОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

XXII

КАК НАЧАЛОСЬ МОЕ МОРСКОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Возврата мятежников не было — не то что еще одного выстрела из леса. Они «получили с вой паяк на этот день», как выразился капитан, и у нас было свободное место и спокойное время, чтобы перебрать раненых и приготовить обед. Сквайри я готовили на улице, не смотря на опасность, и даже снаружи мы едва могли сказать, что мы делаем, от ужаса громких стонов, доносившихся до нас от пациентов доктора.

Из восьми человек, павших в бою, только трое еще дышали — этот пират, застреленный у бойницы, Хантер и капитан Смоллетт, — и из них первые двое были почти мертвы; мятежник действительно умер под ножом доктора, а Хантер, как мы ни делали, так и не пришел в сознание на этом свете. Он проторчал весь день, громко дыша, как старый пират дома в своем апоплексическом ударе; но кости его груди были раздроблены ударом, а череп раскололся при падении, и где-то в следующую ночь без признаков и звуков он отправился к своему Создателю.

Что касается капитана, то его раны действительно были тяжелы, но безопасны. Ни один орган не был смертельно ранен. Мян Андерс она — потому что первым выстрелил в него Джоб — сломал ему лопатку и задел легкое, не сильно; второй только разорвал и сместил некоторые мышцы голени. Доктор сказал, что он обязательно выздоровеет, но тем временем и в ближайшие недели он не должен ни ходить, ни шевелить рукой, ни даже говорить, когда может помочь.

Мой собственный случайный порез на кость пальца был укусом блохи. Доктор Ливс залатал его пластырем и добавил натянул мне уши.

После обеда с квайри доктор сидели у капитанской стороны некоторое время в консультации; и когда они встали поговорили, а было уже чуть за полдень, доктор взял шляпу и пистолеты, подпоясался тесаком, сунул карту в карман и с мушкетом через плечо пересек часток. с северной стороны и быстро двинулся к входу в деревья.

Мы с Грегом сидели вместе в дальнем конце блока, вне пределов слышимости наших офицеров, и шептались, а Грей вынул из рта трубку и чуть не забыл снова вставить ее, так он был поражен этим. В ожидании.

-- Почему, во имя Дэви Джонса, -- сказал он, -- доктор Ливс исчез с ума?

-- Да нет же, -- говорю я -- Насколько я понимаю, он чуть ли не последний из этой команды.

-- Что ж, товарищ по кораблю, -- сказал Грей, -- может, он и не сумасшедший, а он если и нет, то, помяните мои слова, я

-- Насколько я понимаю, -- ответил я -- у доктора есть свое мнение, и, если я прав, он сейчас идет к Бену Ганну.

Я был прав, как оказалось позже; а между тем, так как в доме было душно и жарко, а песчаный клочок внутри часток ола пылал полуденным солнцем, мне начала лезть в голову другая мысль, отнюдь не столь правильная.

Что я стал делать, так это завидовать доктору, прогуливаясь в прохладной тени леса, с птицами вокруг него и приятным запахом сосен, в то время как я сидел на гриле, моя одежда прилипла к горячий смолы, и так много крови вокруг меня и так много несчастных мертвых тел, лежащих вокруг, что я испытывал отвращение к этому месту, которое было почти таким же сильным, как страх.

Все время пока я мыл руб, а потом мыл вещи после обеда, это отвращение и зависимость становились все сильнее и сильнее, пока, наконец, не подождет

х лебног о мешка, и никто меня тог да не заметил, я с делал первый шаг навстречу с воей вых одке и набил оба кармана с юртука с ух ариками.

Я был дурак, ес ли х отите, и, конечно, с обиралс я с овершить г лупый, с лишком дерзкий пос тупок, но я был полон решимос ти с делать это с о все ми предос торожнос тями, которые были в моих с илах . Эти бис квиты, ес ли бы с о мной что-нибудь с лучилос ь, с пас ли бы меня от г олодной с мерти на с ледующий день.

Следующим, за что я с х ватилс я, была пара пис толетов, и ког да я у меня уже был порох овой рожок и пули, я чувс твовал с ебях орошо вооруженным.

Что кас аетс я с х емы, которая была у меня в г олове, то она с ама по с ебе была неплох ой. Дело было в том, чтобы с пуст итьс я по пес чаной кос е, отделяю щей якорную с тоянку с востока от открытог о моря, найти белую с калу, которую я заметил вчера вечером, и удос товеритьс я не там ли Бен Г анн с прятал с вою лодку, — дело вес ьма с тояще. делать, как я до с их пор верю. Но так как я был уверен, что мне не разрешат покинуть о г раду, мой единс твенный план с ос тоял в том, чтобы прос титьс я по-франц узс ки и улизнуть, пока никто не видит, и это был нас только плох ой с пос об с делать это, что это с делало с аму вещь неправильной. Но я был вс ег о лишь мальчиком и уже принял решение.

Что ж, ког да вс е наконец с ложилос ь, я нашел замечательную возможнос ть. С квай р и Г рей были заняты, помог ая капитану с ег о бинтами; берег был чис т; Я с делал зас ов через час токол и в с амую г ушу деревьев, и, прежде чем мое отс утс твие было замечено, мои товарищи перес тали кричать.

Это была моя вторая г лупос ть, г ораздо х удшая, чем первая, так как я ос тавил только двух здоровых лю дей ох ранять дом; но, как и первая, это была помощь в с пас ении вс ех нас .

Я направилс я прямо к вос точному побережью ос трога, так как был полон решимос ти идти по берег у кос ы, чтобы меня не заметили с якорной с тоянки. Было уже далеко за полдень, х отяеще тепло и с олнечно. Пока я продолжал бродить по выс окому лес у, я мог с лышать издалека

передомной не только непрерывный грохот прибоя, но и некоторое колебание листьев и скрежет ветвей, показавшие мне, что морской бриз дул сильнее, чем обычно. Вскоре меня стали доносить прохладные потоки воздуха, и, пройдя еще несколько шагов, я вышел в открытые опушки рощи и увидел синее и солнечное море до самого горизонта и прибой, кувыркающийся и вздымающийся пеною по берегу.

Я никогда не видел спокойного моря вокруг Острова Сокровищ: солнце может пылать над головою, воздух бездыхан, поверхность гладкая и голубая, но тем не менее эти огромные валы будут бегать повсюду внешнему берегу, гремя и гремя днем и ночью, и я едва ли верю, что есть хоть одно место в острове, где человек был бы вне пределов слышимости их шума.

Я шел вдоль прибоя с большим удовольствием, пока, думая, что уже достаточно далеко на юге, я открылся за густыми кустами и осторожно подкрался к гребню косы.

Позади меня было море; впереди крепление. Морской бриз, как будто он с юга дул с воей необыкновенной силой, уже кончился, и на меня ему пришли легкие переменчивые ветры с юга и юго-востока, несся большие облака тумана; и якорная стоянка с подветренной стороны острова Скелет лежала неподвижно и с винтов, как когда мы впервые вошли в нее. В этом неразбитом зеркале был точно изображен «Веселый Роджер» от грузовика до ватерлинии, свисающий с его вершины.

Рядом стояла одна из двух колод, Сильвер на корме — его я все-таки мог узнать, — а двое мужчин склонились над кормовым фальшбортом, один из них в красной кепке — тот самый мошенник, которого я видел несколько часов назад, но и на час тополе. По-видимому, они разговаривали и смеялись, хотя на таком расстоянии — больше мили — я, конечно, не мог слышать ни слова из сказанного.

Вдруг раздался ужаснейший, неземной крик, который с начала сильно напугал меня, хотя и

вскоре все помнил голос капитана Флинта, и мне даже показалось, что я разглядел птицу у ее яркому оперению, когда она сидела на заготовке с воем охоты.

Вскоре после этого олодочка оттолкнулась и потянулась к берегу, а человек в красной шапке и его товарищ спустились вниз вместе с кают-компаньоном.

Примерно в то же самое время, когда с оленца скрылось за Подзорной трубой, и так как туман быстро сгустился, начал темнеть не на шутку. Я понял, что не должен терять времени, если найду лодку в тот вечер.

Белая скала, достаточно хорошо видная над кустами, была еще примерно в одной восьмой мили дальше по косе, и мне потребовалось довольно много времени, чтобы подняться с ней, ползая часто на четвереньках, среди кустов. Уже почти наступила ночь, когда я положил руку на его грубые бока. Прямо под ним была чрезвычайно маленькая ложбинка зеленой дерна, с крытая берегами и густым подлеском, по колену глубиной, который рос там очень обильно; а в центре ложины, конечно же, маленькая палатка из козьих шкур, вроде тех, что носят с собой английские цыгане.

Я прыгнул в ложину, приподнял борт палатки и увидел лодку Бена Ганна — с амодельную, если вообще что-либо можно было сделать с амодельной, — грубый, кривобокий каркас из прочного дерева, натянутый на него козьей шкурой с шерстью внутри. Эта штука была чрезвычайно мала даже для меня, и я с трудом мог усесться, чтобы она могла плавать вместе с человеком в натуральную величину. Там была одна поперечина, установленная как можно ниже, что-то вроде носилок в носовой части и двойное весло для движения.

Тогда еще не видел коракула, подобно тому, что строили древние бритты, но с тех пор я видел его, и я не могу дать вам лучшего представления о лодке Бен Ганна, чем сказать, что это был первый их удший коракул, когда-либо построенный человеком. Но большое преимущество коракла, безусловно, заключалось в том, что он был чрезвычайно легким и портативным.

Что ж, теперь, когда я нашел лодку, можно было подумать, что на этот раз с меня хватит прог ulов; но тем временем у меня появилась другая идея, и она так упрямо полубилась мне, что я полагаю, что он осуществил бы ее на глазах у самого капитана Смоллетта. Это означало выскользнуть под покровом ночи, отрезать течение и позволить Эспаньола на берег, где ей вздумается. Я твердо решил, что мятежники после утреннего отпора не имели ничего более близкого к своему сердцу, чем встать на якорь и уйти в море; это, подумав, было бы неплохо предотвратить, и теперь, когда я видел, как они оставили свое осторожа без лодки, я подумал, что это можно сделать с небольшим риском.

Ясел, дожидаясь темноты, и плотно пообедал. Бисквит. Это была ночь из десяти тысяч для моей цели. Туман уже закрыл все небо. Когда последние лучи дневного света померкли и исчезли, на Острове Сокровищ воцарилась абсолютная чернота. И когда, наконец, я взвалил лодку на плечи и, потыкаясь, выбрался из ложины, где я ужинал, на все якорной стоянке были видны только две точки.

Одним из них был большой костер на берегу, у которого побежденные пираты кутили в болоте. Другой, простое пятно света в темноте, указывал положение стоящего на якоря корабля. Она развернулась навстречу отливу — теперь ее нос был направлен ко мне — единственный свет на борту был в каюте; и то, что я увидел, было лишь отражением в тумане сильных лучей, струившихся из кормового окна.

Отлив уже длился некоторое время, и мне пришлось пройти вброд через длинную полосу болотистого песка, где я несколько раз проваливался выше щиколотки, прежде чем я добрался до кромки отступающей воды и пробрался вброд, с некоторым силой и ловкостью, поставил мой корабль килем вниз на поверхность.

XXIII

ОТЛИВ НАЧИНАЕТСЯ _

Корабль — как я имел достаточно оснований знать еще до того, как покончил с ним, — был очень безопасной лодкой для человека моего роста и веса, плавучей и ловкой на море; но она была самым разношерстным и однобоким кораблем, которым можно было управлять. Делайте, что хотите, она все же да позволяла себе больше свободы действий, чем что-либо еще, и повороты вокруг были маневром, в котором она была лучше всего. Даже сам Бен Ганн признал, что с ней было «странно обращаться пока ты не узнал ее путь».

Конечно, я не знал ее пути. Она повернулась во всех направлениях, кроме того, куда я должен был идти; большую часть времени мы стояли бортом, и я совершенно уверен, что никогда бы не добрался до корабля, если бы не прилив. К счастью, ребята, как мне заблагорассудится, прилив все еще нес меня вниз; и там лежало право на фарватере, трудно было пропущенным.

Сначала она вырисовывалась передо мной как о-то еще чернее тьмы, потом ее лонжероны и корпус начали обретать форму, и в следующее мгновение, как мне показалось (ибо чем дальше я шел, тем быстрее нарастало течение отлива), я был рядом с ее тросом и схватился.

Трос был натянут, как тетива, а течение было таким сильным, что она бросила якорь. Вокруг корпуса, в черноте, бурлило и журчало течение, похожее на небольшой горный ручеек. Один разрез с моим оврагом, и он пойдет вниз по течению.

Эс-паньола

Все идет нормально; но затем мне пришло в голову, что тугонатянутый трос, внезапно перерезанный, — вещь такая же опасная, как

пинаю щялошадь. Десять к одному, если бы я был нас только безрас суден, чтобы перерезать
Эс паньола с ее якоря и коракл были бы
выбит из воды на чистоту.

Это привело меня в полную остановку, и если бы удача с нова не
особенно благоприятствовали мне, я должен был отказаться от своего
проекта. Но легкий ветерок, который начал дуть с юго-востока и юга, с
наступлением ночи переместился на юго-запад. Как раз в то время,
когда я медитировал, налетела затылка, подхватила и толкнула ее в
поток; и, к моему удивлению, радости, я почувствовал, что трос ослаб в моей
хватке, и рука, которой я его держал, на секунду погрузилась под воду.

С этим я решил, достал с собой овраг, открыл его
зубами и перерезал одну прядь за другой, пока с осудне качнулся
только на два. Затем я лежал тихо, ожидая, чтобы разорвать эти поседние,
когда напряжение снова будет облегчено дуновением ветра.

Все это время я слышал звуки громких голосов из каюты; но, по правде
говоря, мой ум был так занят другими мыслями, что я почти не
прислушивался к ним. Однако теперь, когда мне больше нечего было
делать, я стал внимательнее.

Одного я узнал по рулевому, Израэлю Хэндсу, который раньше был
стрелком Флинта. Другой был, конечно, мой друг красноночного
колпака. Оба мужчины явно сильно выпили и продолжали пить; ибо, пока
я слушал, один из них с пьяным криком открыл кормовое окно и выбросил
что-то, что, как я догадался, было пустой бутылкой. Но они были не
только пьяны; было ясно, что они были в бешенстве. Клятвы летели,
как град, и то и дело раздавался такой взрыв, который, как я думал,
непременно кончится ударами. Но ссоры каждый раз утихали, и
голоса ворчали на некоторое время все тише, пока не наступал
очередной кризис, который, в свою очередь, проходил безрезультатно.

На берегу я мог видеть отблески большого лагерьного костра,
тепло пылающего сквозь прибрежные деревья. Кто-то был

петь глухую, старую, гудящую матросскую песенку, с прихрамыванием и дрожью в конце каждого куплета, и, казалось бы, ей нет конца, кроме терпения певца. Я не раз слышал это в плавании и запомнил эти слова:

«Но один человек из команды жив, что
вышел в море с семьей десяти-пятью».

И я подумал, что это слишком унылая песенка для компании, которая утром понесла такие жестокие потери. Но действительно, судя по тому, что я видел, все эти пираты были чертвы, как море, по которому они плыли.

Наконец подул ветерок; шхуна накренилась и приблизилась в темноте; Я почувствовал, как трос снова ослаб, и с большим усилием перерезал последние волокна.

Ветерок почти не действовал на лодку, и меня почти мгновенно отнесло к носу. В то же время шхуна начала разворачиваться на шлюбах, медленно кружась, бок за бок, поперек течения.

Я работал как дьявол, потому что я ожидал, что каждое мгновение будет заблоченный; и так как я обнаружил, что не могу оттолкнуть коракулу прямо, я теперь оттолкнулся прямо назад. Наконец я был в стороне от моего опасного оседа, и как только я дал последний толчок, мои руки наткнулись на шкотовый шнур, который тянулся за борт через кормовой фальшборт. Мгновенно я понял это.

Почему я должен был это сделать, я едва ли могу сказать. Это было с начала простого инстинкта, но как только я взял его в руки и быстро нашел, любуясь твоим началом брать верх, и я решил, что должен один раз заглянуть в окошки.

Я потянулся рукой за веревку, и, когда прикинул, я был достаточно близко, поднялся с бесконечным риском примерно до половины своего роста, таким образом, контролировал крышу и часть интерьера каюты.

К этому времени шхуна и ее маленький спутник довольно быстро скользили по воде; действительно, мы уже достигли уровня коста. Корабль говорил, как говорят матросы, громко, с тупая по бесчисленной ряби не прекращающимся ябулькающим плеском; и пока я не поднял глаза над подоконником, я не мог понять, почему с торожа не вс тревожились. Однако одного взгляда было достаточно; и это был только один взгляд, который я осмелился отвести от этого ошатавшего оськифа. Он показал мне Хэнда и его компаньона, сцепившихся с яв смертельной схватке, каждый с рукой на орле другого.

Я снова наткнулся на препятствие, не слишком скоро, потому что я был рядом за бортом. Я не мог видеть ничего, кроме этих двух разъяренных, багряных лиц, качавшихся вместе под дымящейся лампой; и я закрыл глаза, чтобы они еще раз привыкли к темноте.

Бесконечная баллада наконец подошла к концу, и вся поредевшая компания у коста запела так час то слышанный мною хор:

«Пятнадцать человек на сундук мертвеца, Йох-ох-ох
о и бутылка рома!

— Выпей, а с остальным черт покончил — Йох-ох-ох о и бутылка рома!

Я как раз думал о том, как заняты выпивка и дьявол в тот самый момент в каюте корабля, когда был подхвачен внезапным креном корабля. В тот же момент она резко рванула и, казалось, изменила курс. Тем временем скорость странным образом увеличилась.

Я сразу открыл глаза. Вокруг меня была мелкая рябь, прочесывавшаяся резким, ошестинившимся звуком и слегка фосфоресцирующая. Садясь на несколько ярдах от которого я все еще несся по пятам, казалось, пошатнулось на своем пути, и я увидел, как его лонжероны

против черноты ночи; более того, посмотрев подольше, я убедился, что она тоже поворачивает на юг.

Я оглянулся через плечо, и мое сердце подскочило к ребрам. Там, прямо за моей спиной, мерцал костер. Течение повернуло под прямым углом, увлекая за собой высокую шхуну и маленькую танцующую лодку; все ускоряясь, все выше булькая, все громче бормоча, оно мчалось по узким местам к открытому

море.

Внезапно шхуна передо мной резко дернулась, повернувшись градусов на двадцать; и почти в тот же момент один крик следовал за другим с борта. Я слышал, как ноги топают по лестнице товарища, и я знал, что два пьяницы, наконец, были прерваны в своей ссоре и проснулись с чувством их несчастья.

Я лег плашмя на дно этого жалкого челнока и благоговеяно порекомендовал с вой дух его Создателю. В конце проливая позаботился о том, чтобы мы попали в полосу бушующих бурнов, где все мои беды быстро закончились; и хотя, возможно, мог бы вынести смерть, я не мог смотреть на свою судьбу, когда она приближалась.

Так что я, должно быть, пролежал часами, постоянно избивая ту да-сю да на волнах, то и дело орошаемых летящими брызгами, и не переставая ожидать смерти при следующем прыжке.

Постепенно усталость росла во мне; оцепенение, время от времени оцепенение наваливались на мой разум даже посреди моих ужасов, пока, наконец, не вмещался он, и я лежал в моей брошенной морем ладье и мечтал о доме и старом адмирале Бенбоу.

XXIV КРУИЗ КОРАКЛА_

Когда я спросил, я обнаружил, что бреду на юго-западном конце Острова Сокровищ. Солнце взошло, но все еще было скрыто от меня за громадной громадой Подзорной трубы, которая с этой стороны спускалась почти к морю разными скалами.

У моего локтя были мыс Бок-Лейн и холм Бизань-Мачта, голый и темный холм, вершина которого окружена утесами сорока или пятидесяти футов высотой и окаймлена огромными горами упавших камней. Я был всего в четверти мили в сторону моря и моей первой мыслью было доплыть до берега и приземлиться.

От этого представления все корейцы отказались. Среди упавших камней буруны изливались и ревели; громкие отголоски, тяжелые брызги и летели и падали, сменяя друг друга из секунды в секунду; и я видел себя, если бы я осмелился приблизиться, разбился бы насмерть на неровном берегу или напрасно потратил бы свои силы, чтобы взобраться на жуткие утесы.

И это еще не все, потому что ползали вместе по плоским столам скалы или падали в море с громким ревом, я видел огромных слизистых чудовищ—мягких улиток невероятных размеров—штуки по два-три десятка вместе, заставляя скалы эхом отдаваться своим лаем.

С тех пор я понял, что это были морские львы, и совершенно безвреден. Но одного из видов, вместе с неровностью берега и бурным течением прилива, было более чем достаточно, чтобы вызвать у меня отвращение к этой пристани. Я был готов к корее умереть с голоду в море, чем столкнуться с такими опасностями.

Между тем у меня был лучший шанс, как я предполагал, передо мной. К северу от Холбоулайн-Хедземля проходит в

долгий путь, оставляя во время отлива длинный участок желтого песка. К северу от него основан идет другой мыс — Мыс Лесов, как он был отмечен на карте, — покрытый высокими зелеными соснами, который спускался к краю моря.

Я все помнил слова Сильвера о течениях, захватил нас север вдоль всего западного побережья Острова Сокровищ, видя по своему положению, что я уже находился под его влиянием, я предпочел оставить Холбоулайн-Хед позади себя и прибереечь силы для попытки высидеться на более приятном на вид мысе Лесов.

На море была большая гладкая зыбь. Ветер дуя с юга ровно и мягко, не было никакого противоречия между ним и течением, и валы поднимались и падали без перерыва.

Будь иначе, я давно бы уже погиб; но как бы то ни было, удивительно, как легко и надежно могла плыть моя маленькая легкая лодка. Часто, когда я все еще лежал на дне и не видел ничего, кроме планшира, я видел, как большая голубая вершина вздымалась совсем близко над мной; тем не менее, коракулалишь с легкостью подпрыгивала, плясала, как на пружинах, и опускалась с другой стороны в корыто так же легко, как птица.

Спустя некоторое время я стал очень с мелкими сел, чтобы попробовать мой навык гребли. Но даже небольшое изменение в расположении грюза вызовет резкие изменения в поведении коракула. И я едва двинулся перед лодкой, тотчас же прервав ее плавное, танцующее движение, помчался прямо по склону воды, такому крутому, что у меня закружилась голова, и ударил ее носом с труей брызг глубоко в борт. Следующая волна.

Я промок до нитки и испугался и тотчас же упал на прежнее место, после чего коракула, казалось, снова нашла свою голову и мягко повела меня, как прежде, среди волн. Было ясно, что ей нельзя мешать, и в таком случае, поскольку я никоим образом не мог повлиять на ее курс, какая у меня оставалась надежда достичь земли?

Я начал ужасно пугаться, но при всем при этом держался за греблю. Во-первых, двигаясь с осторожностью, я мало-помалу вычерпнул лодку с моей морской шапкой; затем, взглянув еще раз поверх планшира, я принялся изучать, как ей удалось так тихо проскользнуть сквозь валы.

Я обнаружил, что каждая волна вместе с большой, гладкой, блестящей горой, какой она выгладит с берега или с палубы корабля, для всего мира была подобна любой гряде холмов на суше, полной пиков, гладких мест и долин. Судно, предоставленное самому себе, поворачиваясь из стороны в сторону, как бы прокладывало себе путь через эти нижние части, избегая крутых склонов и более высоких опрокидывающихся вершин волны.

«Ну, теперь, — подумал я про себя, — я но, что я должен лежать на месте и не нарушать равновесия, но также я но, что я могу положить весло за борт и время от времени, на гладких местах, подтолкнуть ее к земле. Не успел подумать, как сделал. Там я лежал на локтях, в самой трудной позе, и то и дело наносил один-два слабых удара, чтобы повернуть ее греблю к берегу.

Это была очень утомительная и медленная работа, но я заметил прибавил землю, когда мы приблизились к мысу Лесовых, хотя я и понимал, что непременно пропущу эту точку, я все же сделал несколько сотен ярдов на восток. Я действительно был рядом. Я видел прохладные зеленые верхушки деревьев, покачивающиеся на ветру, и был уверен, что обязательно доберусь до следующего мыса.

Давно пора было, ибо меня теперь начала мучить жажда. Сияние солнца сверху, его тысячекратное отражение от волн, морская вода, которая падала и выливалась на меня, прилипая к моим губам с олею, в совокупности вызывала жжение в горле и боль в мозгу. Вид деревьев так близко под рукой почти заставил меня тошноту; течение в коре унесло меня мимо точки; и когда открылся ледяной участок моря, я увидел зрелище, изменившее характер моих мыслей.

Прямо перед собой, не более чем в полумиле, я увидел
Эс-паньола под парусами. Я, конечно, позаботился о том, чтобы меня
взяли, но я так страдал от недостатка воды, что едва знал, радоваться я
или огорчаться при этой мысли; и задолго до того, как я пришел к
выводу, удивление овладело моим разумом, и я ничего не мог
сделать, кроме как смотреть и удивляться.

Эс-паньола был под ее гротом и двумя такселями, и
красивый белый парусин блестел на солнце, как снег или
серебро. Когда впервые увидел ее, все ее паруса были натянуты,
она держала курс на северо-запад, и я предположил, что люди на
борту обходят остров, возвращаясь к якорной стоянке. Вскоре она
стала все больше и больше смещаться на запад, так что я подумал,
что они заметили меня и преследуют. В конце концов, однако,
она попала прямо в глаза ветру, была застигнута врасплох и некоторое
время беспомощно стояла с дрожащими парусами.

-- Неуклюжие ребята, -- сказал я -- должно быть, они все еще пьяны, как совы.
И я подумал, как капитан Смоллетт заставлял бы их пропустить.

Тем временем шхуна постепенно отваливалась и снова наполнялась
на другой галс, быстро плыл в течение минуты или около того,
и еще раз останавливался прямо на глазах у ветра. Снова и снова это
повторялось. Взад и вперед, вверх и вниз, на север, юг, восток и
запад, они плыли рывками и рывками. Эс-паньола на каждом повторении
заканчивалась так же, как и начиналась, праздно хлопая парусиной.
Мне стало ясно, что никто не рулит. Если да, то где мужчины? Либо
они были мертвецки пьяны, либо бросили ее, подумал я, может
быть, если бы мне удалось взобраться на борт, я смог бы вернуть
судно его капитану.

Течение носило лодку и шхуну на юг с одинаковой скоростью.
Что касается плавания по льду, то оно было так дико и прерывисто,
и она каждый раз так долго висела в кандалах, что уж точно ничего
не выиграла, если даже не проиграла. Если бы я только осмелился
сесть и грести, я бы убедился, что смогу перевернуть ее.
Схема была авантюрой,

воодушевил меня, а мысль о волнорезе рядом с носовым
компаньоном удвоила мою растущую храбрость.

Я поднялся, почти мгновенно меня приветствовало еще одно
облако брызг, но на этот раз я остальное уверен с своей цели и изо
всех сил и осторожности направил ся грести за
неуправляемым облаком. Я пустил на воду такое сильное море,
что мне пришлось останавливаться и выпрыгивать, с моим
сердцем, трепещущим, как птица, но постепенно я встал на
пути этого осуществления и направил свою шлюпку по волнам, лишь
изредка нанося на нее удары. поклоны и брызги пены в лицо.

Теперь я быстро нагонял их уну. Я мог видеть
латунь блеска на румпеле, когда он качался, но на ее
палубах по-прежнему не появлялось ни души. Я не мог не
предположить, что она была покинута. В противном случае пьяные
люди лежали внизу, где я возможно, мог бы задрать их и
сделать с кораблем все, что захочу.

Некоторое время она делала для меня наихудшее из
возможных действий — стояла на месте. Она шла почти
строго на юг, конечно, все время рыска. Каждый раз она падала
с наполовину наполненными парусами, и они через мгновение
снова приводили ее прямо к ветру. Я сказал, что это худшее, что
могло быть для меня, ибо, какой бы беспомощной она ни выглядела
в этом положении, с треском паруса, как пушка, и с
грохотом катящихся по палубе блоков, она все же продолжала
убегать от меня не только с скоростью течения, но и на всю
величину ее свободных действий, которая, естественно, была
велика.

Но теперь, наконец, у меня появился шанс. Ветер на несколько
секунд стал очень слабым, и течение постепенно поворачивало ее,
Эспаньола медленно повернулась вокруг своего центра, и
наконец, представил мне свою корму, с открытым окном каюты
и лампой над столом, все еще горящей в дневное время. Грот
висел, как знамя. Она была неподвижна, но для течения

Последнее время даже проигрывал, но теперь, удвоив
мои усилия, я начал еще раз капитальный ремонт погоны.

Я был не в с отне ядов от нее, ког да ветер с нова х лопнул в ладоши; она повернула на левый г алс и с нова пошла, наклоняяс ь и с кользя как лас точка.

Моим первым импульс ом было отчаяние, но вторым был порыв к радос ти. Она шла круг ом, пока не оказалас ь на мне боком, - еще кружилас ь, пока не преодолела половину, затем две трети, а потом и три четверти рас с тояния, которое нас разделяло. Я мог видеть волны, кипящие белым под ее ног ами. Безмерно выс окой она с мотрела на меня с моег о низког о положения в корак ле.

И вдруг я начал понимать. У меня было мало времени на размышления — мало времени, чтобы дейс твовать и с пас ать с ебя Я был на вершине одной зыби, ког да шх уна наклонилас ь над с ледую щей. Бушприт был над моей г оловой. Я вс кочил на ног и и прыг нул, затоптав лодку под водой. Одной рукой я ух ватилс я за такс ель, в то время как моя ног а зас тряла между штаг ой и рас чалкой, и, пос кольку я вс е еще ц еплялс я за нее, тяжело дыша, тупой удар подс казал мне, что шх уна налетела на лодку и ударилас ь о нее, и что я был ушел без отс тупления на

Эс паньола .

Х Х V

Я БЬЮ ВЕСЕЛОГО РОДЖЕРА

Едва я занял позицию на бушприте, как летящий стаксель махнул крыльями и ударил по другому галсу с грохотом, похожим на выстрел из пушки. Шхуна вздрогнула килем под реверсом, но в следующий момент, когда другие паруса все еще были натянуты, стаксель снова откинулся назад и завис без дела.

Это чуть не сбросило меня в море, и теперь я потерял не успел, пополз назад по бушприту и рухнул головой вперед на палубу.

Я находился с подветренной стороны бака, и грот, который все еще был натянут, скрывал от меня части тердека. Не было видно ни души. На досках, которые не мыли после мятежа, остались отпечатки многих ног; и пустая бутылка с разбитым горлышком кувалась взад-вперед, как живая, в шпигатах.

Вдруг пришел представитель. Кливеры позади меня грохотали; руль захлопнулся, весь корабль тошнотворно вздрогнул и вздрогнул; и в тот же момент грот-гик качнулся внутрь, шкот застонал в блоках и показал мне подветренную кормовую палубу.

Там были два сторожа, конечно же; Красная шапка на спине, жесткая как рукоять, с растопыренными, как у распятого, руками и сквозь открытые губы торчат зубы; Израиль Хэндс оперся о фальшборт, подбородок на груди, руки раскрыты перед ним на палубе, лицо белое, подзагаром, как сальная свеча.

Некоторое время корабль брыкался и брыкался, как злобная лошадь, паруса надувались то на один галс, то на другой, а гик раскачивался взад и вперед, пока мачта не застонала вслух.

под напряжением. Время от времени над фальшбортом налетало облако легких брызг, и нос корабля тяжело ударял озыбь — нас только тяжелее становился этот большой корабль с парусами, чем мой с амодельный кривобокый коракл., теперь ушел на дно

море.

При каждом прыжке шхуны Красная Шапочка скользила туда-сюда; но — что было ужасно — ни его поза, ни его оскал, обнажающий зубы, никоим образом не были нарушены этим грубым обращением. При каждом прыжке тоже казалось, что Хэндс все больше погружается в себя и оседает на палубе, ноги его все больше выдвигаются наружу, а все тело наклоняется как корме, так что лицо его мало-помалу скрывается от глаз. мне; и, наконец, я ничего не мог видеть, кроме его уха и потрепанного завитка одного уха.

В то же время заметил вокруг них обоих брызги и темной крови на досках и начал чувствовать, что они убили друг друга в своем пьяном гневе.

Пока я так смотрел и недоумевал, в момент затишья, когда корабль стоял, Исраэль Хэндс час тично повернулся и с тихим стоном скорчился обратно в то положение, в котором я видел его в первый раз. Стон, свидетельствующий о боли и смертельной слабости, и то, как отвисла его челюсть, пронзили мое сердце. Но когда я вспомнил разговор, подслушанный из бочки с яблоками, всякая жалость ушла.

мне.

Я шел на корму, пока не достиг грот-мачты.

— Поднимайтесь на борт, мистер Хэндс, — иронически сказал я

Он тяжело закатил глаза, но был слишком далеко, чтобы выразить удивление. Все, что он мог сделать, это произнести одно слово: «Бренди».

Мне пришлось в голову, что нельзя терять время и, уклоняясь от гика, когда он снова качнулся по палубе, я проскользнул на корму и спустился по трапу в каюту.

Это была такая суматоха, какую вы едва ли можете себе представить. Все запертые места были взломаны в поисках

диаграмма. Пол был толстым от гряды, где хулиганы сели выпить или пошептаться после того, как бродили по болотам вокруг своего лагеря. На переборках, выкрашенных в белоснежный цвет и украшенных позолотой, виднелся узор грядных рук. Десятки пустых бутылок звянули друг о друга по углам от качки корабля. Одна из медицинских книг доктора лежала раскрытой на столе, половина страниц была выпотрошена, я полагаю, для вечей. Посреди всего этого лампа все еще отбрасывала дымчатый свет, неясный и коричневый, как умбра.

Я пошел в подвал; все бочки кончились, и бутылок было выпито и выброшено столько удивительное количество. Конечно, с тех пор, как начался мятеж, ни один из них не мог быть трезвым.

Пошарив вокруг, я нашел бутылку с остатками бренди, для Руки; а для себя я выложил немного бисквита, немного маринованных фруктов, большую сывяку изюма и кусок сыра. С этим я поднялся на палубу, поставил с собой балласт за рулевую колонку и, вне досягаемости рулевого, подошел к гидромолоту и напилсся орошенько, обильно воды, а потом, и только тогда, дал Хэндсу бренди.

Должно быть, он выпил жабру, прежде чем вынул бутылку из орта.

«Да, — сказал он, — клянусь громом, но яхотел немного этого!»

Я уже сел в свой угол и начал есть.

— Сильно больно? Я спросил его.

Он хмыкнул, или, вернее, я бы сказал, он лаял.

«Если бы этот доктор был на борту, — сказал он, — я был бы прав через пару поворотов; но мне, видите ли, не повезло, и в том-то и дело сомной. Что касается этого тампона, то он хороший и мертвый, он, — прибавил он, указывая на человека в красной шапочке. — Во всяком случае, он не моряк. И откуда вы могли прийти?»

-- Что ж, -- сказал я -- я поднялся на борт, чтобы завладеть этим кораблем, мистер Хэндс, и будьте добры считать меня своим капитаном до освобождения поряжения.

Он посмотрел на меня довольно точно, но ничего не сказал. Некоторые из румянец вернулся к его щекам, хотя он все еще выглядел очень больным и продолжал выкальзывать и успокаиваться, пока корабль качался.

— Между прочим, — продолжал я, — мне не нужны эти цвета, мистер Хэндс; и с вашего позволения я ударю их. Лучше ничего, чем эти.

И, снова уворачиваясь от стрелы, я побежал к цетным линиям, спустили свой проклятый черный флаг и выбросили его за борт.

"Боже, храни короля!" сказал я, махая кепкой; «и есть конец капитану Сильверу».

Он смотрел на меня зорко и лукаво, все время прижимая подбородок к груди.

-- Я полагаю, -- сказал он наконец, -- я полагаю, капитан Хокинс, что вы типа о'хочу получить на берег, сейчас. Предположим, мы поговорим.

-- Ну да, -- говорю я -- от всего сердца, мистер Хэндс. Скажи дальше. И я вернулся к еде с хорошим аппетитом.

— Этот человек, — начал он, с любопытством взирая на труп, — его звали О'Брайен, знатный ирландец, — мы с этим человеком взяли на нее парусину, чтобы отплыть обратно.

Ну, теперь он мертв, мертв, как трюм; и кто будет управлять этим кораблем, я не вижу. Если я не подкажу, вы не тот человек, на который я мог рассчитывать. Вот, пожалуйста, вы дайте мне еду и питье, и старый шарф или анкерчир, чтобы перевязать мою рану, вы дайте; и я скажу вам, как плыть на ней; и это примерно квадрат со всех сторон, как я понимаю.

"Я скажу вам одну вещь," говорю я — Я не вернусь на жорную стоянку капитана Кидда. Я намерен проникнуть в Северный залив и тихонько высадить ее там на берег.

— Чтобы убедиться, что вы это сделали, — воскликнул он. — Да ведь я не такой уж адский болван, в конце концов. Я вижу, не так ли? Я пробовал свою интрижку, да, и я проиграл, и это ты дуешь на меня Северный ветер? Да ведь у меня нет выбора, не я бы помог вам доплыть до причала Казни, с громом! так бы и я».

Что ж, как мне показалось, в этом был какой-то смысл. Мы заключили нашу сделку на месте. Через три минуты я легко плыл. Эспаньола по ветру вдоль побережья. Остров Сокровищ большими надеждами повернуть северную оконечность до полудня и снова пройти вниз до Северного залива перед приливом, когда мы сможем благополучно высидеть его на берегу и дожидаться, пока стихающий прилив позволит нам высидеться.

Тогда я лестно румпелем и спустился вниз к себе на грудь, где я получил мягкий шелковый носовой платок моей матери. С его помощью и с моей помощью Руки перевязали большой кровоточащий удар, полученный им в бедро, и после того, как он немного поел и выпил еще глоток или два бренди, он начал заметно поправляться, сел прямо, говорил громче и яснее, и выглядел во всех отношениях другим человеком.

Ветер прекрасно служил нам. Мы пролистали до того, как птица, мелькающий берег острова и вид, меняющийся каждую минуту. Вскоре мы миновали возвышенности и играли в кегли рядом с низкой песчаной местностью, редко усыпанной карликовыми соснами, и вскоре мы снова оказались за ее пределами и вернули за угол скалистого холма, который оканчивает остров на севере.

Я был в большом восторге от своей новой команды и был доволен с яркой, солнечной погодой и этими разными персептивами побережья. Теперь у меня было много воды и вкусной еды, и моя совесть, жестоко уязвившая меня за дезертирство, успокоилась благодаря одержанной мною великой победе. Я думаю, мне не оставалось бы ничего желать, если бы не глазулево, которые нас мешливо следили за мной по галубе, и странная улыбка, которая постоянно появлялась на его лице. Это была улыбка, в которой было что-то и болезненное, и слабое, — измощенная старческая улыбка; но, кроме того, была доля насмешки, тень предательства в выражении его лица, когда он лукаво наблюдал, и наблюдал, и наблюдал за моей работой.

X X VI ИЗРАИЛЬ РУКИ

Ветер, служивший нам желанием, теперь тянул на запад. Нам было бы намного легче бежать от северо-восточного угла острова к устью Северного залива. Только так как у нас не было сил бросить якорь и мы не осмеливались выбрасывать его на берег, пока течение не ушло намного дальше, время зависело от нас. Рулевой расказал мне, как заложить корабль; после многих испытаний мне это удалось, и мы обрели тишину за очередной едой.

-- Капитан, -- сказал он наконец с той же неловкой улыбкой, -- вот мой старый товарищ по плаванию, О'Брайен; s'pose вы должны были поднять его за борт. Я, как правило, ни в чем не разбираюсь и не беру на себя вины зато, что улаживаю его кашу; но я не считая его декоративным, а вы?

«Я недосаточно силен, и мне не нравится эта работа; и вот он лежит, для меня» сказал я

«Вот это несчастный корабль — горит, Эс-паньола, Джим, — он пошел мигает. «Там сила людей была убита в этом Эс-паньола — вид бедных моряков, погибших и ушедших с тех пор, как мы с тобой отправились на корабле в Бристоли. Я никогда не видел такого грязного везения, не я. Здесь был этот О'Брайен, теперь — он мертв, не так ли? Что ж, я не ученый, а ты парень, умеющий читать и считать; и, говоря прямо, вы принимаете это зато, что мертвец умер навсего да или он снова оживает?

— Вы можете убить тело, мистер Хэндс, но не дух; ты должно быть, это уже известно, — ответил я — О'Брайен вон там, в другом мире, и, возможно, наблюдает за нами.

«Ах!» говорит он. — Что ж, это прискорбно — кажется, что убивать вечеринки — это пустая трата времени. Как бы то ни было, духи

не рас считывайте на мно го, с у дя по то му, что я ви дел. Я рис кну с о с пир том, Джим. А те перь вы вы с ка за ли сь с во бод но, и я бу ду лю без ен, ес ли вы с пу с ти те сь в он в ту х и жи ну и при не се те мне — ну, — от рях нуть мои дос ки! Я не мог у у да рить по и ме ни.

Ну, Джим, при не с и мне бу тыл ку ви на, э тот брен ди с ли шком кре пок для мое й го ло вы.

Те перь ко ле ба ния ру ле во го о ка за ли сь не ес тес твен ны ми; а что ка с а ет с я до мыс ла о том, что он пред по чи та ет ви но брен ди, то я с о вер шен но ему не по ве рил. Вс я ис то рия бы ла пред ло гом. Он х о тел, что бы я у шел с па лу бы, — это бы ло яс но, но с ка кой ц е лью я ни как не мог с се бе пред с та вить. Е го гла за ни ког да не вст ре ча ли сь с мо ими; они про дол жа ли бро дить взад и впе ред, в верх и вниз, то по гля ды вая на не бо, то мель ком по гля ды вая на мер тв о го О'Брай е на. Он вс е вре мя у лы бал с я и вы со вы вал язык с а мым ви но ватым, с му щен ным об раз ом, так что ре бе нок мог бы с ка зать, что он за мы ш ля ет ка кой-то об ман.

Од на ко я по то ро пил с я с от ве том, так как по нял, в чем за клю ча ло сь мое пре иму щес тво, и что с че ло ве ком нас толь ко го лу пым, что я лег ко мог бы с крыть с вои по доз ре ния до кон ца.

"Не мно го ви на?" Я с ка зал. "Го раз до луч ше. У вас бу дет бе лое или крас ное?"

«Ну, я ду маю, что это о бла жен ном то же са мое для меня то ва ри щ ко раб ля» от ве тил он; «Так что это си ль но, и мно го, ка ко вы шан сы?»

— Хо ро шо, — от ве тил я — Я при не с у вам порт ве йн, мис тер Х эндс. Но мне при де т с я ко пат ь».

С э тим я с бил ком па нь о на с о вс ем шумом Я с мог, с ки нул ту фли, тих о про бе жал по ш па лер ной га лере е, под нял с я по тра пу на по лу бак и вы с у нул го ло ву из нос ово го то ва ри ща. Я знал, что он не о жи да ет уви деть меня там, но я при нял вс е воз мож ные ме ры пред о сто ро жнос ти, и, ко не чно же, хо уд шие из моих по доз ре ний о ка за ли сь с ли шком вер ны.

Он под нял с я с о сво его ме ста на ру ки и ко ле ни и х о тя ег о но га яв но си ль но бо ле ла, ког да он двиг ал с я — я с лы шал, как он по да вил с тон, — тем не ме нее, он та щил с я по па лу бе с хо ро шей с ко рос тью. В

через полминуты он добрался до левого шпигата и выхватил из мотка веревки длинный нож, или, вернее, короткий кинжал, по самую рукоятку обесцвеченный кровью. Он посмотрел на него с минуту, вытянул нижнюю челюсть, попробовал острие на руке, а затем, поспешно спрятав его за пазухой куртки, снова откатился на свое прежнее место у фальшборта.

Это было все, что мне требовалось знать. Израиль мог передвигаться, теперь он был вооружен, и если он приложил столько усилий, чтобы избавиться от меня, было ясно, что жертвой должен был стать я. Что он будет делать потом — попытается ли он проползти через весь остров от Северного залива к лагерю среди болот, или же он выстрелит в Длинного Тома, надеясь, что его собственные товарищи могут прийти первыми, чтобы помочь ему, было, конечно, больше, чем я мог бы сказать.

И все же я был уверен, что могу доверять ему в одном пункте, так как в наши интересы совпали, и это было в расположении их уны. Мы оба хотели, чтобы она оказалась в безопасном месте, в защищенном месте, и чтобы, когда придет время, ее можно было снова вытащить с минимальными усилиями и опасностями; и пока это не было сделано, я считал, что моя жизнь, безусловно, будет сохрана.

Пока я таким образом обдумывал дело, я не бездельничал со своим телом. Я пробрался обратно в каюту, еще раз надел туфли и наугад положил руку на бутылку вина, а теперь с этим предложением снова появился на палубе.

Руки лежали так же, как я оставил его, с валившимися в узел, и веки его были опущены, как будто он был слишком слаб, чтобы выносить свет. Однако, когда я подошел, он поднял голову, оторвал горлышко от бутылки, как человек, который час то делал то же самое, и сделал хлорошия лоток со своим любимым тостом «Вот удача!» Потом он помолчал немного, а потом, вытащив пачку табака, попросил меня резать ему фунта.

«Отрежь мне эту рухлядь, — говорит он, — потому что у меня нет ножа, да и сил не хватит, так что будь, как был. Ах, Джим, Джим, кажется я пропустил гостинку! Сократите мне фунт, так как он, вероятно, будет последним, парень; потому что я за свой долгий дом, и это не ошибка.

«Ну, — сказал я — я нарежу вам табаку, но если бы я был на вашем месте и думал о себе так плохо, я бы пошел молиться как христианин».

"Почему?" сказал он. — А теперь ты мне скажи, почему.

"Почему?" Я плакал. — Вы только что спрашивали меня о мертвых. Вы нарушили мое доверие; ты жил во грехе, лжи и крови; в этот момент у ваших ног лежит человек, которого вы убили; и вы просите меня, почему! Ради бога, мистер Хэндс, вот почему.

Я говорил с легким жаром, думая о чертовом кинжале, который он прягал в кармане и в своих дурных мыслях намеревался прикончить меня. Он, с своей стороны, сделал большой глоток вина и говорил с необычайной торжественностью.

-- Тридцать лет, -- сказал он, -- я плавал по морям и видел хорошее и плохое, лучшее и худшее, хороша погода и ненастная, провизия на исходе, ножи в руках и все такое прочее. Ну, вот что я вам скажу, я еще никогда не видел, чтобы из добра вышло что-то хорошее. Он, который поражает первым, — моя фантазия, мертвецы не кусаются это мои взгляды — аминь, да будет так. А теперь, вот глядите, -- прибавил он, вдруг переменяя тон, -- нас довольно этой чепухи. Прилив уже достиг точного хороший. Выполняйте мои приказы, капитан Хоккинс, и мы быстро приплывем и закончим с этим.

В общем, нам оставалось пробежать всего две мили, но навигация была деликатным, вход в эту северную жорную стоянку был не только узким и мелководным, но и лежал с востока на запад, так что шхуной нужно было хорошо управлять, чтобы войти в нее. Что Хэндс был отличным пилотом; потому что мы ходили туда-сюда и ныряли, с бривая берег а с уверенностью и аккуратностью, на которые было приятно смотреть.

Едва мы миновали голову, как земля сомкнулась вокруг нас. Берега Северного залива были так же покрыты густым лесом, как и берега южной якорной стоянки, но пространство было длиннее и уже и больше походило на устье реки. Прямо перед собой, на южной оконечности, мы увидели обломки корабля на последней стадии ветхости. Это было большое судно с тремя мачтами, но оно так долго пролежало под воздействием непогоды, что было увешано огромной паутиной стекающих водорослей, а на палубе его береговые кусты пустили корни и теперь густо росли с цветами. Это было печальное зрелище, но оно показало нам, что якорная стоянка была спокойной.

«Теперь, — сказал Хэндс, — посмотри туда; там есть кое-что для того, чтобы высадить корабль на берег. Мелкий плоский песок, а не колючая лапа, кругом деревья и цветы развеваются как гардинг на этом старом корабле.

-- А когда мы высадимся на берег, -- спросил я -- как нам ее снова вытащить?

"Почему, так," ответил он; «Вы берете линию на берег там на другой стороне при малой воде; повернитесь вокруг одной из больших осей; вернуть его, повернуть вокруг шпиль и лгать по течению. Нас тупает паводок, все руки тянутся за леску, и она выходит с ладкой, как природа. А теперь, мальчик, ты стоишь рядом. Мы уже почти удили, а она с лишком далеко от нее. Правый борт немножко — так — устойчиво — правый борт — левый борт немножко — устойчиво — устойчиво!

Итак, он отдал свои команды, которыми я затаив дыхание, повиновался пока, ни с того ни с сего, он воскликнул: И резко поднял руль, быстро развернулся и побежал носом к низкому ~~Этани~~ берегу.

Возбуждение от этих последних маневров несколько помешало, тем не менее держал досих пор, достаточно остро, на рулевом. Даже тогда все еще был так заинтересован, ожидая, когда корабль коснется корабля, что совершенно забыл об опасности, нависшей над моей головой, и стоял, перегнувшись через фальшборт правого борта и наблюдая за рыбой.

широко распространяться перед лугами. Я мог бы пасть без борьбы за свою жизнь, если бы внезапная тревога не охватила меня и не заставила повернуть голову. Возможно, я слышал скрипили видел, как его тень двигалась краешком глаза; может быть, это был инстинкт, как у кошки; но действительно, когда я оглянулся там был Хэндс, уже на полпути ко мне, с кинжалом в правой руке.

Должно быть, мы оба громко вскрикнули, когда наши глаза встретились, но в то время как мой был пронзительным криком ужаса, его рев был яростным, как рев атакующей обывка. В то же мгновение он бросился вперед, а я прыгнул боком к носу. Сделав это, я отпустил румпель, который резко дернулся с подветренной стороны; и я думаю, что это спасло мне жизнь, потому что оно ударило Хэндс в грудь и на мгновение остановило его мертвым.

Прежде чем он смог прийти в себя, я был в безопасности из угла, где он заманил меня в ловушку, и мне нужно было увернуться от всей колоды. Прямо перед грот-мачтой я становился, вытащил из кармана пистолет, хладнокровно прицелился, а он уже повернулся и снова шел прямо за мной, и нажал на курок. Молоток упал, но не последовало ни вспышки, ни звука; грунтовка была бесполезна с морской водой. Я проклинал себя за свою небрежность. Почему я должен был этого не перезарядил и не перезарядил свое единственное оружие? Тогда я не был бы, как теперь, простой убегающей овцой перед этим мясником.

Несмотря на то, что он был ранен, было удивительно, как быстро он мог двигаться его седые волосы падали на лицо, а само лицо было красивым, как красивый флаг, от его опешности и ярости. У меня не было ни времени попробовать с другой пистолет, ни особого желания, потому что я был уверен, что он бесполезен. Однажды я видел, что я не должен был просто отступать перед ним, иначе он быстро прижал бы меня к носу, как мгновение спустя, как он так чуть не ударил меня в корму. Однажды пойманный таким образом, и девять или десять дюймов окровавленного кинжала станут моим последним опытом на этой стороне вечности. Я уперся ладонями в грот-мачту, которая была довольно велика, и ждал, напрягая каждый нерв.

Увидев, что я собираюсь увернуться, он тоже остановился в момент или два прошли в ложных маневрах с его стороны и с соответствующих движениях с моей стороны. Это была такая игра, в которую я частотой играл дома с осками в бухте Блэк-Хилл; но никогда раньше, можете быть уверены, с таким бешено бьющимся сердцем, как теперь. Тем не менее, как я уже сказал, это была мальчишеская игра, и я думал, что смогу выстоять против пожилого моряка с раненым бедром. В самом деле, мое мужество начало подниматься так высоко, что я позволил себе несколько беглых мыслей о том, чем будет конец этого дела; и хотя я определенно видел, что смогу долготянуть его, я не видел никакой надежды на какой-либо окончательный выход.

Итак, пока все стояло таким образом, внезапно Эс-паньола пораженный, пошатнувшись, на мгновение приземлился на песок, а затем, молниеносно, как удар, накренился на левый борт, пока палуба не стала под углом сорок пять градусов, и около пунша воды выплеснулось в отверстия шпигата и лежало в луже между палубой и фальшбортом.

Нас обоих опрокинуло в одну секунду, и мы оба почти вместе покатались в шпигаты, а мертвый Красная Шапочка, все еще раскинув руки, с трудом кувыркался за нами. Мы были так близко, что моя голова ударилась о нос у рулевого с таким треском, что у меня застучали зубы. Удар и все такое, я снова был первым, потому что Хэндс ввязался в мертвое тело. Внезапный крен корабля сделал палубу неудобным для бега; Я должен был найти какой-то новый способ бегства, и это было немедленно, потому что мой враг почти коснулся меня. Быстро, как мысль, я вскочил в бизань-ванты, загрохотал, перебирая руками, и не перевел духа, пока не сел на перекрестье деревьев.

Я был спасен своей быстротой; кинжал не попал на полфута ниже меня, когда я продолжал свой восходящий полет; и там стоял Исраэль Хэндс с открытым ртом и обращенным лицом к моему, идеальная статуя удивления и разочарования.

Теперь, когда у меня появилась минутка для себя, я не теряю времени, изменил затвор своего пистолета, а затем, имея один наготове, чтобы быть вдвойне уверенным, я взял заряд другого и перезарядил его заново с самого начала.

Моя новая работа сразила Хэндса наповал; он начал увидеть, что кости идут против него, и после явного колебания тоже тяжело втянулся в ванты и, с кинжалом в зубах, начал медленно и мучительно взбираться наверх. Ему не стоило времени и стонов тащить за собой раненую ногу; и я тихозакончил свои приготовления прежде, чем он был намного больше чем треть пути. Затем, держа пистолету в обеих руках, я обратился к нему: «Еще один шаг, мистер Хэндс, — сказал я — и я вышибу вам мозг! Мертвецы не кусаются, знаете ли, — добавил я, посмеиваясь.

Он мгновенно оstanовился. По выражению его лица я мог видеть, что он пытался думать, и этот процесс был таким медленным и трудоемким, что в обретенной мною уверенности я громко рассмеялся. Наконец, сделав глоток или два, он заговорил, на лице его все еще с ох ранялось выражение крайнего недоумения. Чтобы заговорить, ему пришлось вынуть кинжал изо рта, но в остальном он осталься непреклонен.

«Джим, — говорит он, — я слышу, что мы с тобой запутались, ты и я, и нам придется подписывать статьи. Я бы имел тебя, если бы не этот крен; но мне не повезло, не мне; и я полагаю, что мне придется нанести удар, а это нелегко, как видите, для старшего матроса по сравнению с таким корабельным юнгером, как ты, Джим.

Я упивался его словами и улыбался, как самодовольный петух на прогулке, когда весь в дышании, назад прошла его правая рука через плечо. Что-то пропело в воздухе, как стрела; Я почувствовал удар, потом резкую боль, и тут меня плечом прижало к мачте. В ужасной боли и неожиданности момента — я едва ли мог сказать, что это было по моей собственной воле, и я уверен, что это было преднамеренно — оба моих пистолета выстрелили, и оба вырвались из моего

Руки. Они пали не одни; с с давленным криком рулевой
разжал венты и нырнул головой в воду.

Х Х VII «ВОСЬМЕ РКИ»

Из-за наклона судна мачты далеко нависали над водой, и с моего места на перекрестках я не видел под собой ничего, кроме поверхности залива. Хэндс, который был не так высоко наверху, оказался следовательно, ближе к кораблю и упал между мной и фальшбортом. Он поднялся на поверхность в пене из пены и крови, а затем снова затонул навсего да. Когда вода успокоилась, я увидел, как он лежит, с вернувшись калачиком, на чистом с ветлом песке в тени бортов корабля. Одна-две рыбы пронесли мимо его тела.

Иногда по дрожанию воды казалось, что он немного двигается как будто пытается подняться. Но он был действительно мертв, несмотря на все это, будучи и застреленным, и утонувшим, и был пищей для рыб в том самом месте, где он задумал мою резню.

Как только я убедился в этом, я почувствовал тошноту, слабость и ужас. Горячая кровь текла по моей спине и груди. Кортик, пригвоздивший мое плечо к мачте, казалось, горел, как раскаленное железо; но не столько эти настоящие страдания мучили меня, ибо их, как мне казалось, я мог выносить безропотно; это был ужас, который я испытывал, когда упал с перекрестка в эту тихую зеленую воду рядом с телом рулевого.

Я вцепился обеими руками, пока у меня не заболели ноги, и закрыл глаза. Глаза, словно чтобы скрыть опасность. Постепенно мой разум снова вернулся, мой пульс успокоился до более естественного ритма, и я снова овладел собой.

Моей первой мыслью было выдернуть кинжал; но либо это застряло с лишком сил, или мои нервы подвели меня, и я воздержался

сильная дрожь. Как ни странно, именно эта дрожь сделала свое дело. Нож, на самом деле, едва не промахнулся мимо меня, она держала меня всего лишь за цепотку кожи, и дрожь оторвала ее. Кровь текла, конечно, быстрее, но я снова был сам себе хозяин, и только пальто и рубашка были пристегнуты к мачте.

Эти последние я прорвал внезапным рывком, а затем вернулся на галубу через ванты правого борта. Ибо ничто в мире не осмелилось бы снова отважиться я потрясенный, на нависшие ванты порта, с которых так недавно пал Израиль.

Я спустился вниз и сделал все, что мог, для моей раны; это причиняло мне сильную боль, и все еще обильно кровоточило, но оно не было ни глубоким, ни опасным, и оно не причиняло мне сильной боли, когда я использовал свою руку. Затем я огляделся и, поскольку корабль теперь в каком-то смысле принадлежал мне, я начал думать о том, чтобы очистить его от последнего опасасажир — покойника О'Брайена.

Он, как я уже сказал, прислонился к фальшборту, где и лежал, как какая-то ужасная, неуклюжая марионетка; В натуральную величину, конечно, но как это отличается от цвета жизни или красoty жизни! В таком положении я легко мог с ним справиться, а так как привычка к трагическим приключениям терла почти весь мой страх перед умершим, я взял его за талию, как будто он был мешок с отрубями, и, одним хорошим рывком, повалил его за борт. Он вошел с громким прыжком; красная шапочка оторвалась и осталась плавать на поверхности; и как только всплеск стих, я увидел его и Исраэля, лежащих бок о бок, оба колеблющихся от дрожащего движения воды. О'Брайен, хотя еще совсем молодой человек, был очень лысым. Там он лежал с этой лысой головой на коленях человека, который его убил, и быстрые рыбы носились взад и вперед над обоими.

Я был теперь один на корабле; ситуация только что изменилась. Солнце было всего в нескольких градусах от захода, что тень от солнца на западном берегу уже начала падать прямо на якорную стоянку и узорами падать на берег.

галуба. Поднялся вечерний бриз, и, хотя он был хорошо защищен оломом с двумя вершинами на востоке, с нами начали тихонько петь, а праздные паруса загрохотали взад-вперед.

Я начал видеть опасность для корабля. Я быстро облил кливеры и бросил их на палубу, но с горючим делом обстояло сложнее. Конечно, когда шхуна накренилась, гик откинулся за борт, и его колпак и футили два паруса висели даже под водой. Я думал, что это сделало его еще более опасным, но напряжение было таким сильным, что я почти боялся вмешиваться. Наконец я взял нож и перерезал фалы. Пик мгновенно ушел, большое брюхо из рыхлой парусины поплыло по воде; а так как, сколько бы я ни тянул, я не мог сдвинуться с места, это было пределом того, что я мог сделать. В остальном надо полагаться на удачу, как и мне.

Эс-паньола

К этому времени вся корневая стая погрузилась в тень... последние лучи, я помню, падали через лесную поляну и ярко сияли, как драгоценные камни, на цветочной мантии затонувшего корабля. Становилось холодно, прилив быстро нес с нас сторону моря, шхуна все больше и больше оседала на борта.

Я протиснулся вперед и огляделся. Она казалась достаточно мелкой, и, держа перерезанный трос обеими руками для последней безопасности, я позволил себе мякнуть за борт. Вода едва доходила мне до пояса; песок был твердым и покрытым рябью, и я выбрался на берег в приподнятом настроении, оставив лодку на борту, а ее грот-шпринг-балочник я поперхнулся залива. Примерно в то же время солнце довольно зашло, и легкий ветерок свистел в сумерках среди качающихся сосен.

По крайней мере, и наконец, я был в море и не вернулся оттуда с пустыми руками. Там лежала шхуна, наконец очищенная от пиратов и готовая к тому, чтобы наши люди поднялись на борт и снова вышли в море. У меня не было ничего более близкого к моему воображению, чем вернуться домой к час токолу и похвастаться своими достижениями.

Возможно, меня можно немног оупрекнуть в том, что я прог уливал занятия, но повторная догадка была решаю щим ответом, и я надеялс я, что даже капитан С моллетт признаетс я, что я не терял времени зря

Подума в так и в извест ном рас положении дух а, я начал нас траиватьс я домой за блокг аузом и моими с путниками. Я вс помнил, что с амаявосточнаяиз рек, впадаю щих в якорную стоянку капитана Кидда, текла от двух вершинног ох олмас лева от меня и я изменил курс в этом направлении, чтобы пройти мимо ручья, пока он был мал. Лес был довольно открытым, и, держас ь нижних отрог ов, я вс коре с вернул за уг ол этог ох олма и вс коре перешел реку вброд до середины г олени.

Это приблизило меня к тому месту, г де я вс третил Бена. Г анн, темно-бордовый, и я шли более ос мотрительно, наблю дая с овсех сторон. Уже с овс ем с густились с умерки, и ког да я открыл рас щелину между двумя пиками, я заметил колеблю щес я зарево на фоне неба, г де, как я понял, ос тровитянин г отовил с ебе ужин перед реву щим ог онь. И вс е же я дивилс я в г лубине души, почему он показал с ебя таким бес печным. Ибо е сли бы я мог видеть это с ияние, разве не дос тиг ло бы оно г лаз с амог о С ильвера, ког да он рас положилс я лаг ерем на берег у среди болот?

Постепенно ночь становилас ь чернее; это вс е, что я мог с делать, чтобы вести с ебях отябы г рубо к месту назначения, двойной х олм позади меня и подозрнатруба в моей правой руке вырис овывались вс е слабее и слабее, звезды были редкими и бледными, и в низине, г де я бродил, я то и дело с потыкалс я среди кустов и с катывалс я в пес чаные ямы.

Внезапно на меня упало какое-то с ияние. я пос мотрел вверх ; бледный отблес к лунных лучей упал на вершину Подзорной трубы, и вс коре после этог о я увидел что-то широкое и серебрис тое, двиг авшеес я низко за деревьями, и понял, что луна взошла.

С этим, чтобы помочь мне, я бы стро прошел через то, что ос талос ь мне о моем путешеств ии; и, иног да пешком, иног да

бегом, нетерпеливо приблизились к частоколу. Тем не менее, когда начал пробираться сквозь раскинувшуюся перед ним рощу, я не был настолько легкомысленным, что замедлил шаг и пошел с некоторой осторожностью. Если бы моя ответственная группа по ошибке застрелила меня, это было бы плохим концом моих приключений.

Луна поднималась все выше и выше; его свет начался падали тут и там сквозь более открытые участки леса, и прямо передо мной среди деревьев появилось зарево другого света. Оно было красивое и горячее, а время от времени немного темнело — точно тлели угольки костра.

На всю жизнь я не мог подумать, что это может быть.

Наконец я подошел прямо к границе поляны.

Западный конец был уже пропитан светом; остальное и с амсруб все еще лежали в черной тени, испещренной длинными серебристыми полосами света. С другой стороны дома огромный костер превратился в чистые уголки и испускал ровное красное эхо, резко контрастирующее с мягкой бледностью луны.

Не было ни шевеления души, ни звука кроме шума ветра.

Я остановился с большим удивлением в сердце и, может быть, с легким страхом. Мы не умели разводить большие костры; мы действительно, по приказанию капитана, несколько купы на дрова, и я начал опасаться, что что-то пошло не так, пока я отступал.

Я подкрался к восточному концу, держась поближе в тени, и в удобном месте, где темнота была самой густой, пересек частокол.

Чтобы удостовериться, я встал на четвереньки, и бесшумно пополз к углу дома. Когда я подошел ближе, мое сердце внезапно и сильно полегчало. Это был неприятный шум сам по себе, и я час то жаловался на него в другое время, но тогда это было похоже на музыку, когда я слышу, как мои друзья так громко и громко хохочут вместе.

мирные восне. Морской крик часов, это прекрасное
«Все хорошо» никогда не достигали моего уха более ободряюще.

Между тем в одном не было никаких сомнений; они вели
печально известную плохую войну. Если бы сейчас к
ним подкрадывался Сильвер и его ребята, ни одна душа не
увидела бы расвета. Вот что значит, подумал я, ранить
капитана; и снова резко упрекнул себя за то, что оставил
их в такой опасности, когда так мало людей несли их рану.

К этому времени я добрался до двери и встал. Внутри все
было темно, так что я ничего не мог различить на глаз.
Что касается звуков, то слышался ровный гул хрипящих и
тихий случайный шум, мерцание или клевание, которые я
никак не мог объяснить.

Вытянув руки перед собой, я неуклонно вошел. Я должен
лечь на свое место (думал я тихопосмеиваясь) и наладиться
их лицами, когда они найдут меня утром. Моя нога наткнулась
на что-то податливое — это была нога с пятого, и он повернулся
и застонал, но не проснулся.

И вдруг из
темноты:

«Восемь! штук восемь! штук восемь! кусочки
восемь! штук восемь!» и так далее, без пауз и изменений,
как стук крошечной мельницы.

Зеленый попугай Сильвера, капитан Флинт! Я слышал, как
она клевала кусок коры; именно она, бдительная лучше любого
человека, возвестила о моем прибытии с воим
утомительным рефреном.

У меня не было времени, чтобы встать. От резкого
отрывистого тона попугая с пятого проснулись и вскочили, и с
могучей руганью голос Сильвера
закричал: «Кто идет?»

Я повернулся, чтобы бежать, резко ударил одного
человека, отпрянул и бросился в объятия второго, который, с
своей стороны, сомкнулся и крепко держал меня.

-- Принес и фонарик, Дик, -- сказал Сильвер, когда моя поимка была обеспечена.

И один из мужчин вышел из бревенчатого дома и вскоре вернулся с зажженной головней.

ЧАСТЬ VI

КАПИТАН С ИЛЬВЕР

Х Х VIII ВЛАГ Е Р Ь ВРАГ А

Крас ный свет факела, освещающаго внутреннюю часть блокпоста, показал мне, что худшие из моих опасений оправдались. Пираты владели домом и маг азинами; была бочка коньяка, была с винина их леб, как прежде; и, что десятикратно увеличило мой ужас, не признак ни одного заключенного. Я мог только судить, что все пог ибли, и сердце мое сильно жалось от того, что я не был там, чтобы пог ибнуть вместе с ними.

Всего было шестеро пиратов; не другой мужчина остался жив. Пятеро из них были на ногах, раскрасневшиеся и опухшие, вдруг вызвавшие из первого пьяного сна. Шестой только приподнялся на локте; он был смертельно бледен, и окровавленная повязка вокруг его головы говорила, что он был недавно ранен и еще недавно одет. Я вспомнил человека, который был застрелен и убежал в лес во время большой атаки, и не сомневался, что это был он.

Попугай сидел, приводя в порядок свое оперение, на плече Длинного Джона. Сам он, как мне показалось, выглядел несколько бледнее и суровее, чем я привык. Он все еще носил с собой прекрасный костюм из сукна, в котором он выполнил свою миссию, но он был сильно изношен, вымазан глиной и порван острыми шипами дерева.

«Итак, — сказал он, — вот и Джим Хокинс, черт с ним! зашел, типа, а? Ну, давай, я принимаю это по-дружески.

И тогда он сел над бочкой бренди, и стал набивать трубу.

-- Дай мне взаймы ссылку, Дик, -- сказал он. а потом, когда у него было хорошее вет. «Сойдет, мой мальчик, — добавил он, — воткните мерцание в кучу дров; а вы, джентльмены, опомнитесь! Вам незачем заступаться за мистера Хокинса; а да извините, вы можете солгать. Итак, Джим, — останавливая табак, — вот он, приятный сюрприз для бедного старого Джона. Я вижу, ты был умным, когда впервые увидел тебя, но это ускользает от меня наистоту, это так.

На все это, как можно предположить, я ничего не ответил. Они поставили меня спиной к стене, и я стоял там, глядя Сильверу в лицо, достаточно рабро, надеюсь, по внешнему виду, но с черным отчаянием в сердце.

Сильвер очень хладнокровно затянулся парой трубок, а затем снова продолжил: -- Вот видишь,

Джим, так будь, как хочешь. являюсь вот, — говорит он, — я вам кое-что скажу. Вы мне всегда нравились, как парень духа, и образ самозабвения, когда я был молод и красив. Я всегда хотел, чтобы ты прыгнул, взял свою долю и умер джентльменом, а теперь, мой член, ты должен это сделать. Капитан Смоллетт — прекрасный моряк, в чем я когда-нибудь признаюсь, но он суров в дисциплине. «Дути есть дути», — говорит он, и он прав. Только держись подальше от кэпа. Сам доктор опять закончился, вы — «неблагодарный негодяй» было то, что он сказал; и короткая и длинная часть всей истории примерно здесь: вы не можете вернуться на свою долю, потому что они не хотят вас; а если вы сами не создадите третью корабельную компанию, что может быть одиноко, вам придется объединиться с капитаном Сильвером.

Все идет нормально. Значит, мои друзья были еще живы, и хотя отчасти поверил словам Сильвера о том, что в их жине были возмущены моим дезертирством, то, что я усылал, испытало скорее облегчение, чем огорчение.

-- Я ничего не говорю о том, что вы в наших руках, -- продолжал Сильвер, -- хотя вы здесь и можете солгать. Я за споры; Я никогда не видел, чтобы добро вышло из-под угроз. Если вам нравится обслуживание, что ж, вы будете шутить; и если

ты не знаешь, Джим, ну ты волен ответить «нет» —добро пожаловать, товарищпо плаванию; и, ес ли с праведливее может с казать с мертвый моряк, с одрог айтес ь!

—Значит, мне отвечать? —с прос ил яочень дрожащимг олос ом.
Через вс е эти нас мешливые разг оворы япочувс твовал навис шую надо мной уг розу с мерти, и мои щекиг орели, и с ердц е болезненно билос ь в г руди.

—Парень, —с казал С ильвер, —никто натебяне давит.
Сориентиру йтес ь. Никто из нас не будет торопить тебя приятель;
видишь ли, в твоей компании так приятно проводить время

-- Чтож, -- г оворю я ос мелев, -- ес ли уж выбирать, то я заявляю ,
что имею правознать, чток чему, и почему вы здес ь, и г де мои друзья

—Ч то такое? повторил один из пиратов, в г лубоком
рычать. «Ах , он был бы с час тливчиком, ес ли бы знал это!»

-- Может быть, вы будете заdraивать с вои лю ки, пока не
г оворил, мой друг , - резкокрикнул С ильверэтому г оворившему.
И затем, в с воем первомлюбезномтоне, он ответил мне: «Вчера утром,
мис терХ окинс , —с казал он, —в с обачью вах ту с пус тилс я
докторЛивс ис мирнымфлаг ом.
Он г оворит: «КэпС ильвер, ты продалс я Корабль ушел! Ну, может быть,
мы взяли с такан и пес ню , чтобы ус покоитс я
Я не с кажу нет. По крайней мере, никто из нас не выг лянул наружу .
Мы выг лянули, и, клянус ь г ромом! с тарый корабль ис чез. Я никог да не
видел, чтобы с таядураков выг лядела более подозрительно; и вы можете
с олг ать, ес ли яс кажу вам, чтовыг лядел с амымподозрительным. «Ну,
—г оворит доктор, —давайте торг оватс я». Мы торг овалис ь, он и я и
вот мы здес ь; припас ы, бренди, блокг ауз, дрова, которые вы так
предус мотрительно нарубили, и, так с казать, вс ю благ ос ловенную
лодку, от крес товины до кильс она. Ч токас аетс яих , то они
топталис ь; Я не знаю , г де они».

Он с новатих озатянулс ятрубкой.

-- А чтобы вам не взбрело в г олову, -- продолжал он, -- что вас
включили в дог овор, вот пос леднее с лово, которое было с казано: "С колько
вам, -- г оворю , -- уй ти?" —Ч етверо, —г оворит он, —ч етверо, и один из
нас ранен. Ч токас аетс яэтог о

мальчик, я не знаю, где он, черт его побери, — говорит он, — и мне все равно. Мы уже устали от него. Это были его слова».

"В том, что все?" Я спросил.

— Что ж, это все, что ты должен услышать, сын мой, — ответил Сильвер.

— И теперь мне выбирать?

— А теперь вам выбирать, и вы можете положиться на это, — сказал Сильвер.

-- Что ж, -- сказал я -- я не такой уж дурак, но я прекрасно знаю, что мне нужно искать. Пусть худшее придет к худшему, меня это мало волнует. Я видел слишком много смертей с тех пор, как связался с тобой.

Но я должен кое-что тебе сказать, — сказал я к тому времени уже был весьма взволнован; «и первый такой: вот тебе и плох; корабль потерян, с окровища потеряны, люди потеряны; весь ваш бизнес потерпел крах; и если хочешь знать, кто это сделал — это был я. Я был в бочке из-под яблоч в ту ночь, когда мы увидели землю, и я слышал тебя, Джон, и тебя Дика Джонс она, и Хэндс, который сейчас на дне моря, и говорил каждое твоё слово до истечения часа. А что касается яхт уны, то это я перерезал ей трос, и это я убил людей, которые были у вас на ее борту, и это я привел ее туда, где вы ее больше никогда не увидите, ни один из вас. Смех на моей стороне; У меня была вершина этого бизнеса с самого начала; Я боюсь тебя не больше, чем мухи. Убейте меня, пожалуйста, или пощадите. Но одно скажу, и не более того; если вы меня пощадите, прошлое осталось в прошлом, и когда вы, ребята, пойдете под суд за пиратство, я спасу вас, чем смогу. Вам решать. Убейте друг друга и не принесите себе пользы, или пощадите меня и оставьте свидетеля, чтобы спасти вас от виселицы.

Я становился, ибо, говорю вам, запыхался и, к моему удивлению, ни один из них не шевельнулся, а все сидели и смотрели на меня как овцы. И пока они все еще глядели на меня, я снова выпалил: -- А теперь, мистер Сильвер, -- сказал я -- я читаю,

что вы самый лучший человек.

здесь, и если дела пойдут совсем плохо, я буду любезен с вашей стороны сообщить доктору, как это вы принял.

— Буду иметь в виду, — сказал Сильверс таким любознательным акцентом, что я не мог, хоть убей, решить, смеялся ли он над моей просьбой или на него благоотворно подействовала моя рабская просьба.

— Я добавлю к этому еще одну, — воскликнул старый матрос с лицом цвета красной древесины по имени Морган, которого я видел в трактире Лонга Джона на причалах Бристоля. — Это он знал Черного Пса.

-- Ну вот, -- прибавил морской повар, -- я еще к этому еще подложу, ей-богу! потому что это был тот самый мальчик, который подделал карту Билли Бонса. Первыми и последними мы разделились по поводу Джима Хоккинса!

— Тогда вперед! — сказал Морган, присягая.

И он вскинул, выхватив нож, как будто ему было двадцать.

«Аваст, там!» — воскликнул Сильверс. «Кто ты, Том Морган? Возможно, вы думали, что вы здесь капитан. Посилам, но я лучше тебя научу! Перекрестись со мной, и ты пойдешь туда, куда до тебя шли многие хорошии люди, первые и последние, эти тридцать лет назад, — некоторые на рею, дрожь мне в бок! а некоторые у доски, и все для того, чтобы кормить рыб.

Еще ни один мужчина не смотрел мне в глаза и не видел хорошегодня после этого, Том Морган, можешь соврать.

Морган помолчал, но остальные посматривали с хриплым ропотом.

— Том прав, — сказал один.

«Я дос таточно дол го стоял, де до щина от одног о», — добавил дру г ой. «Меня повес ят, ес ли ты буд ешь изде ватьс я надо мной, Джон Сильверс».

— Кто-нибудь из вас, джентльмены, хотел разобратъяс с этим? — мне взревел Сильверс, наклоняяс ь далеко вперед от своей позиции на бочонке, с трубкой, все еще пылающей в правой руке. «Назовите то, чем вы занимаетесь; ты не тупой, яс читаю. Кто х очет, тот получит. Неужели я прожил столько лет для того, чтобы сукин сын нах лобучил шляпу поперек моего отрос а на дальнем его конце? Вы знаете дорогу; вы все джентльмены удачи, по вашему мнению. Что ж, я готов. Возьми кортик, тот, что

ос мелитс я и яувиху ц вет ег овнутреннос тей, кос тылей и вс ег о
ост альног о, прежде чемэтатруба опус тает.

Никто не шевельнулс я не мужчина ответил.

—Этотвой тип, не так ли? —добавил он, возвращаятрубку корту. «Ну, в лю бом
с лучае, натебяможно с мотреть как наг ея. Не с тоит мног о боротс я вы не.
Возможно, вы понимаете анг лийс кий короляДжорджа. Я капитан здес ь по
лекц иям. Я здес ь капитан, потому чтоялучший человек на длинную морс кую
милю. Вы не будете дратс я как должны джентльмены удачи; тог да, клянус ь
г ромом, вы повинуетес ь и можете с олг ать! Теперь мне нравитс яэтот мальчик;
Я никог да не видел лучшег о мальчика, чемэтот. Он больше человек, чем
любаяпараваших крыс в этом доме, и вот чтояг оворю: дайте мне увидеть
тог о, кто наложит на нег о руку, вот чтояг оворю, и вы можете с олг ать.

Пос ле этог о была долг ая пауза. Я с тоял прямо у с тены, мое с ердц е вс е
еще колотилос ь, как кувалда, нос лучом надежды, который тепер ь с иял в моей
г руди. Сильвер прис лонилс яс пиной к с тене, с крестив руки, с трубкой в уг олке
рта, так с покойно, как будто он был в ц еркви; однако ег о взг ляд продолжал
украдкой блуждать, и он держал х вос т нас воих непокорных пос ледователя .
Они, с ос воей с тороны, пос тепенно с ближалис ь к дальнему конц у блокпос та,
и тих ое шипение их шепота непрерывно, как ручей, звучало в моих ушах . Один за
друг им они поднимали г лаза, и крас ный с вет факела падал нас екунду на их
нервные лиц а; но не на меня а на Сильвера они обратили с вои взоры.

-- Пох оже, тебе есть чтос казать, -- заметил Сильвер, с плю нув.
далеко в воздух . «Трубите трубку и дайте мне пос лухать или с олг ать».

-- Прошу прощ ения с эр, -- ответил один из мужчин. «Ты довольно с вободен с
некоторыми правилами, может быть, ты будеш ь лю безен с ледить за ост альными.
Эта команда недовольна; эта команда не запуг ивает marlinspike; эта команда имеет
с вои права, как и друг ие команды, яс делаю это с вободным; и потвоим
с обс твенным правилам, ятак понимаю, мы можем пог оворить вмес те. Прошу прощ ения
с эр,

признаю, что вы сейчас берете в плен, но я заявляю о своем праве и выхожу на совет.

И, искусно отслютовав морю, этот долговящий, болезненный вида желтого лазый мужчина тридцати пяти лет хладнокровно шагнул к двери и исчез из дома. Один за другим остальные последовали его примеру, каждый отслютовал, когда он проходил, каждый добавил немного извинений. — По правилам, — сказал один. — Совет Фокса, — сказал Морган. Итак, с тем или иным замечанием все разошлись, оставив Сильвера и меня наедине с факелом.

Морской повар тотчас вынул трубку.

— А теперь послушайте, Джим Хокинс, — сказал он ровным, едва слышным шепотом, — вы на грани с мертвыми, что еще хуже, пыток.

Они собираются бросить меня. Но заметьте, я поддерживаю вас, несмотря ни на что. Я не хотел; нет, пока ты не заговорил. Я был на грани отчаяния, чтобы потерять так много костей и быть повешенным в придачу. Но я вижу, вы были правильным выбором. Я говорю себе: ты поддержишь Хокинса, Джон, и Хокинс поддержит тебя. Ты его последняя карта, и, клянусь богом, Джон, он твой! Спинакспине, говорю я. Ты спасешь своего свидетеля, а он спасет твою шею!

Я начал смутно понимать.

— Ты имеешь в виду, что все потеряно? Я спросил.

— Да, клянусь жвачкой! он ответил. «Корабль пропал, шея пропала — вот он размер. Однажды я заглянул в ту бухту, Джим Хокинс, и не увидел шхуны — ну, я крутой, но я сдался. А что до этих людей и их совета, заметьте, они откровенные дураки и трусы. Я спасу твою жизнь — если только смогу — от них.

Но послушайте, Джим, — окаяние — вы спасаете Длинного Джона от раскочки.

Я был сбит с толку; это казалось таким безнадежным, что он спрашивал — он, старый пират, главарь во всем.

— Что могу сделать, то я и делаю, — сказал я.

"Это сделка!" — воскликнул Длинный Джон. «Ты говоришь с мелом, и, черт возьми, у меня есть шанс».

Он доковылял до факела, который стоял, опираясь на дрова и закурил с вою трубку.

— Пойми меня, Джим, — сказал он, возвращаясь. «У меня есть голова на плечах, есть. Теперь я на стороне сквайра. Я знаю, что этот корабль где-то в безопасности. Как ты это сделал, я не знаю, но это безопасно. Думаю, Хэндс и О'Брайен стали мячиками. Я никогда обо мне не верил ни в то, ни в другое. Теперь ты отмечаешь меня. Я не задаю вопросов и не позволю другим. Я знаю, когда игра закончилась, я знаю; и я знаю парня, который стоит. Ах, вы, молодые, мы с вами могли бы сделать вместе много добра!

Он налил немного коньяка из бочки в консервную банку.

— Попробуешь, приятель? — спросил он, а когда отказался. — Ну, Джим, я сам выпью, — сказал он. «Мне нужен герметик, потому что есть проблема. Кстати, Джим, зачем этот доктор дал мне карту?

Мое лицо выражало не только невозмутимое удивление, что он понял ненужность дальнейших вопросов.

-- А, ну, так оно и было, -- сказал он. «И есть что-то из-за этого, без сомнения.. что-то, Джим, наверняка из-за этого... плохое или хорошее.

И он сделал еще один глоток бренди, качая большой белокурой головой, как человек, предвкушающий худшее.

XXIX

ЧЕРНОЕ ПЯТНО С НОВА

Совет пиратов продолжался некоторое время, когда один из них снова вошел в дом и, повторив тот же приветствие, которое в моих глазах звучало иронично, попросил на минутку одолжить факел. Сильвер ненадолго согласился, и этот эмиссар снова удалился, оставив нас вместе в темноте.

-- Подует ветерок, Джим, -- сказал Сильвер, уже на этот раз приняв вполне дружелюбный и фамильярный тон.

Я повернулся как ближайшей ко мне лазейке и выглянул наружу. Тлеющие угли большого костра уже догорели и теперь свистели так низко и сумрачно, что я понял, почему эти заговорщики желали факела. Примерно на полпути вниз по склону к частоколу они собрались в группу; один держал свет; другой стоял на коленях посреди них, и я видел, как лезвие открытого ножа сияло в его руке разными цветами в лунном свете и свете факелов. Остальные все несколько сутулились, как бы наблюдая за маневрами этого последнего. Я мог только разобрать, что у него в руке была книга, а также нож; и все еще недоумевали, как что-то столь нелепое попало к ним в руки, когда колено преклоненная фигура снова поднялась на ноги, и вся компания начала двигаться к дому.

"Вот они идут," сказал я и повернулся на свое прежнее место, потому что мне казалось ниже моего достоинства, что они заставят меня наблюдать за ними.

— Ну, пусть идут, парень, пусть идут, — весело сказал Сильвер. — У меня еще есть шот в шкафчике.

Дверь открылась, и пятеро мужчин, прижавшись друг к другу, толкнули вперед одного из них. При любых других обстоятельствах было бы комично видеть его медленное продвижение вперед, колеблющегося, когда он ставит каждую ногу, но держа перед собой сомкнутую правую руку.

—Поднимайся, парень, — крикнул Сильвер. «Я не буду есть тебя. Передать его, жир. Я знаю правила, я знаю; Я не причиню вреда депутации.

Ободренный таким образом пират шагнул вперед еще резче и, передав что-то Сильверу из рук в руки, еще ловчее проскользнул обратно к своим товарищам.

Морской повар посмотрел на то, что ему дали.

«Черное пятно! Я так и думал, — заметил он. «Где может у тебя есть бумага? Почему, привет! смотри сюда, сейчас; это не повезло! Вы пошли и вырезали это из Библии. Какой дурак порежет Библию?»

-- А вот, -- сказал Морган, -- вот! Что я сказал? Ничего охорошего из этого не выйдет, сказал я

-- Что ж, вы уже почти починили это среди вас, -- продолжал Серебро. — Я думаю, теперь вы все будете качаться. У какого легкомысленного болвана была Библия?

«Это был Дик», — сказал один из них.

«Дик, это было? Тогда Дик может приступать к молитве, — сказал Сильвер. «Он видел свою долю счастья, Дик, и вы можете соврать».

Но тут вмешался выскочивший мужчина с желтыми глазами.

«Оставь этот разговор, Джон Сильвер, — сказал он. «Эта команда натолкнула вас на черную метку в полном совете, как в дути; просто переверни его, как в dootybound, и посмотри, что там написано. Тогда ты сможешь поговорить.

-- Спасибо, Джордж, -- ответил морской повар. — Ты всегда был проворным в делах и помнишь правила наизусть, Джордж, как я рад видеть. Ну, что же это такое? Ах! "Смещен" - это что? Очень красиво написано, что и говорить; как печать, клянусь. Твоя рука пишет, Джордж? Что ж, ты становишься лидером в этой бригаде. Ты будешь капитаном следующим, я

не должен удивляться я Просто одолжи мне этот факел еще раз, хорошо? эту трубу не рисуй».

—Ну же, —сказал Джордж, —больше не обманывай эту команду. Судя по вашему мнению, вы забавный человек; но с тобой покончено, и ты, может быть, сойдешь с этой бочки и поможешь проглотить.

-- Я думал, ты сказал, что знаешь правила, -- ответил Сильвер. презрительно. —По крайней мере, если не ты, то знаю я и подожду здесь - и я все еще ваш капитан, заметьте, - пока вы не уйдете с вашими обидами, и я отвечу; а пока это черное пятно выведенного яйца не стоит. После этого посмотрим».

—О, —ответил Джордж, —вас ничто не пугает; все квадратные, мы. Во-первых, вы ^{были} на этом круизе —вы будете наглым человеком, если откажетесь от этого.

Во-вторых, вы зря выпускаете врага из этой ловушки.

Почему они хотели уйти? Не знаю, но ясно, что они этого хотели. В-третьих, вы не позволили бы нам пойти на них на марше. О, мы видим вас нас квозь, Джон Сильвер; вы хотите играть попой, вот что с вами не так. И потом, в-четвертых, вот этот мальчик.

"В том, что все?" —тихо спросил Сильвер.

—Их ватит, —возразил Джордж. «Мы все раскачаем и выдохнем на солнышке за вашу неуклюжесть».

—Ну, вот, смотри, я отвечу на эти четыре очка; один за дружку я отвечу на них. Я напортачил в этом круизе, не так ли? Ну, теперь вы все знаете, чего хотели; и вы все знаете, что если бы это было сделано, мы были бы на борту

Эс-паньола в эту ночь, как всегда, все мужчины живы, здоровы, полны хороших оливковых пухов и окровавленных трюм, ей-богу! Ну кто мне перешел? Кто принуждал меня как законный капитан? Кто подсказал мне черную точку в тот день, когда мы приземлились, и начал этот танец? Ах, это прекрасный танец —я с вами там —и выглядит мощно, как орнамент на конце веревки в доке казней в Лондоне, так и есть. Но кто это делал? Ведь это были Андерсон, Хэндс и ты, Джордж Мерри! И ты последний надс ответом

та с амаяназойливая команда; и у вас есть наглость Дэви Джонса, чтобы встать и сдаться капитаном надо мной - вы, которые потопили многих из нас! Силами! но это сводит на нет самую жесткую пряжу».

Сильвер помолчал, и полицам Джорджа и с воим покойным товарищам, что эти слова были сказаны не напрасно.

-- Это первое, -- воскликнул обвиняемый, вытирая пот со лба, потому что он говорил с горячностью, которая потрясла весь дом. — Да что ж, даю вам слово, мне тошно с вами говорить. У тебя нет ни ума, ни памяти, и я ставлю фантазировать, где были твои матери, позволившие тебе выйти в море. Море! Джентльмены удачи! Я полагаю, что портные — это ваша профессия

— Продолжай, Джон, — сказал Морган. «Поговори с остальными».

— Ах, другие! вернулся Джон. «Они хороши люди, не так ли? они? Вы говорите, что этот круиз провален. Ах! по резинке, если бы вы могли понять, насколько она сварганена, вы бы увидели! Мы так близки к виселице, что у меня затекла шея, когда я думаю об этом. Вы, может быть, видели их висящими на цепях, птицами вокруг них, морями, помечающими их, когда они идут ко дну с приливом. 'Кто это?' говорит один. 'Что! Да ведь это Джон Сильвер. Я хорошо его знал», — говорит другой. И вы можете услышать, как звенят цепи, когда вы идете и тянетесь к другому бую. Так вот, где мы наодимся сын каждой матери, благодарному, и Хэнду, и Андерсону, и другим дуракам-разрушителям из вас. И если вы хотите знать номер четыре и о том мальчике, то, черт возьми, мои бревна! он не заложник? Мы собираемся потерять заложника? Нет, не мы; он может быть нашим последним шансом, и я не должен удивляться. Убить того мальчика? не я товарищи! И номер три? Ах, ну, есть дело, чтобы сказать номер три. Может быть, вы не считаете пустяком, что к вам каждый день приезжает насмешливый врач из колледжа — вы, Джон, с разбитой головой, — или вы, Джордж Мерри, который всегда шестчасов назад лихорадка трясла, и твои глаза цвета лимонной корки в тот самый момент на

Ч а с ы? А может быть, возможно, вы тоже не знали, что придет с у п р у г а? Но е с т ь, и не так долг о д о т е х п о р; и мы увидим, кто будет рад иметь заложника, ког да дело дох одит до этог о. А что до второг о, и почему язаключил с делку, - ну, ты приполз на коленях ко мне, чтобы с овершить ее, - на коленях ты пришел, ты был такой унылый, - и ты бы тоже умер с г олоду, е с л и б ы я не т-но это пус т я! ты пос мотри туда — вот почему!

И он швырнул на пол бумаг у, которую я с разу узнал, — не что иное, как карту на желтой бумаг е с тремя красными крестами, которую я нашел в клеенке на дне капитанс ког о с у н д у к а. Почему доктор дал ему это, было больше, чем я мог с ебе представить.

Но е с л и для меня это было не объяс нимо, то для о с т а в ш и х с я в живых мятежников появление карты было невероятным. Они прыг нули на нег о, как кошки на мыш ь. Он перех одил из рук в руки, один рвал ег о у друг ог о; и по руг ательс твам, крикам и детс кому с мех у, которыми они с опровождали с вой о с мотр, можно было подум ать, что они не только перебирали с а мое золото, но и нах одилис ь с ним в море, притом в безопас нос ти.

— Да, — с казал один, — это точно Флинт. JF и оц енка внизу, с близкой заминкой к нему, так он делал ког да-либо».

— Очень крас иво, — с казал Джордж. — Но как же нам уйти, а корабля у нас нет?

Сильвер вдруг вс кочил и, опершис ь рукой о с т е н у, с казал: «Теперь я предупреждаю тебя Джордж, — воскликнул он. «Е щ е одно с л о в о твоег о с о у с а, и я вызову тебя и буду драт ь с я с тобой. Как? Почему, откуда я знаю? Ты должен был с казал мне это — ты и о с т а л ь н ы е, которые потеряли мою шх уну, с твоим вмешательс твом, с же ч ь тебя! Но не ты, ты не можешь; у вас нет изобретения таракана. Но вы можете г оворить вежливо и будете г оворить, Джордж Мерри.

— Это с праведливо, — с казал с тарик Морг ан.

"С праведливый! Я так думаю, — с казал морс кой повар. «Вы потеряли корабль; Я нашел с окровищ е. Кто лучший мужчина в этом? И теперь я

в отставку, клянусь громом! Выберите сейчас, кого хотите, с вашим капитаном; Я закончил с этим».

"Серебро!" они плакали. «Барбекю навсегда! Барбекю для капитана!»

—Так это мультяшка, да? — воскликнул повар. «Джордж, я думаю, тебе придется подождать еще один ход, друг, и тебе повезло, потому что я не мистический человек. Но это никогда не было моим путем. А теперь, товарищи, это черное пятно? Теперь не так много орешков, не так ли? Дикун повезло, он испортил свою Библию, вот и все».

—Можно еще поцеловать книгу, не так ли? — проворчал Дик, которого явно беспокоило проклятие, которое он навлек на себя

«Библия с обрезанным кусочком!» — насмешливо ответил Сильвер. «Нет. Это не больше, чем книга баллад».

—Но не так ли? воскликнул Дик, с видом радости. — Ну, я думаю, это тоже стоит иметь.

—Вот, Джим, вот тебе лубок твою, — сказал Сильвер и бросил мне бумагу.

Это была круглая монета размером с монету. Одна сторона была чистой, потому что это был последний лист; другая сторона держала пару стихов из Откровения — эти слова среди прочих, которые резко поразили мой разум: «Внепсы и убийцы». Отпечатанная сторона была зачернена древесной золой, которая уже начала отслаиваться и пачкать пальцы; на пустой стороне тем же материалом было написано одно слово «низложен». У меня есть это лубок твою рядом с собой в этот момент; но теперь не осталось и следа писем, кроме единой царапины, которую человек мог бы поставить ногтем большого пальца.

На этом ночные дела закончились. Вскоре после того, как все выпили, мы легли спать, и снаружи место Сильвера заключалось в том, чтобы поставить Джорджа Мерри часовым и пригрозить ему смертью, если он окажется неверным.

Я долго не мог сомкнуть глаз, и, видит бог, у меня было достаточно материала для размышлений в человеке, которого я убил.

В тот день, в моем самом опасном положении и, прежде всего, в замечательной игре, в которую, как я видел, сейчас вовлечен Сильвер, - удерживая мятежников вместе одной рукой, а другой цепляясь за все средства, возможные и невозможные, чтобы умиротворить его и спасти его жалкую жизнь.

Сам он мирно спал и громко храпел; тем не менее мое сердце болело за него, каким бы злым он ни был, когда я думал о темных опасностях, окружавших его, и о постыдной виселице, ожидавшей его.

X X X
НАУДО

Я был разбужен — да, мы все проснулись, потому что я видел, как даже часовой встряхнулся с того места, где он упал на косяк двери, — ясным, сердечным голосом, окликнувшим нас с опушки леса:

«Блокхаус, привет!» оно плакало. — Вот доктор.

И доктор это был. Хотя был рад услышать звук, но радость моя была не без примеси. Я с замешательством вспоминал свое непокорное и скрытное поведение; и когда я увидел, куда оно меня занесло, среди каких товарищей и в каких опасностях, мне стало совестно смотреть ему в лицо.

Должно быть, он встал в темноте, потому что день еще не настал; и когда я пробежал к бойнице и выглянул наружу, я увидел, что он стоит, как когда-то Сильвер, до середины ног и в ползучем паре.

«Вы, доктор! Добро утро вам, сэр! — воскликнул Сильвер, мгновенно проснувшись и сияя добродушием.
«Ярко и рано, чтобы быть уверенным; а ранняя пташка, как говорят, получает паек. Джордж, встряхни свои бревна, сынок, и помоги доктору Ливсу перебраться через борт корабля.
Все в порядке, ваши пациенты были... все здоровы и веселы.

Так что он топтал, стоя на вершине холма, с косяком под локоть, а одной рукой на краю бревенчатого дома — с овсом старый Джон голосом, манерами и выражением лица.

— У нас и для вас есть сюрприз, сэр, — продолжил он.

— У нас здесь маленький незнакомец — он! он! Новичок и постоялец, сэр, и выглядит подтянутым и подтянутым, как с криком; спал как

суперкарго, он это с делал, прямо рядом с Джоном — мы шли от носа к носу всю ночь.

Доктор Ливсик к этому времени уже был за час токолом и с овсем рядом с поваром, и я слышал, как изменился его голос, когда он сказал: «Не Джим?»

«Тот самый Джим, каким он был всегда, — говорит Сильвер.

Доктор сразу остановился, хотя и не произнес ни слова, и прошло несколько секунд, прежде чем он, казалось, смог двигаться дальше.

-- Ну-ну, -- сказал он наконец, -- с начала долг, а уж потом удовольствия, как ты сам мог бы сказать, Сильвер. Давайте перечислим этих ваших пациентов.

Через мгновение он вошел в блокгауз и, мрачно кивнув мне, продолжил свою работу среди больных. Казалось, он ничего не опасался, хотя должно быть, знал, что его жизнь среди этих коварных демонов зависела от волоса, и он болтал со своими пациентами, как будто наносил обыкновенный профессиональный визит в тихую английскую семью. Его манера, я полагаю, походила на матросов, ибо они вели себя с ним так, как будто ничего не произошло, как будто он все еще был корабельным врачом, а они все еще верными руками у мачты.

— Ты хорошо управляешься, мой друг, — сказал он парню с забинтованной ногой, «и если кто-то и бился ногой, так это ты; твоя нога должна быть тверда как железо. Ну, Джордж, как дела? Вы, конечно, красивого цвета; почему, твоя печень, чувак, перевернута. Ты принимал это лекарство? Он принял это лекарство, мужики?

-- Да, да, сэр, он точно понял, -- ответил Морган.

«Потому что, видите ли, раз я врач мятежников или тюремный Доктор, как я предпочитаю называть это, — говорит доктор Ливсик самым приятным тоном, — я читаю делом чести не потерять человека из-за короля Георга (благослови его Бог!) и виселицы.

Негдари переглянулись, но молча проглотили домашний толчок.

— Дик неважно себя чувствует, сэр, — сказал один.

— Не так ли? ответил доктор. — Ну, подойди сюда, Дик, и дай мне увидеть твой язык. Нет, я бы удивился если бы он это сделал; язык человека с пособен нагугать французов. Еще одна лишняя орадка.

-- А, вот, -- сказал Морган, -- это из-за разбрасывания Библий.

-- Это произошло, как вы это называете, от того, что вы были отъявленными ослами, -- возразил доктор, -- и не имели ума отличить честный воздух от яда и сухую землю от мерзкой, заразной трясины. Я думаю, что наиболее вероятно —хотя конечно, это все го лишь мое мнение, — что вам всем придется заплатить двойку, прежде чем вы избавитесь от этой малярии. Лагерь в болоте, не так ли? Сильвер, ты меня удивляешь. Ты меньше дурак, чем многие, возьми тебя со всех сторон; но мне кажется что вы не имеете зачатков понятия о правилах здоровья

-- Что ж, -- добавил он после того, как они принимали его рецепты с действительно с мехотворным смирением, больше похожим на школьников из благотворительных организаций, чем на кровопролитных мятежников и пиратов: «Ну, нас его дня все. А теперь я хотел бы поговорить с этим мальчиком, пожалуйста.

И он небрежно кивнул головой в мою сторону.

В дверях стоял Джордж Мерри, отплеываясь и отплеываясь над каким-то противным на вкус лекарством; но при первом же слове докторского предложения он вспыхнул и вскрикнул: «Нет!» и поклялся

Сильвер ударил по столу открытой ладонью.

"Тишина!" - взревел он и огляделся положительно, как Лев. — Доктор, — продолжал он с своим обычным тоном, — я думаю об этом, зная, как вам понравился мальчик. Мы все смирительно благодарим вас за вашу доброту и, как видите, доверяем вам и принимаем наркотики, как горог. И я полагаю, я нашел с пособ, который устроит всех.

Хоккинс, вы дадите мне честное слово молодого джентльмена — для молодого джентльмена вы и есть бедняк, — честное слово не сорваться с тропы?

Я с готовностью дал требуемый залог.

—Тог да, доктор, —с казал С ильвер, —вы прос то выйдете заэтот час токол, и как только вы окажетес ь там, яс пу шу мальчикавнутри, и ядумаю, вы с можете пролезть через ранг оуты.

Доброг о времени с уток вам, с эр, и вс ем нашим милос тям с квай ру и капитану С моллетту.

Взрыв не одобрения, который с держивал только черный взг ляд С ильвера, разразилс яс разу же, как только доктор вышел из дома. С ильвера резко обвиняли в двуличной иг ре —в попытках заклю чить дляс ебя с епаратный мир —в том, что он жертвует интерес ами с воих с ообщников и жертв; и, одним с ловом, тог о же, точно тог о, что он делал.

В данном с лучае это казалос ь мне нас только очевидным, что яне мог с ебе предс тавить, как он должен был обратить их г нев. Но он был в два раза лучше остальных, и ег о победа прошлой ночью дала ему ог ромное преимущес тво в их с ознании. Он назвал их вс еми дураками и болванами, каких только можно вообразить, с казал, что мне не обх одимо поговорить с доктором, помах ал картой перед их лиц ами, с прос ил, мог ут ли они позволить с ебе нарушить дог овор в тот с амый день, ког да они были с вяваны с окровищем. ох ота.

«Нет, клянус ь г ромом!» —вос кликнул он. —Это мы должны разорвать дог овор, ког да придет время, а до тех пор яврежу этому доктору, ес ли мне придется с яу мащать ег о с алог и бренди.

А потом он приказал им разже чь ог онь и вышел на с воем кос тыле, положив руку мне на плечо, ос тавив их в замешательс тве и с корее зас тавив замолчать с воей болтливос тью, чем убедив.

—Медленно, парень, медленно, —с казал он. «Они мог ли бы обрушитс я на нас в мг новение ока, ес ли бы увидели, что мы торопимс я».

Итак, мы очень с ознательно шли по пес ку к г де по друг ую с торону час токола нас ждал доктор, и как только мы оказалис ь на рас с тоянии разг овора, С ильвер ос тановилс я

-- Запишите и это здес ь, доктор, -- с казал он, -- и мальчик рас с кажет вам, как яс пас ему жизнь и тоже был заэто низложен, и вы можете с овать. Доктор, ког да человек рулит так же близко к ветру, как и я, иг рает в фартинг

с последним вздохом в его теле, как - вы, может быть, не слишком много думаете, чтобы сказать ему одно доброе слово! Пожалуй с та, имейте в виду, что это не моя жизнь только теперь — это мальчик в придачу; и вы будете говорить с мной честно, доктор, и дать мне немного надежды идти дальше, ради милосердия

Сильвер изменился, как только он оказался там и с пиной к друзьям и блокпосту; щеки его как будто впали, голос дрожал; никогда не было души более мертвой всерьез.

— Почему, Джон, ты не боишься я? — спросил доктор Ливси.

«Доктор, я не трус; нет, не я, не очень! и он щелкнул пальцами. «Если бы я был, я бы не сказал этого. Но я честно признаюсь, меня трясет за виселицу. Ты хороший человек и верный; Я никогда не видел лучшего человека! И ты не забудешь того, что я сделал хорошему, не больше, чем ты забудешь плохое, я знаю. И я отхожу в сторону — видите — и оставляю вас с Джимом наедине. И это ты мне тоже запишешь, потому что это долго, не так ли!

Сказав это, он отступил немного назад, пока не оказался вне пределов слышимости, и там сел на пенек и начал висеть, время от времени вертеть на своем сиденье, чтобы лучше видеть, иногда меня и доктора, а иногда и его неуправляемых хулиганов, когда они ходили взад и вперед по песку, между огнем, который они были заняты разжиганием, и домом, из которого они приносили с винину и хлеб, чтобы приготовить завтрак.

— Итак, Джим, — грустно сказал доктор, — вот и вы. Как заварил, так и выпьешь, мой мальчик. Небеса знают, что я не могу найти в себе силы винить вас; но вот что я скажу, будь то добрый или недобрый: когда капитан Смоллетт был здоров, вы не осмелились уйти, а когда он был болен и не мог помочь Джорджу, это было простотой трусостью!

Признаюсь, я тут заплакал. -- Доктор, -- сказал я -- вы можете пощадить меня Я дос таточно винил себя моя жизнь влюбом случае утрачена, и я был бы уже мертв, если бы Сильвер не заступился за меня и, доктор, поверьте, я могу умереть — и

Ос мелю с ь с казать, чтозас луживаю этог о, но чег о я бою с ь, так это пыток.
Е с ли они придут мучить меня..

—Джим, — перебил доктор, и ег о г олос с овс ем изменилс я —
Джим, я не мог у этог о допус тить. Переверни, и мы побежим за ним.

-- Доктор, -- с казал я -- я дал с лово.

-- Я знаю , я знаю , -- вос кликнул он. —Мы ничег о не можем с этим поделат ь, Джим.
Я возьму на с вои плечи, holus-bolus, вино и позор, мой мальчик; но
ос тавайтесь здес ь, я не мог у вам позволить. Прыг ать! Один прыжок, и ты
вылетишь, а мы побежим, как антилопы».

«Нет, — ответил я —вы прекрас но знаете, что с ами бы этог о не
с делали; ни вы, ни оруженос ец , ни капитан, и я больше не буду. С ильвер
доверял мне; С дал с лово, и обратно еду. Но, доктор, вы не дали мне
дог оворить. Е с ли они придут мучить меня, я мог у прог оворитьс я о том,
г де нах одитс я корабль; потому что я получил корабль час тично благ одаря
удаче, час тично рис куя, и он лежит в Северном заливе, на ю жном берег у,
чуть ниже паводк а. В полприлива она должна быть выс ок ой и с ух ой.

"К орабль!" —вос кликнул доктор.

Я бы с тро опис ал ему с вои приключ ения, и он ус лышал
меня молча.

—В это м е с ь с воег о рода с удьба, — заметил он, ког да я закончил. —
На каждом шаг у вы с пас аете нам жизнь, и неужели вы думаете, что
мы позволим вам потеря т ь с вою ? Это было бы плох им возвращ ением,
мой мальчик. Вы узнали с ю жет; вы нашли Бена Г анна —лучший
пос тупок, который вы ког да-либо с овершали или с делаете, х отя доживете
до девянос та. О, Юпитер! и г оворяю Бене Г анне, почему, это личное
озорс тво.

С еребро!" —вос кликнул он. —С еребро! Я дам вам с овет, -- продолжал он,
ког да кух арка с нова подошла; —Не торопис ь за этим с окровищ ем.

«Почему, с эр, я делаю вс е возможное, чег о нельзя делат ь, —с казал
С ильвер. —Я мог у только, прошу у вас прощ ения, с пас ти с вою жизнь и
жизнь мальчика, отыс кав это с окровищ е; и вы можете с олг ать в этом.

-- Что ж, С ильвер, -- ответил доктор, -- ес ли это так, я пой ду один раз.
шаг нуть дальш е; Берег ис ь шквалов, ког да найд ешь!»

-- Сэр, -- сказал Сильвер, -- между женщиной и женщиной это с лишком много и с лишком мало. Что вам нужно, почему вы покинули блокгауз, почему вы дали мне эту карту, я не знаю, правда? и все же я выполнял ваши приказы с закрытыми глазами и ни слова надежды! Но нет, это уже с лишком.

Если ты не скажешь мне прямо, что ты имеешь в виду, так и скажи, и я оставлю штурвал.

— Нет, — задумчиво сказал доктор, — я не вправе говорить больше; это не мой секрет, понимаете, Сильвер, или, даю вам слово, я бы вам его не сказал. Но я пойду с вами так далеко, как осмелюсь, и даже на шаг дальше, потому что мой парик будет сбрирован капитаном, или я ошибаюсь! И с начала я дам вам немного надежды. Сильвер, если мы оба выберем с живыми из этой волчьей ловушки, я сделаю все, что в моих силах, чтобы спасти тебя за исключением лжесвидетельства.

Лицо Сильвера сияло. «Вы не могли бы сказать больше, я конечно, сэр, если бы вы были моей матерью, — воскликнул он.

— Что ж, это моя первая уступка, — добавил доктор. «Второй мой совет. Держите мальчика рядом с собой, и когда вам понадобится помощь, ау-у-у. Я иду искать его для вас, и это само покажет вам, если я буду говорить наобум. До свидания, Джим».

И доктор Ливси пожал мне руку через часток, кивнул Сильверу и быстрым шагом отправился в лес.

XXXI

ПОИСК ЗАСЕКРОВИЩАМИ — УКАЗАТЕЛЬ ФЛИНТА

— Джим, — сказал Сильвер, когда мы остались одни, — если я спас тебе жизнь, ты спас мою, и я этого не забуду. Я видел, как доктор махал вам рукой, чтобы вы бежали, — я видел это краем глаза, — и я видел, как вы сказали «нет» так же ясно, как и слышали. Джим, это тебе. Это первый проблеск надежды, который у меня появился после того, как атака не удалась, и я в долгу перед тобой. А теперь, Джим, нам предстоит вот эта охота за засекрощами, да еще и с запечатанными приказами, а мне это не нравится и мы с тобой должны держаться вместе, с пинакспине, и мы спасем наши шеи, не смотря на судьбу и удачу.

В этот момент человек приветствовал нас от костра, что завтрак был готов, и вскоре мы уже сидели тут и там на песке над печеными и жареными ломом. Они разожгли огонь, на котором можно жарить быка; и теперь стало так жарко, что они могли подойти к нему только с наветренной стороны, и даже там не без предосторожности. В том же расточительном духе они приготовили, я полагаю, в три раза больше, чем мы могли съесть; и один из них с пустым мехом бросил то, что осталось, в огонь, который снова запылал и загудел над этим необычным топливом. Я никогда в жизни не видел, чтобы люди так не заботились о завтрашнем дне; из рук в руки — единственное слово, которым можно описать их образ жизни; а что касается напрасной еды и с пещерных часов, хотя они были достаточно мелкими для того, чтобы почиститься и покончить с этим, я мог видеть их полную непригодность к чему-либо вроде длительной кампании.

Даже Сильвер, который ел с капитаном Флинта на плече, не имел ни слова порицания за их безрасудство. И это тем более меня удивило, что я думал, что он никогда еще не проявлял себя так хитро, как тогда.

—Да, товарищи, — сказал он, — вам повезло, что у вас есть Барбекю, который думает за вас этой вот головой. Я получил то, что хотел, я сделал. Конечно, у них есть корабль. Где они у них, я еще не знаю; но как только мы наткнемся на окровище, нам придется прыгать и выяснять. И тогда, товарищи, мы, те, у кого есть лодки, я думаю, одержат верх.

Так он продолжал бежать с полным ртом горячего сала; таким образом он восстанавливал их надежду и доверие, и, я более чем подозреваю, восстанавливал в то же время свою собственную.

—Что касается заложников, — продолжал он, — это, наверное, его последний разговор с теми, кого он так любит. Я получил свою новость, и спасибо ему за это; но все кончено. Я возьму его в очередь, когда мы отправимся на поиски окровища, потому что мы будем держать его, как золото, на случай несчастных случаев, заметьте, и пока. Как только мы получим корабль, и окровища, и отправимся в море, как веселые товарищи, тогда мы поговорим с мистером Хоккинсом, мы поговорим, и мы отдадим ему его долю, разумеется, за всю его доброту.

Неудивительно, что мужчины были сейчас в хорошем настроении. Со своей стороны, я был ужасно подавлен. Если с хема, которую он сейчас набросал, окажется осужденной, Сильвер, уже вдвойне предатель, не колеблясь примет ее. Он все еще имел отношение к обоим лагерьям, и не было сомнений, что он предпочтет богатство и свободу с пиратами голому спасению от повешения, что было лучшим, на что он мог надеяться с нашей стороны.

Нет, и даже если бы все сложилось так, что он был бы вынужден с охранить свою веру в доктора Ливси, даже тогда как его спасение ждала бы нас! Что это было за мгновение, когда подозрения его последователей обратились в уверенность, и ему и мне пришлось бороться за жизнь — ему, калеке, и мне, мальчику, — против пяти сильных и деятельных моряков!

Прибавьте к этому двойному опасению тайну, которая все еще висела над поведением моих друзей; их необъяснимое бегство из час токола; их необъяснимая уступка карты; или, что еще труднее понять, последнее предупреждение доктора Сильверу: «Берегись шквалов, когда найдешь их»;

и вы легко поверите, как мало вкуса я нашел в своем завтраке и с каким тревожным сердцем я отправился в лес за своими похитителями на поиски с окровищ.

Мы представляли собой любопытную фигуру, если бы кто-нибудь был там, чтобы увидеть нас; все в грязной матросской одежде, и все, кроме меня, вооружены до зубов. Сильвер носил два ружья, одно спереди и одно сзади, не считая большой abordажной сабли на поясе и пистолету в каждом кармане его пиджака с квадратным фалдом. Чтобы завершить свой странный вид, капитан Флинт сидел у него на плече и бормотал обрывки бесцельной морской болтовни. У меня была веревка вокруг талии, и я послушно следовал за морским поваром, который держал свободный конец веревки в свободной руке, то между своими мощными зубами. Для всего мира меня вели, как танцующего медведя.

Другие мужчины были по-разному обременены; какой-то переносил кирки и лопаты — ибо это было первое необходимое, что они привезли на берег — другие, нагруженные ~~запасами~~ хлебом и бренди для полуденной трапезы. Все запасы, как я заметил, были получены из наших запасов, и я убедился в правдивости слов Сильвера накануне вечером. Если бы он не заключил сделку с доктором, он и его мятежники, покинутые кораблем, должны были бы питаться чистой водой и добычей своей охоты. Вода была бы им не по вкусу; моряк обычно не очень хороший стрелок; и, помимо всего этого, когда у них так мало съестного, маловероятно, что они будут сильно присыпаны порошком.

Итак, вооружившись, мы все отправились в путь, даже тот, разбитая голова, которая, конечно, должна была оставаться в тени, — и побрела одна за другой к берегу, где нас ждали две двуколки. Даже на них были следы пьяного безумия пиратов: один в сломанной лодке, а оба в грязном и неразобранном состоянии. Оба должны были быть взяты вместе с нами, ради безопасности; и так, с нашими номерами, разделенными между ними, мы выступили на лоне жаркой стужи.

Когда мы притормозили, было какое-то ощущение графика. Красный крест был, конечно, с лишком велик, чтобы служить ориентиром; и условия записки на обороте, как вы слышите, допустили некоторую двусмысленность. Они бежали, как помнит читатель, так:

«Высокое дерево, плечо подозрительной трубы, острок северу от северо-востока

«Остров скелетов ESE и Э.

«Десять футов».

Таким образом, основным признаком было высокое дерево. Теперь, прямо перед нами, как якорная стоянка была ограничена плато высотой от двух с половиной до трех с половиной футов, примыкавшим с севера к покатому южному уступу Подозрительной трубы и вновь поднимавшемуся югу в крутую скалистую возвышенность, называемую Бизань-Мачтой. Вершина плато была горизонтальной с нами разной высоты. Тот тут, тот там один из представителей разных видов возвышался над окрестностями или пятьдесят футов над водами с оседлыми, и какое из них было конкретным «высоким деревом» капитана Флинта, можно было определить только на месте и по показаниям компаса.

Тем не менее, хотя это было так, каждый человек на борту лодки выбрал себе любимца еще до того, как мы прошли половину пути, и только Длинный Джон пожимал плечами и велел им подождать, пока они не придут.

Мы тянули легко, следуя указаниям Сильвера, чтобы не утомлять руки раньше времени; и, после довольно долгого перехода, приземлился в устье второй реки — той, что течет по лесистой расщелине Подозрительной трубы. Отсюда, согнувшись влево, мы начали подниматься по склону к плато.

Вначале тяжелая болотистая местность и спутанная болотная растительность сильно задержали наше продвижение; но мало-помалу холм стал круче и становился каменным под ногами, а лес менялся с характером становился более открытым. Это была, действительно, самая приятная часть

остров, к которому мы приближались. Пахучий ракитник и множество цвetoущих кустов почти заменили траву. Заросли зеленых мускатных деревьев кое-где усевались красными колоннами и широкой тенью сосен, и первые смешивали свою пряность с ароматом других. Кроме того, воздух был свежим и волнуемым, и это, под яркими солнечными лучами, прекрасно освещало наши чувства.

Группа распространилась за границу у веером, крича и прыгая взад и вперед. Примерно в центре, далеко позади остальных, Сильверия слезовали за ним — я привязывался к своей веревке, он падает в глубоких штанах среди скользкого равня. Правда, время от времени мне приходилось помогать ему, иначе он, должно быть, оступись и уйдет вниз с холма.

Таким образом, мы прошли около полумили и приблизились к выступу плато, когда человек на крайнем левом углу начал громко кричать, как будто в ужасе. Он кричал за криком, и остальные побежали в его сторону.

-- Он не может найти окровище, -- сказал старый Морган, проносясь мимо нас с права, -- потому что наверху все чисто.

В самом деле, как мы обнаружили, когда мы также достигли места, это было что-то совсем другое. У подножия довольно большой сосны, запутавшись в зеленой лиане, которая даже частично приподняла некоторые мелкие кости, на земле лежал человеческий скелет с несколькими ключьями одежды. Я полагаю, что холод поразил на мгновение каждое сердце.

-- Он был моряком, -- сказал Джордж Мерри, который с мелее остальных подошел ближе и рассматривал лохмотья. — По крайней мере, это хлорошая морская ткань.

-- Да, да, -- сказал Сильвер, -- точно; я полагаю, вы не стали бы искать здесь епископа. Но что это за посол, чтобы кости лежали? «Не в природе».

Действительно, на второй взгляд казалось невозможным представить, чтобы тело находилось в естественном положении. Но из-за некоторого беспорядка (может быть, дело рук птиц, питавшихся

его или медленно растущей лианы, постепенно окутывающей его (останки) человек лежал совершенно прямо — ноги его указывали в одну сторону, руки подняты над головой, как у ныряльщика, и направлены прямо в противоположную сторону.

-- Я вложил идею в свою старую тупицу, -- заметил Сильвер.
«Вот компас; вот вершина Острова Скелетов, торчащая, как зуб. Просто посмотри, пожалуйста, вдоль линии этих костей».

Сделано. Тело было направлено прямо в остров, а показания компаса должным образом соответствуют ESE by E.

-- Я так и думал, -- воскликнул повар. «Это гинтер. Верно там наверху у нашей очереди за Полярной звездой и веселыми долларами. Но, клянусь громом! если мне не становится холодно внутри при мысли о Флинте. Это один из его шуток, и не ошибиться. Он и эти шесть был здесь один; он убил их, всех мужчин; а этого он притащил сюда и положил по компасу, тряс и мои бревна! У них длинные кости, и волосы были желтыми. Да, это был бы Аллардайс. Ты не против Аллардайса, Том Морган?»

-- Да, да, -- ответил Морган, -- я его не замечаю; он должен мне деньги, он с делал, и взял мой нож с ним на берег.

-- Кстати, о ножах, -- сказал другой, -- почему бы нам не найти его овалюшимся? Flint был не из тех, кто обшаривает карманы моряков; и птицы, я думаю, оставили бы это в покое.

«Клянусь силами, и это правда!» — воскликнул Сильвер.

— Здесь ничего не осталось, — сказал Мерри, все еще ощупывая кости. «Ни медного дота, ни баксик-коробки. Мне это не кажется естественным».

— Нет, клянусь жвачкой, — согласился Сильвер. «Неестественно и некрасиво, — говорите вы. Отличные пушки, товарищи по столу, но если бы Flint был жив, это было бы горячее точкой для нас с тобой! Их было шесть, и нас шесть; и кости такие, какие они есть сейчас».

-- Я видел его мертвым с этими мертвыми фонарями, -- сказал Морган.
«Билли принял меня. Вот он и лежал с монетками на глазах».

-- Мертв... да, конечно же, он мертв и спустился вниз, -- сказал парень с повязкой; «Но если когда-нибудь перритх одил по нему»

будет Флинта. Дорогое сердце, но он умер глухим, не так ли, Флинт!

"Да, это он сделал," заметил другой; «то он бушевал, тот требовал рома, то пел. 'Fifteen Men' была его единственной песней, приятели; и скажу вам правду, с тех пор мне никогда не нравилось слышать это. Было очень жарко и дул сильный ветер, и я слышу, как эта старая песня звучит так ясно, как ясно, и уже смерть настигает этого человека.

-- Ну, ну, -- сказал Сильвер, -- прекрати этот разговор. Он мертв и не ходит, это я знаю; по крайней мере, он не будет ходить днем, и вы можете спать. Забота убила кошку. Идите вперед за дублонами».

Начали, конечно, но, несмотря на жаркое солнце и
Глядя на дневной свет, пираты уже не бегали врозь и с криками
по лесу, а держались рядом и переговаривались, затаив дыхание. Ужас
мертвого пирата охватил их дух.

XXXII

ПОИСК ЗАСЕКРОВИЩАМИ — ГОЛОС СРЕДИ ДЕРЕВЬЕВ

Отчасти из-за демпфирующего влияния этой тревоги, отчасти для того, чтобы дать отдых Сильверу и больным, вся компания села, как только достиг лагребня подъема.

Плато было несколько наклонено к западу, и это место, на котором мы становились, открывало широкий вид с обеих сторон. Перед собой, над верхушками деревьев, мы видели мыс Лесов, окаймленный прибоем; позади мы не только смотрели вниз на якорную стоянку и остров Скелета, но и видели — прямо за собой и восточной низменностью — большое открытое море на востоке. Отвесно над нами возвышалась Подзорная труба, тоусеянная одиночными соснами, то черными от пропастей. Не было слышно ни звука, кроме отдаленных бурунов, поднимавшихся со всех сторон, и трекота бесчисленных насекомых в кустах. Не человек, не парус на море; с такой широтой обзора увеличивалось чувство одиночества.

Сильвер, сидя, ориентировался по компасу.

-- Там три "высоких дерева", -- сказал он, -- примерно с права линия от Острова Скелетов. Подзорное плечо, я так понимаю, означает вот эту нижнюю точку. Это детская игра, чтобы найти материал сейчас. Я наполовину обрадован с начала победы.

—Я не чувствую остроты, — проворчал Морган. «Думаю о Флинте — я думаю, что это было — как сделал я

«Ах, хорошо, сын мой, ты хвалишь свои звезды, он мертв», сказал Сильвер.

-- Он был уродливым дьяволом, -- с одроганием воскликнул третий пират. —А еще эта синева на лице!

-- Вот так его поглотил ром, -- добавил Мерри. "Синий! Ну, я думаю, он был синим. Это верное слово».

С тех пор, как они нашли скелет и пришли к этому хodu мыслей, они говорили все тише и тише и уже почти перешли на шепот, так что звук их разговора почти не нарушал тишину леса. Вдруг из середины деревьев перед нами раздался знакомый воздух и слова тонкий, высокий, дрожащий голос:

«Пятнадцать человек на сундук мертвеца, Йо-хо-хо и бутылка рома!»

Я никогда не видел мужчин в более ужасном состоянии, чем пираты. Цвет сошел с их шестилиц, как волшебство; некоторые вскочили на ноги, некоторые вцепились в друг друга; Морган ползал по земле.

— Это Флинт, с ... —! — воскликнул Мерри.

Песня оборвалась так же внезапно, как и началась, — оборвалась, можно сказать, на середине ноты, как будто кто-то приложил руку к губам певца. Проходя так далеко сквозь ясную, солнечную атмосферу среди зеленых верхушек деревьев, я думал, что это звучало воздушно и сладко, и на моих спутников произвело впечатление незнакомец.

— Ну же, — сказал Сильвер, из всех сил стараясь выдавить слово из пепельных губ, — так не пойдет. Готовьтесь идти. Это ромовое начало, и я не могу назвать голос, но это кто-то шутит — кто-то из плоти и крови, и вы можете слышать.

Пока он говорил, к нему вернулась мелость, а вместе с ней и немного румянца. Остальные уже начали прислушиваться к этому ободрению и стали немного приходить в себя, когда снова раздался тот же голос, но уже не в пении, а в виде слабого, далекого окликанья, еще слабее эхом отдававшего явраселинах. Подзорная труба.

«Дарби МГ роу, — взвыл он, — ибо это слово лучше всего описывает звук, — Дарби МГ роу! Дарби МГ роу! Снова и снова и снова; а затем поднялся немного выше и с ругательством, которое я опускаю: «Принеси ром на корму, Дарби!»

Буканьеры стояли как вкопанные, глаза их начиная с головы. Еще долго после того, как голос замер, они все еще молча смотрели перед собой в ужасе.

«Это ис правит!» — выдохнул один. "Пойдем."

«Это были его последние слова, — простонал Морган, — его последние слова за бортом».

Дик достал свою Библию и много словно молился. Он был хорошо воспитан, Дик, прежде чем он вышел в море и попал среди плохих их товарищей.

Тем не менее, Сильвер остался непокоренным. Я слышал, как стучали его зубы в голове, но он еще не сдался.

-- Никто на этом острове никогда не слышал о Дарби, -- пробормотал он. «Никто, кроме нас, которые здесь». И затем, сделав большое усилие: «Товарищи, — воскликнул он, — я здесь, чтобы получить это добро, и меня не побьют ни люди, ни дьяволы. Я никогда не боялся Флинта в его жизни, и, клянусь силами, я встречу его мертвым. Семьсот тысяч фунтов в четверти мили отсюда. Разве когда-нибудь джентльмен с удачей выставлял свою корму на столько долларов за пьяного старого матроса с иней мордой, да еще и мертвого?»

Но в его последователях не было никаких признаков возрождения мужества; скорее, на самом деле, растущий ужас перед непочтительностью его слов.

— Будь там, Джон! — сказал Мерри. — Не пугай духа.

А остальные были слишком напуганы, чтобы ответить. Они убежали поодиночке, если бы осмелились, но страх держал их вместе и держал рядом с Джоном, как будто его смелость помогала им. Он, со своей стороны, довольно хорошо боролся со своей слабостью.

«Сперрит? Ну, может быть, — сказал он. «Но есть одна вещь, нежная мне. Было это. Так вот, ни один человек никогда не видел духа с тенью. Ну, тогда что он делает с

Этому, ях отел бы знать? Это не в природе, конечно.

Этот аргумент показался мне достаточным. Но вы можете никогда нельзя сказать, что повлияет на суеверных, и, к моему удивлению, Джордж Мерриис пытал огромное облегчение.

—Ну, это так, — сказал он. — У тебя есть голова на плечах, Джон, и это не ошибка. — О корабле, товарищи! Я верю, что эта команда идет по неверному пути. Если подумать, это было похоже на голое Флинта, я согласен с вами, но, в конце концов, не так далеко, как он. Теперь это было похоже на чей-то другой голое... это было похоже на..

«Клянусь силами, Бен Ганн!» — взревел Сильвер.

-- Да, так оно и было, -- воскликнул Морган, вскочив на колени.
— Бен Ганн!

— Это не имеет большого значения, не так ли? — спросил Дик. "Бен Ганна здесь нет в теле, как и Флинта.

Но старшие руки встретили это замечание с презрением.

-- Никто не возражает против Бена Ганна, -- воскликнул Мерри. «мертвый или жив, никто не обращает на него внимания»

Удивительно, как к ним вернулось ядух и как ожил естественный цвет их лиц. Вскоре они болтали вместе, с перерывами прислушиваясь; и вскоре после этого, не услышав больше ни звука, они взвалили инструменты на плечи и снова отправились в путь, Мерри шел первым с компасом Сильвера, чтобы держать их на правильном пути к Острову Скелетов.

Он сказал правду; мертвый или живой, никто не возражал против Бена Ганна.

Один только Дик все еще держал с вою Библию и нахodu олядывался испуганными взглядами; но он не нашел сочувствия, и Сильвер даже подшучивал над его мерами предосторожности.

«Я же говорил тебе, — сказал он, — я говорил тебе, что ты испортил с вою Библию. Если клясться бесполезно, что, по-твоему, дал бы за это дух? Не то! и он щелкнул с воими большими пальцами, установившись на мгновение на костыле.

Но Дика было не утешить; действительно, вскоре мне стало ясно, что мальчик заболел; пошел от жары,

изнеможение и потрясение от тревоги, лихорадки, предсказанная доктором Ливси, явно быстрое усилилась.

Здесь, на вершине, было хорошо одеть на открытом воздухе; наш путь лежал немножко вниз по склону, ибо, как я уже сказал, плато наклонено к западу. Соены, большие и маленькие, росли широко друг от друга; и даже между зарослями мускатного ореха и азалии — широкие открытые пространства, залитые жарким солнцем. Двигаясь, как мы это делали, довольно близко к северо-западу через остров, мы, с одной стороны, подходили все ближе к плечам Подзорной трубы, а с другой, все шире смотрели на западную бухту, где, как будто металл дрожал в корабле.

Было достигнуто первое из высоких деревьев, и, судя по подшпикнику, оказался неверным. Так и с вторым. Третий поднялся почти на двести футов в воздух над зарослями подлеска; гигант, похожий на овощ с красной колонной величиной с коттедж и широкой тенью, вокруг которой могла маневрировать рота. Он был замечен далеко в море, как с востока, так и с запада, и мог быть нанесен на карту как навигационная отметка.

Но теперь моих спутников впечатляли не его размеры; это было знание того, что семьсот тысяч фунтов золота лежат где-то под его расползающейся тенью.

Мысль о деньгах, когда они приблизились, поглотила их прежние страхи. Их глаза горели в головах; их ноги становились быстрее и легче; вся их душа была связана с этим состоянием, с этой жизнью, полной расхождений и наслаждений, которые ждали каждого из них.

Сильверковьял, кряхтя на костыле; ноздри его вздулись и затрепетали; он ругался, как сумасшедший, когда мухи садились на его разгоряченное и блестящее лицо; он яростно дергал за веревку, срывавшую меня с ним, и время от времени бросал на меня убийственный взгляд. Конечно, он не старался скрыть свои мысли; и, конечно же, я читаю их как печатные. В непосредственной близости от золота все остальное было забыто; его обещание и врач

предупреждение осталось в прошлом; и я не сомневался, что он надеялся схватить с окровище, найти его и взять на борт под покровом ночи, перерезать Эспаньола — глотку всем честным людям на этом острове и углыть, как он и намеревался вначале, нагруженный преступлениями и богатыством.

Как бы я ни был потрясен этими тревогами, мне было трудно угнаться за быстрым шагом отников за окровищами. Время от времени я спотыкался и именно тогда Сильвер так грубо дергал веревку и бросал на меня убийственные взгляды. Дик, который отстал от нас, а теперь замыкал шествие, бормотал себе под нос и молитвы, и проклятия, а лихорадка все усиливалась. Это еще больше усугубляло мое несчастье, и, в довершение всего, меня преследовала мысль о трагедии, которая когда-то разыгралась на этом плато, когда этот нечестивый пират с своим лицом — тот, кто умер в Саванне, распевая и крича за выпивку — с собственноручно зарезанных шестерых своих сообщников. Эта рожа теперь такая мирная, должно быть, тогда звенела криками, подумал я и даже с мыслью, что я мог поверить, я все еще слышал его звон.

Теперь мы были на краю чащи.

«Ура, товарищи, вообще!» — крикнул Мерри, и первый бросился бежать.

И вдруг, не проехав и десяти ярдов, мы увидели, что они останавливались. Поднялся тихий крик. Сильвер удвоил шаг, откапываясь ногой костью, как одержимый, и в следующий момент мы с ним тоже останавливались.

Перед нами был большой раскоп, не очень свежий, потому что борта обвалились, а на дне проросла трава. В нем лежало сломанное надвое древко отмычки и разбросаны доски от нескольких упаковочных ящиков. На одной из таких досок я увидел выжженное каленым железом имя — название корабля Флинта.
Морж

Все было ясно до испытательного срока. Тайник был найден и нарезной — семьсот фунтов пропали!

XXXIII ПАДЕНИЕ ВОЖДЯ _

Такого переворота в этом мире еще не было. Каждый из этих шести мужчин был как бы поражен. А вот с Сильвером удар прошел почти мгновенно. Каждая мысль его души была поставлена на полную, как у гонщика, на эти деньги; ну, его воскресли в одну секунду мертвым; и он сохранил голову, взял себя в руки и изменил свой план, прежде чем другие успели осознать разочарование.

—Джим, — прошептал он, — возьми это и будь готов к неприятностям.
И он передал мне двустольный пистолет.

В то же время он начал тихо продвигаться на север, и в нескольких шагах образовала ложину между нами двумя и остальными пятью. Потом он посмотрел на меня и кивнул, как бы говоря «Здесь узкий угол», как я и думал.

Взгляды его были теперь вполне дружелюбны, и мне так противны были эти постоянные перемены, что я не мог удержаться и прошептал: «Значит, ты опять перешел на другую сторону».

Ему некогда было отвечать. Буканьеры с руганью и криками с тали один за другим прыгать в яму и копать пальцами, отбрасывая при этом доски. Морган нашел кусок золота. Он держал его с овершенным потоком ругательства. Это была монета в две гинеи, и онах одила у них из рук в руки в течение четверти минуты.

«Две гинеи!» — взревел Мерри, тряся им Сильвера. — Это ваши с емь от тысяч фунтов, не так ли? Вы человек для сделок, не так ли? Ты тот, кто никогда ничего не напортачил, ты, болван с деревянной головой!

-- Копайте, мальчики, -- сказал Сильверс с амой хладнокровной наглостью.
— Ты найдешь немног опигнатов, и я не удивлюсь.

«Огурцы!» повторил Мерри, в крике. «Друзья, вы слышите это? Я говорю вам сейчас, тот человек знал это с самого начала. Посмотри ему в лицо, и ты увидишь, что там написано».

-- Ах, Мерри, -- заметил Сильверс, -- опять вместе с капитаном? Ты, конечно, напористый парень.

Но на этот раз все были полностью на стороне Мерри. Они начали вылезать из раскопа, бросая яростные взгляды за спину. Я заметил одну вещь, которая вылезла для нас; все они вышли с противоположной стороны от Сильвера.

Ну, вот мы и встали, двое с одной стороны, пятеро с другой, яма между нами, и никто не подтянулся точно выско, чтобы нанести первый удар. Сильверс не шевелился, он смотрел на них, стоя на косяке, и вылезал таким же хладнокровным, каким я его никогда не видел. Он был с мелким и не ошибся.

Наконец Мерри, похоже, решил, что речь может помочь делу.

-- Товарищи, -- говорит, -- их там двое одних; с вой старый калека, который привел нас всех сюда и довел до этого; другой - тот детеныш, сердце которого уже имеет. А теперь, товарищи...

Он поднял руку и поднял голос и явно хотел вести заряд. Но именно тогда — треск! трескаться треск! — три мушкетных выстрела грянули из чащи. Мерри головой вперед рухнул в раскоп, человек с повязкой завертелся как трезвенник, и упал во всю длину набок, где лежал мертвый, но все еще дергающийся, а остальные трое повернулись и побежали из всех сил.

Прежде чем успели подмигнуть, Длинный Джон выстрелил двумя дулами из пистолета в сторону, противоположную Мерри; и когда человек закатил глаза на него в последней агонии, "Джордж" сказал он, "Я думаю, что я строил вас".

В тот же миг к нам присоединились доктор, Грей и Бен Ганн с дымящимися мушкетами из мускатного ореха.

деревья

"Вперед!" — воскликнул доктор. «Вдвойне быстрее, мои ребята. Мы должны отвадить их от лодок.

И мы отправляемся в большом темпе, иногда погружаясь в кусты.

Говорю вам, но Сильвер очень хотел не отставать от нас. Работа, которую проделал человек, прыгая на своем костыле до такой степени, что мускулы его груди готовы были лопнуть, была работой, с которой не мог сравниться ни один здоровый человек; и так думает доктор. Как бы то ни было, он был уже в тридцати ярдах позади нас и был на грани удушья, когда мы достигли края клона.

— Доктор, — окликнул он, — смотрите! не торопись!"

Конечно, спешить было некуда. В более открытой части плато мы могли видеть троих выживших, все еще бегущих в том же направлении, в котором они начали, прямо к холму Бизань-Мачта.

Мы уже были между ними и лодками, так что мы вчетвером сели подышать, а Длинный Джон, вытирая лицо, медленно шел с нами.

-- Большое спасибо, доктор, -- сказал он. — Вы пришли по поводу ника, я полагаю, для меня и Хокинса. Так это ты, Бен Ганн! добавил он. — Ну, ты главный, это уж точно.

— Меня зовут Бен Ганн, — ответил темно-бордовый, извиваясь от мучения, как угорь. -- И, -- добавил он после долгой паузы, -- какживаете, мистер Сильвер! Очень хорошо, благодарю вас, говорите вы.

— Бен, Бен, — пробормотал Сильвер, — думать так, как ты поступил со мной!

Доктор послал Грея одной из кирок, брошенных во время бегства мятежниками; а затем, пока мы неторопливо сгускали к тому месту, где стояли лодки, в нескольких словах рассказал, что произошло. Это была история, которая глубоко заинтересовала Сильвера, и Бен Ганн, темно-бордовый полудиот, был героем от начала до конца.

Бен во время своих долгих одиноких скитаний по острову нашел скелет. Это он откопал его; он нашел скровище; он выкопал его (это была сломанная рукоять его кирки в раскопках); он нес его на своем

назад, с овершив множество утомительных путешествий, от подножия
высочайшей горы к пещере, которую он имел на двух конечных ольме
в северо-восточном углу острова, и где она лежала в безопасности
за два месяца до прибытия. Когда доктор выудил у Эспаньола

негласную тайну в день нападения и когда на следующее утро он
увидел, что жаркая слякоть густа, он отправился в Сильвер и дал ему
карту, которая теперь была бесполезной; дал ему припасы, потому что
пещера Бена Ганна была хороша с набже на козым мясом, с оленями
с амим; отдать все и вся, чтобы иметь возможность безопасно
перейти из частоты на двух конечных ольм, чтобы там не
заразиться малярией и охотиться на деньги.

-- Что касается тебя, Джим, -- сказал он, -- это было против моего сердца, но я
делал то, что считал нужным для тех, кто выполнял свой долг; а
если ты не был одним из них, то чья вина в том?»

В то утро, узнав, что причастен к ужасному разочарованию,
которое он приготовил для мятежников, он пробежал всю дорогу до
пещеры и, оставив оружие, охотиться на капитана, взял Грея и темно-
бордового и отправился, делая диалог через остров, чтобы быть
под рукой около горы. Вскоре, однако, он увидел, что наша партия его
опередила; и Бен Ганн, будучи быстроходим, был отправлен вперед,
чтобы сделать все возможное в одиночку. Затем ему пришлось в голову
поработать над суевериями своих бывших товарищей по
кораблю; и он был настолько успешен, что Грей и доктор подошли и
попали в засаду еще до прибытия искателей крови.

«Ах, -- сказал Сильвер, -- мне повезло, что Хоккинс был
здесь. Вы бы позволили старому Джону быть разорванным на куски и даже
не подумали бы об этом, доктор.

-- Ни мысли, -- весело ответил доктор Ливси.

И к этому времени мы добрались до концов. Врач, с
кирку, разрушил одну из них, а затем мы все сели на другую и
отправились в обход по морю к Северному заливу.

Это был пробег в восемь или девять миль. Сильвер, х отя он уже был почти убит усталостью, взялся за весло, как и все мы, и вскоре мы быстро скользили по гладкому морю. Вскоре мы вышли из пролива и обогнули юго-восточный угол острова, вокруг которого четыре дня назад мы буксировали

Эс-паньола .

Когда мы миновали двух конечных холм, мы увидели черный вход в пещеру Бена-Ганна и Фигура, стоя у него, опираясь на мушкет. Это был сквайр, и мы помахали ему носовым платком и трижды приветствовали его, к которым так же сердечно присоединился голос Сильвера.

В трех милях дальше, прямо в устье Северного залива, что еще мы встретим, как не корабль, плывущий ~~в одиночестве!~~ ~~Эс-паньола~~ в одиночестве! Последнее наводнение подняло ее, и если бы был сильный ветер или сильное приливное течение, как на южной якорной стоянке, мы бы никогда не нашли ее больше или не нашли бы ее без помощи. Как бы то ни было, кроме обломков гротанического случилось. Был приготовлен другой якорь и опущен на полторы сажени воды. Мы все снова вернули в Ромовую бухту, ближайшую к скровищнице Бена-Ганна; а затем Грей в одиночку вернулся с двуколкой туда, где должен был провести ночь в карауле.

Эс-паньола ,

Пологий склон поднимался от пляжа ко входу в пещеру. Наверху у нас встретил оруженосец. Сомной он был сердечен и добр, ничего не говоря о моей выходке ни в порицании, ни в похвале. При вежливом приветствии Сильвера он слегка покраснел.

— Джон Сильвер, — сказал он, — вы ужасный негодяй и амосванец — чудовищный амосванец, сэр. Мне сказали, что я не должен преследовать вас. Ну тогда не буду. Но мертвецы, сэр, висят у вас на шее, как жернова.

-- Благ одарю вас, сэр, -- ответил Длинный Джон, снова отдавая честь.

— Я с мею вас благ одарить меня! — воскликнул сквайр. «Это грубо пренебрежение с вашим долгом. Отойди!"

И тогда мы все вошли в пещеру. Это было большое просторное место с небольшим родником и прудом с чистой водой, заросшим папоротником. Пол был песком. Перед большим огнем лежал капитан Смоллетт; а в дальнем углу, едва освещенном пламенем, я увидел большие груды монет и четырех угольники, сложенные из золотых слитков. Это было с окровище Флинта, за которым мы так далеко зашли, и оно уже стоило жизни семнадцати мужчинам из. Чего стоило это с борище, какой крови и печали, каких ~~добрых~~ кораблей тонули в пучине, каких х рабцев одили подоске с завязанными глазами, каких пушечных выстрелов, какого позора, лжи и жестокости, пожалуй, не мог бы сказать ни один живой человек. И все же на этом острове оставалось еще трое — Сильвер, старый Морган и Бен Ганн, — каждый из которых принял свою долю в этих преступлениях, так как каждый тщетно надеялся разделить награду.

— Входи, Джим, — сказал капитан. «Ты хороший мальчик в твою линию, Джим; но я не думаю, что мы с тобой снова пойдем в море. Ты слишком прирожденный фаворит для меня. Это ты, Джон Сильвер? Что привело тебя сюда, парень?

-- Вернитесь к моей дурочке, сэр, -- ответил Сильвер.

«Ах!» сказал капитан, и это было все, что он сказал.

Как хорошо я поужинал в тот вечер, когда вокруг меня были все мои друзья и какая это была еда, с соленой козой Бена Ганна, некоторыми деликатесами и бутылкой старого вина из... Я уверен, Эспаньола что никогда еще люди не были более веселыми и счастливыми. А еще там был Сильвер, отсидевший с я почти вдали от коста, но евший с аппетитом, готовый прыгнуть вперед, когда что-нибудь понадобится, даже тихонько присоединившийся к нашему смеху — тот же вежливый, вежливый, подобострастный моряк, что и во время плавания.

XXXIV

И ПОСЛЕДНИЙ

На sledующее утро мы рано приступили к работе, так как транспортировка этой огромной массы золота примерно в милю посуше до берега, а оттуда на лодке в три мили к морю была Эспаньола, с серьезной задачей для такого небольшого числа людей. рабочие. Трое парней, все еще живших на острове, не очень беспокоили нас; одного часовой насконехолма было достаточно, чтобы застраховать нас от любого внезапного нападения, и, кроме того, мы думали, что у них было более чем достаточно боев.

Поэтому работа пошла в ускоренном темпе. Грей и Бен Ганн пришли и ушли с лодкой, а остальные во время своего отсутствия собирали сокровища на берегу. Два прута, подвешенные на конце веревки, составляли хрошую нагрузку для взрослого человека, с которой он был бы рад медленно ходить. Что касается меня, то, поскольку я не ощущал необходимости в переноске, весь день был занят в пещере, укладывая отчеканенные деньги в мешки для хлеба.

Это была странная коллекция, похожая на клад Билли Боунса из-за разнообразия монет, но не только большая и не только разнообразная, что, кажется, никто не получал большего удовольствия, чем сортировать их. Английские, французские, испанские, португальские, Жоржи и Луизы, дублионы и двойные гинеи, майдоры и пайетки, портреты всех королей Европы за последние столетия, странные восточные монеты, отчеканенные чем-то вроде обрывков ниток или кусочков паутина, круглые и квадратные кусочки, а также кусочки с просверленными серединами, как будто для того, чтобы носить их на шее, — я думаю, что почти все разновидности денег в мире должны были найти место в этой коллекции; и по количеству, я уверен, что они были

как осенние листья, так что у меня болела спина от наклона и пальцы от их перебирания.

День за днем продолжалась эта работа; каждый вечер на борт клали целое состояние, но наутро ожидало еще одно состояние; и все это время мы ничего не слышали от трех оставшихся живых мятежников.

Наконец — я думаю, это было на третью ночь — мы с доктором прогуливались по склонам холма, с которого открывается вид на низменности острова, когда из густой тьмы внизу ветер донес до нас шум между визгом и визгом и пение. До наших ушей донесся лишь обрывок, за которым последовала прежняя тишина.

-- Да простят их небеса, -- сказал доктор. — Это мятежники!

-- Весь пьян, сэр, -- ударил голос Сильвер сзади.
нас.

Я должен сказать, что Сильверу была предоставлена вся его свобода, и, несмотря на ежедневные отпоры, он, казалось, снова стал считать себя вполне привилегированным и дружелюбным зависимым. В самом деле, было замечательно, как хорошо он переносил эти пренебрежения и с какой неутомимой вежливостью старался извиняться перед всеми. И все же, я думаю, никто не обращался с ним лучше, чем Собака, если не считать Бена Ганна, который все еще ужасно боялся своего старого квартирмейстера, или меня, которому действительно было за что его благодарить; хотя в этом отношении, я полагаю, у меня были основания думать о нем даже хуже, чем о ком-либо еще, потому что я видел, как он обдумывал новое предательство на плато.

С ответственным, доктор ответил ему довольно грубо.

-- Пьян или в бреду, -- сказал он.

-- Вы были правы, сэр, -- ответил Сильвер. "и драгоценные небольшие шансы, которые, для вас и меня"

-- Я полагаю, вы вряд ли стали бы просить меня называть вас гуманным человеком, -- с насмешкой ответил доктор, -- а потому мои чувства могут вас удивить, мастер Сильвер. Но если бы я был уверен, что они в бреду, в чем я морально уверен, по крайней мере один из них

менялих орадит, я должен покинуть этот лагерь и, невзирая на риск для собственного тела, прибегнуть к помощи своего умения».

-- Прошу прощения, сэръ, вы были бы очень неправы, -- сказал Сильвер. «Вы потеряете свою драгоценную жизнь, и вы можете сожалеть об этом. Теперь я на твоей стороне, рука и перчатка; и я не хотел бы, чтобы партия ослабла, не говоря уже о тебе, поскольку я знаю, чем тебе обяван. Но эти люди там, внизу, они не смогли держать свое слово — нет, не думаю, что хотели бы, — и более того, они не могли поверить, как вы.

— Нет, — сказал доктор. «Ты человек, который держит свое слово, мы знаем это."

Ну, это были последние новости о трех пиратах. Только один раз мы услышали выстрел издалека и предположили, что они отягся. Состоялся ответ, и было решено, что мы должны бросить их на острове — к огромной радости, надо сказать, Бена Ганна и с решительного одобрения Грея. Мы оставили хороший запас пороха и дроби, большую часть с оленого козла, несколько лекарств и некоторые другие предметы первой необходимости, инструменты, одежду, запасной парус, сажень или две веревки и, по обоим желанию доктора, красивый подарок табака.

Это было последнее, что мы делали на острове. Перед этим мы уложили с окровица и отправили дос таточно воды и остатка козьего мяса на случай бедствия и, наконец, в одно прекрасное утро мы снялись с якоря и это было почти все, на что мы были способны, и вышли из Северного залива, развеваясь теми же знаменами, под которыми капитан летал и сражался у час токола.

Трое парней, должно быть, наблюдали за нами ближе, чем мы думали, как мы вскоре доказали. Ибо, прох одя через узкие места, мы должны были лечь очень близко к южной оконечности, и там мы увидели, что все трое вместе стоят на коленях на песчаной косе, воздев руки в мольбе. Я думаю, нам всем сердцем было оставить их в таком жалком состоянии, но мы

не могли рисковать еще одним мятежом, и взять их домой нависелицу было бы жестоким проявлением доброты. Доктор окликнул их и расказал о запасах, которые мы оставили, и о том, где они должны были их найти, но они продолжали звать нас по именам и просить нас, ради Бога, быть милосердными и не оставлять их умирать в таком месте.

Наконец, увидев, что корабль все еще держит курс и теперь быстро удаляется из пределов слышимости, один из них — не знаю, кто это был — с хриплым криком вскочил на ноги, хлестнул мушкетом к плечу и послал выстрел просвистел над головою Сильвера и сквозь рот.

После этого мы держались под прикрытием бастионов, и когда затем я выглянул, они исчезли с косы, а сама коса почти скрылась из виду в увеличивающейся дали. Это был, по крайней мере, конец; и еще до полудня к моей невыразимой радости, сама выскока кала Острова Скровиц погрузилась в голубую гладь моря.

У нас было так мало людей, что всем на борту пришлось нести руку — только капитану, лежавшему на тюфяке на корме и отдавшему приказы, ибо, хотя он и сильно оправился, ему все еще не хватало покоя. Мы направили ее к ближайшему порту в Испанской Америке, потому что не могли рисковать путешествием домой без свежих рук; и так как это было, что ссбивающим толку ветром и парой новых штормов, мы все были измотаны прежде, чем мы достигли этого.

Как раз на закате мы бросили якорь в красивейшем заливе, не имея никаких одак морю, и сразу же были окружены прибрежными лодками, полными негров, мексиканских индейцев и полукровок, торгующих фруктами и овощами и предлагающих нырять за небольшие деньги. Вид с таких добродушных лиц (особенно негров), вкус тропических фруктов и, главное, огни, засиявшие в городе, составляли очаровательный контраст с нашим темным и кровавым пребыванием на острове; и доктор и сквайр, взяв меня с собой, сошли на берег, чтобы сократить ночь.

Здесь они встретили капитана английского военного корабля, попали в

поговорить с ним, поднялся на борт его корабля, и короче говоря, так приятно провел время, что день уже рассветало, когда мы подошли к

Эс-паньола .

Бен-Ганн был на галубе один, и как только мы вышли на задоской он начал, с чудесными конвульсиями, делать нам признание. Сильверисчез. Темно-бордовый потворствовал его побегу на прибрежной лодке несколько часов назад, и теперь он заверил нас, что сделал это только для того, чтобы сохранили наши жизни, которые, несомненно, были бы потеряны, если бы «этот человек с одной ногой остался на борту». Но это было еще не все. Морской повар не ушел с пустыми руками. Он незаметно пробил переборку и вытащил один из мешков с монетами, стоивший, может быть, триста или четыреста гиней, чтобы помочь себе в дальнейших странствиях .

Я думаю, что мы все были рады так дешево отделаться от него.

Ну, короче говоря, у нас есть несколько рук.

доплыла до дома и добралась до Брис-толя как раз в тот Эс-паньола момент, когда мистер Блэндли начал подумывать о снаряжении ее супруга. С ней вернулись только пять человек из тех, кто уплыл. «Гей, а черт покончил с остальными» с удвоенной силой, хотя правда, мы были не в таком плохом положении, как тот другой корабль, о котором они пели:

«С одним человеком из команды в живых ,

Что вышло в море с семьей десятию пятью ».

У всех нас была достоящая доля кровища, и мы использовали его мудро или глупо, согласно нашей природе. Капитан Смоллетт ушел из моря Грей не только с берегом своих денег, но, внезапно охваченный желанием подняться, также изучил сую профессию, и теперь он помощник и совладелец прекрасного корабля с полным парусным вооружением; женатый к тому же, и отец семейства. Что же касается Бена-Ганна, то он получил тысячу фунтов, которые израсходовал или потерял за три недели, а точнее, за девятнадцать дней, потому что на двадцатый он вернулся просить милостыню .

Затем ему дали сторожку, как он и боялся на острове; и он все еще жив, большой любитель, хотя и немножко задница с деревенскими мальчишками, и известный певец в церкви по воскресеньям и в дни святых.

О Сильвере мы больше ничего не слышали. Этот грозный одноногий мореплаватель наконец ушел из моей жизни. Начистота, но я осмелюсь сказать, что он встретил свою старую негрятку и, возможно, до сих пор живет в комфорте с ней и капитаном Флинта. Я полагаю, на это следует надеяться, потому что его шансы на утешение в другом мире очень малы.

Серебряный слиток и оружие до сих пор лежат, насколько мне известно, там, где их закопал Флинт; и, конечно, они будут лежать там для меня. Ни быки, ни канаты не вернут меня на этот проклятый остров, и самые страшные сны, которые мне когда-либо снятся — это когда слышу шум прибоя у его берегов или вскакиваю в постель с все еще звенящим резким голосом капитана Флинта. в моих ушах :
«Восьмерки! штук восемь!»

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Вскоре мятежников стало всего восемь человек, так как человек, застреленный мистером Трелони на борту шхуны, скончался от раны в тот же вечер. Но об этом, конечно же, верная партия узнала позже. —

Остров с окровиц
была написана в 1881 году
Робертом Луи Стивенсоном.

Эта электронная книга была
подготовлена для

СТАНДАРТНЫХ
ЭЛЕКТРОННЫХ КНИГ АЛЕКСАНДРА КАБАЛ, и основан на транскрипции,
сделанной в 2009 году ДЖУЛЬЕТА СЭТЕРЛЕЙНД, СТИВЕНОМ БЛАНДЕЛЛОМ и
THE ONLINE

DISTRIBUTED КОМАНДА
КОРРЕКЦИИ ПРОЕКТА ГРУПЫ ИБЕРГ _ и на
цифровых каналах, доступных в ИНТЕРНЕТАРХИВЕ.

Обложка адаптирована из
Еще один шаг, мистер Хэндс ,
картина, завершённая в 1911 году NC WYETH.

На обложке и титульном листе использованы
шрифты LEAGUE SPARTAN и SORTS MILL
GOUDY, созданные в 2014 и 2009 годах компанией
THE LEAGUE OF MOVEABLE TYPE.

Это издание было выпущено 27 ИЮЛЯ
2021 г . в 23:00 и обновлено на
РЕ ВИЗИИ E862B90.

Первое издание этой электронной книги было выпущено 15
АПРЕЛЯ 2015 Г ОДА, 11:09 .

Вы можете проверить наличие обновлений этой электронной книги, просмотреть
историю ее изменений или загрузить ее для различных электронных книг
на сайте STANDARDEBOOKS.ORG/EBBOOKS/ROBERT-LOUIS-STEVENSON/TREASURE-ISLAND.

Волонтерский проект Standard Ebooks полагаётся на таких читателей,
как вы, которые сообщают об опечатках, исправлениях и других
улучшениях . Любый желающий может внести свой вклад в STANDARDEBOOKS.ORG.

НЕ АВТОРСКИЕ ПРАВА

Да не найдёшь, ~~делай подборку~~ ~~и не~~
Пусть простишь
другие.

you you делитесь с вободно, никог да не беря больше, чем May
давать.

Страницы авторских прав существуют, чтобы сказать вам что-то делать. В отличие от
их, эта страница Uncopyright существует, чтобы сообщить вам, среди прочего
вещи, которые написаны и иллюстрированы в этой электронной книге
считается общественным достоянием США. Общественность США
домен представляет наше коллективное культурное наследие, и
элементы в нем бесплатны для людей в США, чтобы сделать почти
вообще ничего, без необходимости получать разрешение. Общественный
элементы домена свободны от ограничений авторского права.

Законы об авторском праве различаются по всему миру. Если вы не
находитесь в США, ознакомьтесь с местными законами перед использованием
этой электронной книги.

Неавторская деятельность, осуществляемая в общественном достоянии
элементы — так называемая работа «в поте лица» — не создают
новое авторское право. Это означает, что никто не может претендовать на новый
авторское право на объект общественного достояния, среди прочего,
такие как оцифровка, разметка или типографика. Независимо от того, чтобы
расеять любые возможные сомнения в статусе авторского права этого
ebook, Standard Ebooks LLC, его авторы и
авторы этой электронной книги выпускают эту электронную книгу под

термины в [CC0 1.0 Universal Public Domain Dedication](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/), тем самым передавая все общему достоянию всю работу, которую они проделали над этой электронной книгой, включая помимо прочего, метаданные, титульный лист, выходные данные, колофон, это не авторское право, а также любые изменения или улучшения или разметку исходного текста и произведения искусства. Это посвящение не меняет статус авторского права на лежащие в его основе произведения, которые, хотя и считаются уже находящимися в общественном достоянии США, могут еще не находиться в общественном достоянии других стран.

Мы делаем это в интересах обогащения нашего глобального культурного наследия, продвижения свободной и свободной культуры во всем мире и отдачи неограниченной культуре, которая так много дал